

Фредрик Браун

Сатана вас поздравляет

Глава 1

Со 2 декабря 1919 года Амброза Смолла, жителя города Торонто, что в Канаде, никто больше не видел <...>. Он исчез, оставив по себе более миллиона долларов...

Ещё до того, как я заглянул в дело Амброза Смолла, моё внимание было привлечено к нему одним, на первый взгляд, совпадением. В самом деле, неужели одно тут связано с другим? Это казалось такой нелепостью, что я, умудрённый обширным опытом, сразу же не на шутку задумался. Ведь примерно за шесть лет до исчезновения Амброза Смолла исчез Амброс Бирс. Газеты всего мира наперебой воздали должное загадке Амброза Бирса. Но можно ли соотнести исчезновение одного Амброза из Техаса с исчезновением другого Амброза из Канады? Уж не коллекционирует ли некто Амбросов?

- Книги Чарльза Форта

Тем вечером мой дядя Амброс, дядюшка Эм, домой не пришёл. В пору окончания рабочего дня он был в дозоре где-то в городе, я же, ничем не занятый, сиднем сидел в конторе — а именно в офисе Детективного агентства Старлока, где мы с дядюшкой работали; а потому с наступлением положенного часа я отправился восвояси — то есть туда, где мы снимали на двоих меблированную комнату, — надеясь, что к шести дядюшка объявится и мы вместе где-нибудь поужинаем. Но он не объявился и к семи, когда я уже настолько проголодался, что не вытерпеть; я прошвырнулся до Кларк-стрит и заказал там фирменное жаркое.

За кассой оказалась Эстелла Бек, квартировавшая в одном с нами доме; она была слишком занята для разговора, когда я делал заказ, но постепенно толчея уменьшилась, и к тому времени, как я покончил с едой, Эстелла подошла ко мне.

— Привет, Эдди, — произнесла она. — Где-то пропал несколько дней?

— Нельзя же всё время есть жаркое, — отвечал я.

— Всё время я здесь не работаю. Заканчиваю в полвторого.

— Когда я давно в постели, — парировал я. — По утрам ведь встаю в полвосьмого. И уж если дожидаться тебя до половины второго, то не лечь мне ранее четырёх. Или — лечь? Не отвечай, а то я поддамся соблазну.

Она скорчила мне рожицу.

— Ещё кофе? А где же Эм?

— На первый вопрос — «да», — ответил я, — А на второй — «не знаю». Вероятно, заработался допоздна.

— Либо его сцапал коллекционер Амбросов.

— Чего-чего?

Но Эстелла уже удалилась — заново наполнить мою кофейную чашку; мне пришлось дожидаться её возвращения, чтобы вновь спросить:

— Что ещё за коллекционер Амбросов?

— Никому неизвестно.

— Ну, здравствуйте, — сказал я. — Зачем кому-то коллекционировать Амбросов?

— Тоже пока не выяснено.

— Так-так... — отвечивал я. — А знаешь ли ты, что тебя ждут двое новых посетителей, да и начальник на тебя посматривает? Хочешь вылететь с работы?

— А что, и хочу!

Всё же Эстелла вернулась за прилавок, чтобы встретить новых клиентов. Я посматривал на неё поверх своей кофейной чашки, гадая, то ли я глупец, то ли здравомыслящий человек. Мы с дядюшкой Эмом знали Эстеллу уже давно; она бросила подвизаться на той же ярмарке в том же сезоне, что и мы, и прибыла в Чикаго в одно время с нами. С тех пор мы постоянно с ней виделись, но лишь в последние несколько месяцев квартировали все в одном доме. Так или иначе, а всё же я слишком хорошо знал Эстеллу и всерьёз ей симпатизировал, чтобы возжелать с ней мимолётных встреч; однако я также был весьма далёк от стремления к союзу, который грозил бы сделаться постоянным.

Но сидя вот так и наблюдая за ней, я подумал, а не прав ли был дядюшка Амброз, когда говорил, что я просто псих, если так смотрю на вещи. А вспомнив про дядюшку Эма, я подумал, что он, должно быть, уже вернулся домой, а потому я побыстрее покончил с кофе, помахал Эстелле на прощание и вышел на улицу.

Нет, дядюшка Эм не возвращался, а было уже почти восемь, так что я вновь спустился на первый этаж и постучал в дверь к миссис Брэйди, нашей домохозяйке. Я поинтересовался, не было ли для меня телефонного сообщения; миссис Брэйди ответила отрицательно.

Я вновь поднялся в нашу комнату. Комната располагалась во втором этаже окнами на улицу, светлая и просторная даже для двоих; чтобы поубивать время, я достал свой тромбон. Играл я тихонько, насколько вообще тихонько можно играть на тромбоне. Несколько гамм для разминки, затем — пластинку на переносной проигрывателе, бибоп в исполнении Диззи Джиллспи, — и ну дудеть вместе с ним.

В дверь постучали. Протянув руку, я выключил проигрыватель и крикнул «Войдите!»

Дверь открылась, и наш сосед Честер Хемлин вяло прикорнул к косяку. Он был неглиже: только майка, штаны да тапочки.

— Играешь, как сам Джимми Дорси, — произнёс Честер.

— Ты хотел сказать, Томми Дорси, — поправил я его.

— Разве? — он усмехнулся.

— Непременно, — ответил я. — Это всё, чего ты хотел сказать?

Честер вздел руку, и я увидел, что в кулаке у него зажата отвёртка. — Можешь управиться с этой штуковиной? — спросил он.

— Система знакомая. У неё на кончике такое плоское лезвие. А на головке шурупа — прорезь. Вставляешь лезвие в прорезь и поворачиваешь. Кажется, по часовой стрелке.

— Звучит чересчур сложно. Покажешь мне?

Я вздохнул и отложил тромбон на кровать. Честер повёл меня в свою комнату, соседнюю с нашей. Там он указал на дверь в чулан.

— Хотел, понимаешь ли, приделать вот сюда накладку под висячий замок, но дерево не поддаётся шурупу. Мне бы только начать, и дальше я бы сам завинтил, но никак не могу ухитриться повернуть хотя бы разок. Дерево слишком твёрдое.

Я с жалостью посмотрел на него.

— А не пришло в голову накернить с помощью гвоздя и молотка? Слегка вбей гвоздик, а затем вытащи.

— Вот чёрт, как я не подумал! Я пытался немного вколотить туда сам шуруп, да не помогло. А у тебя нет гвоздя покрепче?

— Отдельно — нет, — сказал я. — Но в нашем чулане полно гвоздей, на которые мы вешаем всякую всячину; можно один вытащить, а потом вернуть на место. Но ведь ты и в своём чулане раздобудешь целую дюжину.

Честер покачал головой. — Я их уже вчера повытаскивал и выбросил, когда оборудовал себе проявочную. Отныне держу одежду вот в этом шкафу. А тут у меня теперь миленькая комнатуха, сам взгляни.

Он распахнул дверь чулана и зажёл внутри свет. Я взошёл и огляделся; проявочная и впрямь вышла на славу. Этот чулан был больше нашего, примерно четыре фута на семь.

Заглянув через моё плечо, Честер сказал:

— А ведь у меня есть гвозди: я забыл про те, на которых крепится шпагат, чтобы вешать снимки для просушки. Воспользуюсь одним из них, а потом снова вколочу. Ну, как тебе местечко?

— Неплохо, — заверил я его. — Ты, должно быть, уйму денег потратил на оборудование.

— Да, баксов двести ушло. Для меня это не хобби какое-то. Обходится подороже, чем на тромбоне играть. Зато гораздо меньше шума.

— Ш-ш-ш, — отозвался я и замер, прислушиваясь. Кто-то поднимался по лестнице; меня потянуло взглянуть, не дядюшка ли это Эм возвращается домой. За стеной чулана как раз была наша комната, и я мог слышать, если бы кто-то взойшёл к нам. Но шаги проследовали через лестничную площадку и устремились к третьему этажу.

— Я уж думал, это дядя, — объяснил я, — но, кажется, не он. Ну, давай молоток, и я вобью тебе гвоздь.

Он подал молоток, я вбил гвоздь, затем уселся на кровать и глядел, как Честер прилаживает накладку под висячий замок с наружной стороны двери.

— А отчего снаружи? — спросил я его, когда он прикручивал последний шуруп. — Мне казалось, тебе требуется задвижка изнутри. Тогда никто не откроет дверь, пока ты работаешь в темноте.

— Это меня не тревожит. Я ведь могу запереть изнутри входную дверь. Просто я не хочу, чтобы кто-нибудь — миссис Брэйди, или уборщица, или паренёк миссис Брэйди — вздумал туда залезть.

— Лукавишь. Некоторые из этих химикалий ядовиты, верно?

— Верно. И это другая причина.

— Так-то! И если паренёк миссис Брэйди туда заберётся, он может отведать один из этих ядов. Честер Хемлин усмехнулся.

— Ты, Эд, почти что искушаешь меня. Кстати, ты не собирался еще немного поиграть на тромбоне?

— Не собирался, а что? Захотелось послушать?

— Нет-нет, что ты! Только ты этак полусидел, полулежал на кровати, когда я раскрыл дверь, — фотография вышла бы на славу. Выглядело, словно бы твоя шея была обёрнута этим тромбоном, — или той его частью, кулисой. А я как раз обзавёлся быстропроявляющейся фотоплёнкой и хотел бы опробовать её со вспышкой. Готов потратить колбу-другую, коли согласишься поиграть.

— Что ж, почему нет... Пойду, проиграю песенку-другую, пока ты не наладишь своё оборудование. Приходи, как будешь готов.

Я вернулся в нашу комнату и вновь принялся наигрывать, словно Честер меня и не прерывал, разве что я не стал заводить проигрывателя. Когда несколькими минутами спустя Честер отворил дверь, я не переменял положения, лишь играть прекратил. Треногу для своей камеры Честер установил прямо в дверях.

— Продолжай же играть, — сказал Честер: — на этой плёнке нет звуковой дорожки, так что звуки не помешают.

— Не при открытой двери, — ответил я. — Мне и так не знаю почему позволяют играть на этой штуке в меблированных комнатах посреди Чикаго.

— Тогда приставь эту штуку ко рту и притворись, что играешь. Кулису выдвинь посильнее; вот так. Теперь возведи взор к потолку и прими томный вид.

Вспыхнул магний. Честер уже передвигал треногу, чтоб сделать второй снимок под иным углом, когда я услышал, как внизу звонит телефон. Я вскочил и кинулся из комнаты, к лестнице: звонок мог быть от дядюшки Эма.

Достигнув лестницы, я услышал голос миссис Брэйди, ответившей на звонок: «Алло!» — и прислушался. Миссис Брэйди произнесла вниз: «Я не знаю. Одну минуту». Затем она позвала: «Мистер Хантер!» Это означало, что звонок предназначался дядюшке Эму; меня миссис Брэйди звала просто «Эд».

Но я сбежал по лестнице и бросил ей:

— Я отвечу, миссис Брэйди. Дяди Эма нету, но я отвечу.

Наша хозяйка протянула мне трубку, и я произнёс в неё:

— Говорит Эд Хантер. Дяди нет ещё дома, могу я принять сообщение?

Голос в трубке произнёс:

— Это Бен Старлок, Эд. А Эм тебе не звонил?

— Нет, — ответил я. — И мне оттого неспокойно. Должно быть, он заработался над порученным делом, хотя ведь он никогда не тянул со звонком мне, что бы ни случилось. Уж не на хвосте ли он, что не может отлучиться к телефону?

— Да он вообще не получал никакого задания, Эд! Но мы условились, что он перезвонит мне, причем прошли все сроки. Уже девять часов, а я ждал от него звонка самое позднее в семь.

— Как так, если он не работает над делом? Он, случайно, не по амурным делам отправился, мистер Старлок?

— Нет, ничего такого. Да, дела я ему не поручал, и всё же ему предстояло встретиться с клиентом — с нашим возможным клиентом — и переговорить с ним насчёт того, что именно этот клиент намеревался нам поручить. Вот после этого разговора Эм и должен был перезвонить мне.

— В котором это было часу?

— Эм покинул контору вскоре после четырёх, как раз перед тем как пришёл ты. Ему предстояло переговорить с предполагаемым клиентом и затем перезвонить мне. В контору позвонить, если их беседа закончится до пяти. В противном случае он должен был позвонить мне домой между шестью и семью.

— А вы сейчас дома?

— Да, весь вечер здесь. А ведь на Эма не похоже, чтобы он пообещал и не выполнил. Я вот звоню ему и сам себе удивляюсь.

— Возможно, он принял задание, — предположил я, — и приступил к работе немедленно. А это, не исключено, оказалась работа на хвосте, так что он не решился звонить, чтобы не потерять объект.

На это Бен Старлок ответил так:

— Не мог он приняться за дело, не проконсультировавшись со мной. И речи быть не может. Клиенту это тоже было известно; клиент и пожелал, собственно, предварительной встречи с Эмом, чтобы через день явиться в контору заключить договор. Я ведь ещё даже расценки не объявил.

— Но если вы отправили дядю Эма на встречу с клиентом, то у вас есть его адрес. Разве вы не звонили этому человеку, чтобы выяснить, добрался ли дядя к нему и в котором часу ушёл от него?

— Не хотел звонить, Эд, пока меня к этому не вынудят. Хороши же мы будем, проверяя собственного сотрудника. К тому же ещё не поздняя ночь. Если Эм не даст о себе знать в ближайшее время, вот тогда я, пожалуй, начну принимать меры.

— А вот мне уже не по себе, мистер Старлок, — сказал я. — Ну, допустим, дядя Эм попал в затруднительное положение, разыскивая того человека, с которым ему предстояло переговорить, или что-то в таком роде, и это стало причиной того, что он не позвонил вам вовремя, но всё равно, — почему дядя мне-то не позвонил? Он ведь знал, что после работы я приду домой и буду ждать его, чтобы вместе пойти ужинать.

— Ты что же, до сих пор не ел?

— Я вышел поужинать, когда дядя не вернулся домой к семи. Но пока меня не было, мне никто не звонил, я спрашивал.

— Ты сейчас дома? Там и будешь?

— Конечно! Если только вы не пожелаете дать мне имя и адрес того клиента; я мог бы пойти и поразведать — то есть, не обнаруживая себя, если вы не желаете, чтобы я ломился в открытую.

— Нет, Эд, рано ещё. Давай-ка лучше мы на пару часиков успокоимся. Если твой дядя никому из нас не позвонит да не вернётся домой к одиннадцати часам, начнём его искать. О'кей?

— Да, наверное... — промямлил я. «Одиннадцать» звучало для меня весьма поздним сроком.

— Тогда вешаем трубки. Он, может быть, в настоящую минуту пытается дозвониться до одного из нас, а мы занимаем линию. Пока, Эд.

— Ладно... Только давайте так: если я услышу от него вести, я тот час позвоню вам, и наоборот. До свидания, мистер Старлок.

Я вернулся наверх. Честер Хемлин уже установил свою фотокамеру для следующего снимка и сидел в ожидании меня на краю кровати. Увидев выражение моего лица, он спросил:

— Что-то случилось?

— Беспокоюсь я, — был ответ с моей стороны. — Не представляю, куда запропал дядюшка Эм. Уже несколько часов, как не объявлялся.

— Да не дрейфь. Твой дядя Эм прекрасно может о себе позаботиться.

— Это верно. И всё же...

— Удостоверение личности у него при себе?

Я кивнул.

— Тогда, если с ним случился несчастный случай или что-то такое, тебе сообщат. А может, он «повис» на ком-то? Или подцепил блондинку. Лучше попозировь мне для ещё одной фотографии под названием «Молодой человек с трубой».

Я не был к тому расположен, но никакое другое занятие мне не шло в голову, так что я позволил Честеру снять меня вторично — в том же положении, но под иным углом.

Наконец он закрыл за собой дверь, отправившись восвояси, но я, подбежав к двери, вновь приоткрыл её. Мне хотелось слышать, когда зазвонит телефон.

Я умудрился убить некоторый час, занимаясь полировкой своего трюмбона и укладывая его назад в футляр; затем я просидел за чтением вечёрки. Когда вы служите в детективном агентстве сыщиком, вы прочитываете как минимум по газете в день, причём местные новости — то есть криминал, там, политику — читаете особенно усердно. У меня, как правило, цепкая память, но сейчас я не мог сосредоточиться. Всё прислушивался, не зазвонит ли телефон, а он не звонил.

Наконец я вообще бросил попытки вникнуть в прочитанное, а вместо этого обратился к разделу юмора, а затем к спорту, интересуясь тем, что поделявают чикагские «Кабс». Взглянул я и на шахматную задачу, но та либо оказалась для меня чересчур сложной, либо я туг был на мозги, либо и то и другое. Я переметнулся взглядом к результатам торгов на фондовой бирже; не то чтобы я владел какими-то акциями или интересовался котировками, просто меня взяло любопытство, стоила ли чего-нибудь интуиция Дейна касательно игры в числовую лотерею. Дейн, ведущий клерк в конторе у Старлока, был заядлый игрок в этот вид лотереи; в тот день он поставил доллар на число четыреста сорок четыре, и мне захотелось узнать, угадал ли он. Он не угадал.

Некоторое время я таращился в окно, затем вновь взглянул на часы; было без двадцати десять. Время тянулось невероятно медленно.

Сохранить спокойствие мне так и не удалось; я бросил себя утешать и не на шутку задался вопросом, что же такое произошло с дядюшкой Эмом.

Телефон звякнул лишь раз; я был уже у подножия лестницы, когда миссис Брэйди сняла трубку, но звонок предназначался не мне. Произнеся в трубку: «Минутку, пожалуйста», — миссис Брэйди обернулась:

— Это Карлу Деллу. Не постучишь ли к нему, чтобы мне не кричать?

Я кивнул и поднялся по лестнице. Комната Карла была по другую сторону от комнаты Честера Хемлина; я постучал в нужную дверь и вызвал Карла к телефону.

Внизу Карл разговаривал недолго; когда он вновь поднялся на наш этаж, то прошёл мимо своей двери и остановился у нашей.

— Ты, Эд, как-то говорил мне, будто играешь в покер? — произнёс он.

— Играю немного, — подтвердил я. — Вот дядюшка Эм — тот главный покерщик в нашем семействе. Способен проиграть в десять раз больше, чем я, и в два раза быстрее.

— Это мне Пиви Блэйн звонил сейчас, — сообщил Карл; — ты его как-то видел у меня. Он сказал, что у них затевается игра, — ставка не более десяти центов; это не у него дома, но в паре кварталов отсюда. Ты мог бы посидеть с нами.

— Мне лучше остаться, — ответил я. — Жду звонка.

— Эд, что-то случилось? Я же вижу. — Карл прошёл в комнату и сел на подлокотник мягкого кресла.

— Надеюсь, что ничего страшного, — отвечал я. — Просто слегка беспокоюсь о дядюшке. Он ещё не объявлялся и не звонил.

— А он на службе?

— И да и нет. Предполагалось, что этим вечером он кое с кем встретится, но это не объясняет того, почему он так запаздывает, и к тому же не звонит, чтобы предупредить меня о задержке.

Карл Делл опёрся локтем о колено, а подбородком о раскрытую ладонь, и впери́л в меня взгляд. Затем он задал мне в точности тот вопрос, который я и предвидел.

— А не желаешь ли, Эд, чтобы я помог тебе? Я понимаю, ты не веришь в астрологию, но... чёрт возьми, веришь ты или не веришь, а дело-то в том, что это всё же наука. Со всеми научными подтверждениями. Не могу гарантировать, что скажу тебе, где твой дядя и что с ним, но попытаться стоит.

— Зря, Карл, потратите время.

— А может и нет. Если мы чего-то добьёмся, это будет прекрасная возможность доказать тебе то, о чём мы до сих пор рассуждали лишь отвлечённо. А вдруг случится так, что я выясню, где твой дядя, и если даже нет, то что ты теряешь? Я не стану входить во все тонкости, обременять тебя специальными вопросами.

Мне было так неловко задевать его чувства отказом, но внезапно ответ нашёлся. И в нём не было лукавства.

— Я вот вспомнил, Карл. Я ведь не знаю, когда дядин день рождения. Не любил он этого — получать подарки и поздравительные открытки, потому-то и не говорил никому, в какой день родился.

— Шутишь!

— Вовсе нет. Я знаю, сколько ему лет: сорок три года. И я также знаю, что родился он в январе, поскольку под Рождество ему было ещё сорок два, а где-то первого февраля, как мне кажется, некто спросил у него, сколько ему лет, или это зачем-то понадобилось, и он ответил, что сорок три.

— Январь означает, что он «козерог», если родился до двенадцатого числа, — сказал Карл. — И «водолей», если после двенадцатого.

— Скорее, «козерог», — заверил я. — Он немного того, — ходок, и воде предпочитает пиво, так что едва ли он «водолей».

— Теперь издеваешься. Кто же так буквально толкует знаки зодиака; ничего этого они не подразумевают! Но ты прав, что без точной даты рождения — по возможности вплоть до часа и минуты, вплоть до места, ибо всё тут имеет значение — мне не составить приличного гороскопа, могущего оказать помощь в нахождении определённых аспектов. Я, конечно, мог бы получить перекрёстные ссылки из твоего гороскопа, ведь всё, что происходит с ним, влияет также и на тебя. Но признаю, что шанс весьма невелик — то есть получить что-либо вполне определённое, что могло бы принести пользу.

— Вот и оставим это, — сказал я.

— Хорошо же. Но не мог бы я ещё что-то сделать? Мне ничего не стоит пропустить эту игру в покер; не настолько уж я люблю играть ночи напролёт. Ты ведь собираешься отправиться на поиски, если твой дядя не объявится?

Бросив взгляд на свои часы, я сказал:

— Обожду ещё час. Если дядюшка не вернётся к одиннадцати, надо будет что-то предпринимать. Но я полагаю, меня одного не бросят: у меня есть босс. Если с дядюшкой Эмом действительно что-то случилось, он возьмёт всё дело в свои руки.

— И тогда, — согласился Карл, — я окажусь пятым колесом в телеге. Пойду, значит, играть в покер. Пару минуточек ещё посижу; до половины одиннадцатого они не начнут, а это всего в двух кварталах.

— Рассчитываете выиграть? — поинтересовался я.

— Ни один чёрт не скажет... — Карл осёкся и хмыкнул. — Вижу, куда ты клонишь. День, вообще-то, для меня вполне благоприятный, могу и в прибыли оказаться. Но такие вещи можно предсказать только в общих чертах. Особенно насчёт покера.

— Отчего же? — не отставал я.

— Начать с того, что лучше выходить с расчётом потерять несколько долларов, чем в надежде выиграть.

— Звучит слишком рационалистически, — сказал я. — Но это немного не то, что я имел в виду. Я хотел спросить, почему вы сказали «особенно насчёт покера»?

— Потому что покер не есть всецело предмет везения, но верности в оценке весомости твоих карт в сравнении с картами других игроков. Тебе может повезти в том смысле, что ты получишь перевес при раздаче, и всё же в итоге проиграешь, если обманешься в оценке того, на какие карты положиться.

— Значит, астрология принесёт больше пользы при игре в рулетку? Я вовсе не хочу поддеть вас каверзными вопросами, мне в самом деле интересно, что вы об этом думаете.

Карл усмехнулся.

— Даже считая, что я заблуждаюсь? Да, при игре в рулетку астрология окажется полезнее, поскольку — не считая той пользы, которую астрология принесёт тебе самому — тут у нас чистое везение. Если играть лишь по тем дням, которые для тебя благоприятны, то можно переломить закон больших чисел и процентное соотношение данного игорного дома — в долгосрочной перспективе, разумеется.

— Так почему все астрологи не богатеи?

— По одной причине, Эд. Знаю, для тебя звучать это будет глупо, но всякий, глубоко проникнувший в духовные основы жизни, начинает осознавать, что средства на жизнь, получаемые от игры, не смогут его удовлетворить — в этой самой долгосрочной перспективе. Такой доход не есть что-то настоящее, что-то стоящее; он не является вкладом в благосостояние и развитие мироздания. Это, возможно, звучит для тебя выпендренно, но это здраво. Астрология — проводник к лучшему образу жизни, и она оказалась бы негодным проводником, если бы стала указывать человеку, как ему добиться успеха на нестоящем пути.

— Да нет, — отозвался я, — звучит вовсе даже не глупо. Я бы и сам не захотел зарабатывать на жизнь таким образом. Но я не отказался бы узнать парочку счастливых чисел, чтобы сколотить некоторый капитал, достаточный для того, чтобы уж дальше зарабатывать так, как мне подходит.

— Не нравится быть частным детективом? Неужели я в тебе ошибался?

— Мне нравится. Но лучше работать на «Агентство Хантера», чем на «Агентство Старлока». Сейчас мы с дядюшкой пытаемся накопить достаточную сумму, чтобы вступить в партнёрство в собственном агентстве, только что-то не выходит. Наверно, нам больше по нраву тратить деньги, нежели копить их. В общем, денег на нашем банковском счету как не было, так и нет.

С минуту Карл серьёзно на меня смотрел, а затем произнёс:

— Возможно, я смогу вам с этим помочь.

— Каким образом? Не понимаю.

— Сейчас объяснять не ко времени. И вообще мне пора, если я хочу поспеть на игру. Кстати, ты знаешь адрес? Я хочу сказать, — если твой дядя объявится и всё кончится благополучно, то, может быть, вы пожелаете прийти и скоротать время за игрой.

— Благодарю, но вряд ли. В любом случае будет слишком поздно, а мне рано вставать.

— О'кей, Эд. Возможно, твои деньги будут целее. У меня предчувствие, что обобрать мне сегодня голубчиков. — И, уже в дверях, Карл обернулся: — Это... надеюсь, что с твоим дядей всё будет наилучшим образом.

— Надеюсь, — ответил я; а когда Карл уже закрывал дверь, я добавил: — Не закрывайте, Карл. Не хочу пропустить телефонного звонка.

Слушая, как Карл спускается по лестнице, я вновь подивился тому, как же медленно движется время. Была едва половина одиннадцатого.

Спустя несколько минут вновь зазвонил телефон, и я во мгновение ока достиг подножия лестницы, чтобы схватить трубку раньше миссис Брэйди. Но это не был дядюшка Эд; на моё «Алло» ответил голос Бена Старлока: «Это ты, Эд?»

— Да, я. Что-нибудь слышно?

— Ничего. Понимаю теперь, отчего ты беспокоишься; я тоже занервничал. Не приступить ли нам немедленно, вместо того чтобы ждать ещё полчаса?

— Да надо бы. Встретимся где-нибудь, или как?

— Не прямо сейчас. Сперва посмотрим, куда мы можем позвонить. Допустим, ты позвонишь... Нет, лучше это я позвоню нашему клиенту, — тому, предполагаемому, — это перво-наперво. Может же выйти и так, что Эм всё ещё с ним или что он всё нам разъяснит. Повесь-ка, Эд, трубку, но поторчи у аппарата; через одну-две минуты я тебе перезвоню.

Я ответил «О'кей», повесил трубку и присел на забежную ступеньку нашей лестницы. Спустя пару минут я вернулся к аппарату и стал возле него. А потому, когда телефон зазвонил, я был тут как тут.

— Хорошего мало, Эд, — сказал Старлок. — Нет, подожди, я не имел в виду, что у меня плохие новости. Но в том отеле таких не зарегистрировано.

— Адрес гостиницы он дал вам ранним вечером, — сказал я. — Может быть, номер уже освободили.

— Нет, я спрашивал. Не нравится мне всё это. Как насчёт прийти ко мне в контору? Там мне лучше думается, и она послужит нам штабом. Думаю я, что звонками мы добьёмся большего, чем как-то иначе, и в конце концов нащупаем нить, чтобы потянуть за неё.

— Хорошо, мистер Старлок. Когда встречаемся?

— Если возьму машину, то доберусь за полчаса. Пешком ты всё равно успеешь раньше, так что можешь не спешить.

Но я чувствовал нетерпение; мне хотелось начать действовать немедленно, — правда, я всё равно не смог бы попасть в контору, пока не прибудет Старлок с ключами. И я сказал:

— Нет ли чего такого, что я мог бы предпринять просто для начала, даже до прихода?

— Ничего такого, Эд. Лучше не горячись; вот встретимся, тогда и посмотрим, как надлежит поступить. Не будем действовать необдуманно.

— Допустим, — согласился я. — Но дайте же хоть какие-то сведения. Из какого отеля этот наш неуловимый клиент?

— Из «Грешама», всего за несколько кварталов от нашей конторы. Он назвал номер четыреста восемнадцать.

— А имя у него есть?

— Имя есть. И я вот думаю, какое же оно странное. Зовут его Амброз, как и твоего дядю.

— А по фамилии?

— Это-то и чудно... Коллекционер, — произнёс, наконец, Бен Старлок. — Амброз Коллекционер.

Глава 2

Я сделал глубокий вдох.

— Ладно, мистер Старлок. Встретимся через полчаса в конторе.

Повесив трубку, я заставил себя мысленно сосчитать до десяти. В результате я не бросился вон сломя голову, чтобы сожалеть потом о не сделанных вовремя распоряжениях. Нет; я постучал в дверь к миссис Брэйди и попросил её сказать дядюшке Эму, если тот позвонит, перезвонить в контору Старлока; если же там никто ему не ответит, то позвонить туда вновь через некоторое время. Затем я поднялся к себе и написал всё то же самое на листке из блокнота: тогда дядюшка Эм не удивится моим отсутствием, даже если вернётся домой, предварительно не позвонив по телефону и не встретив нашу домохозяйку по пути к лестнице.

Я поместил записку так, чтобы она неминуемо бросилась дядюшке в глаза, и постарался не думать о том, что он может вообще никогда её не увидеть.

А спустившись вниз и выйдя на вечернюю улицу, я заставил себя перейти на обычный шаг. На Стейт-стрит я поймал такси и дал шофёру адрес гриль-бара на Кларк-стрит, где работала Эстелла. Выскочив из такси, я пообещал через минуту вернуться и приказал шофёру ждать.

Стоило мне войти, Эстелла подняла взгляд и выразила лицом удивление. В эту минуту она не была занята: уплетала сандвич, сидя на табурете в дальнем конце прилавка. Я кинулся туда, к ней, и, не теряя времени на приветствия, спросил:

— Та выдумка, Эстелла... ну, про коллекционера Амброзов, — от кого ты её переняла? И что там за история?

Глаза Эстеллы расширились.

— Что? О чём ты, Эдди, толкуешь?

— Сегодня, — этим вечером, — терпеливо начал я, — я сказал тебе, что дядя Эм не вернулся домой. А ты ответила мне, что его, возможно, сцапал коллекционер Амброзов.

— Так то была просто шутка, Эдди. А он так и не вернулся?

— В том-то и дело. Так что там насчёт Амброза Коллекционера? Шутка шуткой, но от кого ты её слыхала? Ведь не сама же придумала, не с неба взяла?

— Н-нет... Кто-то упомянул этого... этого коллекционера Амброзов, недавно, при мне. Но кто это был...

— Это важно, Стелла; вспомни же.

— Это как-то связано с книгой, о которой мне кто-то всё толковал. Но я не могу вспомнить...

— Надо, Стелла, надо!

— Чёрт... Эдди, не помню! Я постараюсь вспомнить, но... — Взгляд Эстеллы выражал полную беспомощность.

— Отпроситься можешь? Уже почти одиннадцать, наплыва посетителей ведь не ожидается?

— Да-да, конечно. — Эстелла встала на ноги. — Возьму жакет и скажу хозяину. Он там, на кухне.

Вернулась Эстелла менее чем через минуту, в лёгком пальто, наброшенном прямо на форменное платье. В такси, по дороге в контору, я рассказал ей то небольшое, что знал к этому часу, причём сам осознал с горечью, насколько всего этого мало. Внезапно Эстелла схватила меня за рукав.

— Эдди, а вдруг...

— Что вдруг? Продолжай же, говори!

— Нет, не то... Я хотела сказать — а вдруг дядя Эм дурачится, разыгрывает и тебя, и твоего босса. Но... нет, не в его это привычках.

Я задумался.

— Верно, не в его. Да, чувство юмора у него идиотское, и ему могла бы прийти в голову идея насчёт Амброза Коллекционера, кем бы тот ни был, но надо мной он не стал бы смеяться так жестоко. И всё же — не Эм ли и вправду рассказал тебе про коллекционера Амброзов? На него это похоже.

Но Стелла категорически замотала головой.

— Это был не Эм. Я, Эдди, всё пытаюсь вспомнить. Иногда будто что-то, вот-вот...

Я уже раскрыл было рот, чтобы потребовать от неё вспомнить немедленно, но в последний момент смолчал. Не стоило на неё наседать, пусть думает спокойно.

Несмотря на то, что я заскочил по дороге за Эстеллой, мы прибыли в агентство раньше Старлока. Лифтёр, рыжий малый, с которым мы обыкновенно перебрасываемся дружескими шутками, взглянул на нас с весёлым удивлением, явно не понимая (а может, поняв по-своему), чего это я потащил девушку в офис в такой неурочный час. Я сердито взглянул в ответ, почти надеясь, что он начнёт острить, и я смогу огрызнуться или даже врезать ему: в настоящую минуту я не был расположен дружески шутить или веселиться.

Всего несколько минут прождали мы в тёмном коридоре перед дверью конторы, пока Старлок не поднялся на лифте. Его лицо было непроницаемо; узрев рядом со мной незнакомую девушку, Старлок и бровью не повёл.

Я представил их друг другу, после чего принялся объяснять, в то время как Старлок доставал ключ и отпирает дверь:

— Я не стал тратить времени, рассказывая по телефону, но когда вы сказали, что звонивший вам тип назвался Коллекционером, то есть назвал имя «Амброз Коллекционер», у меня в голове словно звякнуло. Ранее этим вечером я услышал про некоего коллекционера Амброзов — вот от Эстеллы. Потому я её и привёл.

Старлок закрыл за нами дверь и повернулся к Эстелле.

— Я пока не могу вспомнить, откуда я про него знаю, — сказала та. — Но я вспомню обязательно. От кого-то я слышала, и это засело у меня в голове; а когда Эдди сказал мне за ужином, что Эм ещё не вернулся домой, у меня и вырвалось, что это, возможно, его похитил тот, кто коллекционирует Амброзов. Я вспомню, всё равно вспомню.

Старлок кивнул.

— Надеюсь, мисс Бек. Не посидеть ли вам в нашей задней комнате — там служебное помещение для наших оперативников — и спокойно подумать?

Эстелла взглянула на меня; было видно, что это не слишком её прельщает.

— Бен, давайте ей всё расскажем, — предложил я Старлоку. Это был едва ли не первый раз, когда я назвал его по имени. — Нам ведь надо обменяться мнениями, суммировать то небольшое, что мы знаем, чтобы с чего-то начать. А вдруг что-либо из того телефонного разговора наведёт её на мысль.

С минуту Старлок глядел на меня, и я прекрасно понимал, о чём он думает. А потому я пояснил:

— Тут всё в порядке. Мы с Эмом знаем Стеллу уже много лет; она выступала на той же ярмарке, где и мы подвизались, бросила её почти в одночасье с нами и переехала в Чикаго. Она не подведёт, к тому же знает, как держать рот на замке.

Старлок слегка нахмурился, но сказал: — Ладно, Эд, раз ты за неё ручаешься, — и отворил дверь к себе в кабинет.

Мы вошли; Старлок предложил Эстелле стул, после чего и сам сел за свой стол. Вертящееся кресло ужасно закрипело, когда он откинулся на спинку и сцепил руки на макушке, уставившись поверх наших голов на дверную притолоку. Вид у него был при этом — особенно с его бородавкой над переносицей, — как у эдакого милосердного Будды, правда, крупногабаритного.

Я и сам сел было, но усидеть не смог. Понимая, что Старлок размышляет, я захотел быть в курсе всего того, над чем он думает, а потому попросил:

— Думайте вслух.

— Спокойнее, Эд, — отвечал Старлок. — Джейн уже идёт сюда; я ей перед выходом позвонил. Десять минут, и она здесь.

— А зачем? — (Джейн Роджерс была секретаршей Старлока).

— Например, чтобы запись вести. Я думаю, что могу повторить тот разговор почти что слово за словом, так пусть его запротоколируют, пока я помню. Затем я хочу, чтобы она оставалась здесь у телефона; если необходимо, то и всю ночь. Мы можем отлучиться — вместе или порознь, а в последнем случае связь сможем держать через Джейн. Также и дома я сказал, что если Эм позвонит туда, то пусть скажут ему звонить в контору. Ты ведь то же сказал своей домохозяйке?

Я кивнул, радуясь, что у меня хватило ума стать тогда смирно и сосчитать прямо у телефона до десяти, что позволило мне и дать указания миссис Брэйди, и не упустить оставить записку. Я рассказал об этом Старлоку, и не успел он произнести «Прекрасно», как вошла Джейн.

Старлок вынужден был сразу же объяснить её причину нашего сбора; сама же Джейн не задала ни одного вопроса. Только бросила нам «Привет» и тотчас же взялась за свой блокнот.

— А теперь запиши тот разговор, слово в слово, — велел ей Старлок. — Расшифровкой займёшься, когда мы уйдём. Но разговор начался с тебя. Способна ты одновременно рассказывать и записывать то, что говоришь, стенографически?

— Полагаю, да.

— Тогда начнём. В четыре ты ответила на тот телефонный звонок. Повтори нам каждое слово, какое припомнишь, все малейшие подробности.

— Было без одной минуты четыре, — начала Джейн. — Это мне известно, поскольку вы разрешили мне... Но вы и сами знаете.

— Эд этого не знает, — возразил Старлок. — Да и всё равно ведь нам требуется это записать.

Джейн взглянула на него, потом опустила глаза на свой блокнот.

— Вы разрешили мне уйти в четыре, поскольку мне было назначено к дантисту, так что ровно без одной минуты четыре я стала надевать чехол на пишущую машинку, и тут зазвонил телефон.

Удивительно было слушать, как она говорит, и в то же время наблюдать порхание кончика её карандаша, зная, что то и другое совершается синхронно, — выглядело, словно это карандаш и разговаривает.

— Я сняла трубку, — продолжала Джейн, — и сказала: «Агентство Старлока». Мужской голос произнёс: «Бена Старлока, пожалуйста». Голос не был мне знаком; не могу сказать, что узнаю его, если вновь услышу. Скорее всего, не узнаю. То есть, голос был совершенно обычный, если вы понимаете, о чём я говорю; в нём не было ничего особенного.

— А интонация? — спросил Старлок.

— Верно: говорил он уверенно, словно знал вас и ожидал, что его сразу же с вами соединят. «Бена Старлока, пожалуйста». Так, значит... Указания для меня насчёт телефонных звонков вы знаете... хотя Эд не знает, так что лучше я их изложу. Мне не следует тот час же соединять человека с вами, пока не узнаю, кто звонит, и если у меня сомнения, что вы захотите говорить, я отвечаю: «Минутку, пожалуйста», — и спрашиваю у вас, стараясь не дать человеку услышать, что вы мне отвечаете. — Ну, вот я и спросила: «Здравствуйте, кто говорит?» Голос ответил: «Моя фамилия Коллекционер — Амброз Коллекционер». Я подумала, не ослышалась ли, хоть он произнёс это дважды. Никогда ещё не слыхала таких фамилий. Я даже переспросила. «Коллекционер, — повторил голос. — Как занятие такое. Мне нужно поговорить с Беном Старлоком по поводу одного дела, которое я хочу ему поручить». — Ну, я и ответила: «Минутку, пожалуйста». Я прикрыла ладонью трубку и сказала вам, что на проводе мистер Амброз Коллекционер, и он желает поговорить с вами об одном деле, которое намерен вам поручить. Вы подняли взгляд от бумаг и сказали: «О'кей, Джейн, давай его сюда». Но вначале я спросила вас, не желаете ли вы, чтобы я осталась и застенографировала разговор, но вы помотали головой и сказали: «Нет, можешь идти: уже четыре». Тогда я переключила звонок на вас и услышала, как вы говорите: «Старлок на проводе», но дальше уже не слушала; я надела пальто, шляпку и вышла.

— Отличный доклад, Джейн, — проговорил Старлок. Он вновь откинулся на спинку кресла, уставившись на притолоку. — Я сказал: «Старлок на проводе». Мужской голос, — а описать его как-то лучше, чем это сделали вы, Джейн, я не смогу, — произнёс: «Моя фамилия Коллекционер, мистер Старлок. Я ищу детективное агентство, которое сделало бы для меня определённую работу». Я спросил, какого рода эта работа, и он ответил... в сущности, я не уверен в точности своей передачи... «Это затруднительно объяснить по телефону, мистер Старлок. Но работа достойная и легальная. Главное, чтобы вы в состоянии были отрядить оперативника соответствующей квалификации. Ваше агентство уже третье, в которое я обращаюсь». — Я спросил его, какова же должна быть эта квалификация, и он ответил, что ему нужен человек с опытом работы на ярмарках, который бы не раз путешествовал с бродячими ярмарками и многих знал в этом промысле.

Старлок прикрыл глаза, а когда открыл их вновь, то впери́л взгляд в меня.

— Всё дело было подстроено, чтобы заполучить Эма, — сказал он. — Потому-то он и настаивал на обширном ярмарочном опыте, чтобы мы отсеяли тебя, Эд. На ярмарке ты отбыл только один сезон, а Эм подвизался там много лет. Понимаешь, о чём я?

Я кивнул. Старлок продолжал:

— Я ответил ему, что у нас как раз имеется подходящий сотрудник: он лет десять участвовал в ярмарках на паях.

— Имя дяди Эма вы упоминали? — спросил я.

— Тогда ещё нет. Тот человек сказал (попытаюсь дать его точные слова): «Вот и хорошо. Он с вами? Он не занят?» Эм как раз сидел в задней комнате, так что я ответил — да, он свободен. «Я остановился в номере четыреста восемнадцать в отеле 'Грешам'. Не сможет ли ваш сотрудник заскочить ко мне теперь же на несколько минут, чтобы я смог поговорить с ним и решить, подходит ли он для моего дела — то есть действительно ли он тот тип человека, который мне нужен».

— Я сказал ему: извините, но мы так не поступаем; ему следует прийти к нам и обговорить дело со мной, а уж если я приму его заказ, тогда он и сможет встретиться с моим сотрудником. Он же ответил: «Мне хочется, чтобы для меня вы сделали исключение. Видите ли, этим вечером я возвращаюсь в Милуоки, а до того мне следует сделать ещё несколько телефонных звонков, и прийти сегодня к вам в офис я не смогу. Но если мне удастся повидать этого вашего сотрудника и убедиться в его пригодности для моего дела, то я непременно приму соответствующее решение. В Чикаго я вернусь в пятницу, то есть послезавтра, приду к вам и передам вам дело и задаток. Работа предстоит долгая, и я готов к тому, что мне придётся потратить на неё несколько тысяч долларов».

— Приманка, — сказал я.

— Несомненно, — согласился Старлок. — Сам теперь вижу. Но, как я тогда рассудил, что я теряю? Был уже пятый час; Эм покончил с делом, которым занимался до того (речь шла о сбежавшем должнике), а посылать его сегодня по новому делу мне было некуда, так что и терять было нечего. И потом, — как ни мал был шанс, а ради нескольких тысяч долларов стоило напрячься. Если это была ловушка, Эд, то с весьма соблазнительной приманкой.

— И вы бросились в неё?

— Видимо, я послал в неё Эма. Я сказал тому человеку: «Хорошо, я пришлю к вам сотрудника. Его зовут Амброз Хантер; он поговорит с вами, но вы должны понимать, что он не будет уполномочен принимать дело — такое происходит только через меня». Он ответил: «И прекрасно, мистер Старлок. Буду его ждать».

Старлок умолк; мне пришлось даже спросить:

— На том всё и кончилось?

— Да, за исключением того, что мы попрощались. После этого я вызвал Эма из задней комнаты, всё ему рассказал и послал его, значит, в тот отель. «Грешам» всего в двух кварталах, и я рассудил, что они покончат к пяти. Я велел Эму не связывать себя ничем, а просто выяснить, если получится, что там за работа у того парня и впрямь ли он сможет с нами рассчитаться, да и позвонить мне сразу же по окончании разговора — сюда, в контору, если это будет до пяти, либо домой, сегодня же, если он задержится.

Я спросил:

— А почему вы не захотели ждать до завтра?

— Чтобы прикинуть план работы. У нас уже имеется задание, к выполнению которого следует приступить с утра и которое я, вообще-то, намеревался поручить Эму. А вдруг бы это второе дело оказалось более выгодным? Тем не менее то первое дело могло занять неделю-другую — это наружное наблюдение, — и мне не хотелось, чтобы Эм впрягался в него, если ради хорошего куша придётся отрядить его на несколько дней. В этом случае я намеревался послать на хвост тебя, а за Эмом сохранялись бы будущие задания на сбежавших да пропавших. Всё это мне требовалось знать уже сегодня, поскольку я всегда планирую вечером задания на следующий день.

Вертящееся кресло вновь закрипело, потому что Старлок наклонился вперёд и обратился к Эстелле.

— Вот что нам известно с нашей стороны, мисс Бек. Не поможет ли это вспомнить, где вы слыхали... то, что вы слыхали?

Эстелла сидела бледная, с расширившимися от ужаса глазами.

— Нет... боюсь, что нет, — пробормотала она.

— Пока Джейн делает записи, Эд, — обратился Старлок ко мне, — давайте запротоколируем и ваш с мисс Бек разговор — просто слово в слово то, что было сказано ею насчёт коллекционера Амброзов. Возможно, это поможет ей вспомнить.

Те несколько слов, которые она произнесла тогда, и которые я произнёс или спросил по поводу Амброза Коллекционера, были настолько живы в моей памяти, что я смог повторить их слово в слово, и Джейн тот час же записала.

— Если это и способно к чему-либо привести, — задумчиво сказал Старлок, — то Бог знает, к чему. Мисс Бек, — теперь, когда вы услышали всё, что нам известно, не кажется ли вам, что лучше вам пройти в заднюю комнату, чтобы просто сосредоточиться и попытаться вспомнить?

— Конечно, я попытаюсь.

— И отлично. Эд, проводи её, да зажги там свет. И прикрой дверь, чтобы наш разговор ей не мешал.

Я положил руку Эстелле на плечо; она встала. Мы прошли к двери, но голос Старлока — «Минутку!» — заставил нас оглянуться.

Его вращающееся кресло протестующее заскрипело.

— Мисс Бек, когда вы что-то вспомните — либо когда вы бросите попытки и захотите домой — возвращайтесь сюда. Нас с Эдом, возможно, здесь не будет; если так, расскажите Джейн всё, что сочтёте нужным, а она передаст нам. Идёт?

Эстелла кивнула.

— Если вы решите отправиться домой в наше с Эдом отсутствие, возьмите такси. Агентство вам оплатит — Джейн даст денег. И сделайте одолжение, отправляйтесь прямо домой и ложитесь спать, коли не вмоготу будет оставаться здесь; возможно, что в момент засыпания воспоминания вернутся. Так иногда бывает, после того как люди силились нечто вспомнить. Если такое случится, звоните немедленно. Джейн всю ночь будет у телефона, тут ли мы, нет ли нас.

— Не пойду спать, пока не вспомню, — сказала Эстелла. — Мне кажется, я просто не смогу заснуть.

Я провёл её в заднюю комнату и включил свет. Эстелла направилась к стулу в дальнем углу, тому самому, на который обычно усаживался дядюшка Эм. Я бы предпочёл, чтобы она выбрала иное место, но ничего не сказал. Стелла и без того была бледна и испугана. Глаза её казались огромными, а рот горел алым на побледневшем лице.

— Ох, Эдди, — произнесла она, — как это ужасно, что я не могу вспомнить чего-то столь простого, и когда оно так важно!

Я похлопал её по плечу.

— Не говори так, детка. Возможно, что это совсем и не важно. Притворись, что это так, и просто расслабься. Не насилуй себя, а ведь этим ты, кажется, сейчас занята. Подумай немного о чём-нибудь другом. Журнальчик почитай, — там на столике целая стопка. И улыбнись, наконец.

Эстелла попыталась, но улыбка вышла блёклой, испуганной. Я склонился над ней и поцеловал её.

— Не волнуйся, Стелла. Дядюшка Эм тот ещё хитрец, не позволит он какому-то Амброзу Коллекционеру прихватить в свою коллекцию и себя. Не таков он. — Но хотел бы я сам верить в то, что вношу ей.

Не дав Эстелле возможности ответить, я вышел и закрыл за собой дверь.

Джейн Роджерс вращала диск телефона. Услышав, как она спрашивает, там ли Гарри Диксон, я подивился, кто это может быть. Я вопросительно взглянул на Старлока, но не смог поймать его взгляда, так как он не сводил глаз с Джейн. Но вот Джейн сказала: «Минутку, пожалуйста», — и кивнула Старлоку. Тот поднял трубку собственного телефона и произнёс: «Это Бен Старлок, Гарри. Как у тебя всё?»

Склонившись над столиком Джейн, я спросил:

— Что ещё за Диксон, Джейн?

Джейн уставилась на свою пишущую машинку, хотя в неё не была заправлена бумага, и на поднимала на меня взгляда. Наконец промолвила:

— Знакомый мистера Старлока. Сейчас он дежурит в морге.

— Н-да... — ответил я и подался к окну. Оно выходило на вентиляционную шахту, и всё, что я мог в нём видеть, было лишь моё отражение — силуэт на фоне освещённой комнаты, густая тень без лица; возможно, было даже лучше, что я не видел выражения на нём.

Послышался голос Старлока: «Слушай, Гарри, хочу дать тебе описание...»

Старлок высказался, и наступила долгая пауза. Я осознал, что почти желаю того, чтобы дядюшка Эм оказался там. Тогда бы мы знали. Потому что если он не мёртв, значит кто-то взял его в плен. Помешанный? Собиратель Амбровов? Сам дьявол? Мне вспомнилась типографская ошибка, которую я сделал в бытность мою учеником печатника пять лет назад. Набирал я тогда надпись «Поздравления от страны», а вместо того выпустил одну букву и вставил другую в последнем слове. Получилось — «Поздравления от сатаны». Тогда это показалось смешным. Теперь же меня передёрнуло.

Глава 3

В морге его не оказалось.

Круглое лицо Старлока оставалось вполне бесстрастным, но облегчение на нём, когда он положил телефонную трубку, я всё же прочёл. Не знаю, почувствовал ли я сам какое-то облегчение; в тот момент я был словно оцепенелый.

И всё же теперь мы были уверены, что дядя Эм не в морге. Я от начала до конца слышал, как именно Старлок выяснял это вопрос; опознанное или неопознанное, а с четырёх часов пополудни никакое тело, хотя бы отдалённо походившее на дядюшку Эма, у них не появлялось.

Я отвернулся от окна, и тот час же заскрипело вращающееся кресло: Старлок оборачивался ко мне.

— Есть мысли, Эд? — спросил он.

— Только неопределённые, — ответил я ему. — Первый пункт: некто позвонил сюда в четыре. Не полагаете ли вы, что он уже знал, что дядя Эм здесь и что он свободен для того, чтобы его послали в «Грешам»?

— Я бы сказал, Эд, что он знал это. Действуя наобум, он вряд ли бы заполучил Эма по первому же звонку. Вы, сыщики, проводите в конторе в среднем по часу в день, а это значит, что если только этот некто не знал точно, что Эм здесь, то нарваться на Эма у него был один шанс к восьми. А ведь следует полагать, что ему нужен был Эм и никто другой, верно?

— Верно, — согласился я. — Во-первых, он спрашивал сотрудника с необычным опытом работы, с таким опытом, какой был у дяди Эма. Во-вторых, то, что он назвался Амброзом Коллекционером. Но вот к чему я веду: звонок мог поступить с аппарата, находящегося где-то рядом. Я бы сказал, что тот человек знал дядю Эма в лицо и наблюдал за входом в здание — либо даже следовал за дядей. И когда он увидел, что дядя Эм вошёл в здание, он выждал время, чтобы дать ему подняться в контору, и только тогда позвонил.

— Звучит логично, Эд. Я не думаю, что нам следует заниматься поисками того аппарата — в квартале их сотни, в том числе несколько дюжин в будках на улице. Но я полагаю, ты правильно рассудил, и мы можем счесть, что этот некто знал Эма в лицо, а также по имени. Звонок раздался спустя несколько минут как Эм вошёл. Вряд ли это совпадение.

Старлок поднялся из-за стола и принялся расхаживать до двери и обратно.

— Я думаю, нам тоже стоит пройти до «Грешама», — сказал он. — Я не ожидаю найти там что-либо существенное, тем более что у них, скорее всего, после четырёх уже была пересменка, но следует попытаться. Мы сможем выяснить, кто занимает номер четыреста восемнадцать сейчас, хотя я думаю, что Эм всё же был перехвачен ещё по дороге туда.

— Как перехвачен?

— Ну, откуда ж я знаю. Может быть, прямо у входа в это здание, и тем же человеком, который звонил. А может, в вестибюле гостиницы. Но я, знаешь ли, уверен, что он так и не попал в номер четыреста восемнадцать. Ведь в противном случае номер четыреста восемнадцать должен был быть зарегистрирован на сказанное нам имя: Эм не преминул бы назвать его дежурному. Вот почему я и не жду выяснить что-либо в гостинице — хотя попытаться, разумеется, стоит.

Старлок прислонился к дверному косяку, почти полностью заполнив дверной проём.

— Если только у тебя, Эд, нет мысли получше, — продолжал он. — В голову ничего не приходит?

— Только Эстелла. Бедняжка сейчас ломает себе голову, пытаясь вспомнить, где она слыхала всю эту чушь про коллекционера Амброзов. Но это лишь вопрос времени. Конечно, нам следует первым делом отправиться в гостиницу, а затем вернуться сюда; Эстелла дожждётся нас, если только не найдёт ответа, но тогда его будет знать Джейн.

— Весьма одобряю то, как она это приняла, — сказал Старлок. — Девушка, должно быть, за Эма горой. Так, ну а что-нибудь перед уходом?

— Как насчёт больниц? И полиции?

— Я велел Джейн начать прорабатывать больницы, как только мы уйдём. Что до полиции... мне, знаешь ли, хотелось бы иметь немного поболее, прежде чем мы передадим дело в её руки. Воспримут ли они его всерьёз? К тому же Эм отсутствует всего лишь восемь часов.

Я попытался взглянуть на вещи с точки зрения копов и понял, что Старлок прав. Как и мы, они предполагают, что дядя Эм на ком-то «повис» либо, так сказать, отбилась от стада, и не кинутся на поиски до утра. И всё же я сказал:

— А этот Бассет, — капитан Бассет... Он ведь достаточно знает Эма, чтобы воспринять всё всерьёз.

— Верно, Бассет — другое дело. И ещё пара-тройки иных. Но все они работали в дневную смену. Если только ты, Эд, не будешь настаивать, я отложу обращение в полицию до завтра.

— О'кей, — ответил я. — Идёмте, что ли?

Старлок взял свою шляпу с вешалки.

— Остаёшься, Джейн, сама по себе: прозвони по больницам, отпечатай свои заметки и сиди у телефона. Будешь звонить отсюда — пользуйся телефоном, которого нет в справочнике, чтобы не препятствовать возможным входящим звонкам.

— Хорошо, мистер Старлок.

— И пошли по кофе и сандвичи — куда предпочтёшь; у Кори, вот, открыто всю ночь, и они доставляют.

Мы спустились на лифте и тут же счастливо поймали такси. Я бы и без того скоренько прошагал ту полудюжину кварталов, но Старлок махнул водителю, и тот подрулил к тротуару. В машине Старлок сказал:

— Спать не хочется?

— Переживу, — отозвался я.

— Я не о том. Нету такого, сумеречного, состояния?

— Есть немного, — признался я. — Две ночи подряд был допоздна на ногах. Но не страшно, на сегодня я ещё молодцом — и на завтра тоже.

Старлок хмыкнул.

— Эх, молодость, молодость! Ну, приехали.

«Грешам» — из тех отелей средних размеров, что располагаются в пределах Внутренней чикагской автодорожной петли: средние цены, среднее качество. Мы пересекли вестибюль, в этот час почти пустой, и подошли к стойке регистраторов. По ту сторону находилась всего одна персона, у которого за спиной какая-то девица жевала жвачку за коммутатором.

— Некоторое время назад, — начал Старлок, — я сюда звонил и спрашивал, не был ли у вас зарегистрирован мистер Коллекционер; вы ответили мне, что не был. Это с вами я разговаривал?

— Что-то не припомню. Как давно это было?

— Часа полтора назад, этак в десять-сорок.

— А, тогда вы, возможно, говорили с мистером Блейком, начальником ночной смены; он заменял меня тут с десяти до одиннадцати. Могу я что-то сделать для вас?

— Можете, — ответил Старлок. — Кто сейчас в номере четыреста восемнадцать?

— Боюсь, за сведениями подобного рода вам следует обратиться к мистеру Блейку. Если только...

— Нет, мы не из полиции. Частные детективы. — Старлок блеснул своим значком. — У себя этот Блейк?

— Минутку. — Регистратор бросил через плечо: — Дотти, дай-ка мистера Блейка; переведи его на мой телефон.

Когда телефон на стойке регистратора зазвонил, служащий взял трубку и что-то быстро проговорил. Затем, уже опустив трубку, он указал на дверь с надписью «Служебный вход».

— Кабинет мистера Блейка там; можете войти.

Мы вошли. Человек с кислым лицом, восседающий в кресле лаковой кожи, чем-то занимался за своим огромным столом. Мне не понравился его вид, а также его голос, когда он произнёс:

— Да, джентльмены?

Но мы уселись напротив, через стол от него, и Старлок объяснил, что нас привело, — убедительно объяснил, чтобы не было сомнений в важности нашего дела.

— Нам желательно узнать две вещи, — продолжал он. — Во-первых, имена и адреса тех регистраторов, которые находились за стойкой этим вечером между четырьмя и пятью часами, и во-вторых, кто сейчас занимает номер четыреста восемнадцать.

Гостиничный менеджер нахмурился.

— Боюсь, джентльмены, что не смогу ответить вам ни по первому пункту, ни по второму. В тот час на дежурстве находились два регистратора, но вы сможете поговорить с ними лишь завтра, когда они снова заступят. А насчёт сведений об одном из наших постояльцев, то это категорически против наших правил.

— Дело может оказаться серьёзным, мистер Блейк, — сказал Старлок. — Возможно, тут похищение, а то и убийство.

— Тогда вам следует обратиться в полицию. Если все эти сведения будут запрошены официально, я, разумеется, обязан буду их предоставить. В противном случае разглашать подобные сведения категорически против наших правил.

Старлок медленно поднялся.

— Если вы настаиваете, мистер Блейк, мы получим официальный запрос.

Он направился к двери, и я последовал за ним. По выходе в холл я схватил Старлока за локоть и остановил его.

— Вы что же, хотите так это и оставить?

— А что, Эд, мне ещё остаётся? Прибил бы его, так ведь пришлось бы под суд идти. К тому же завтра мы и так всё узнаем, — либо полиция... если Эм не объявится до тех пор.

— Но есть же шанс, пусть даже слабый, выяснить всё ещё сегодня!

— Есть, Эд. Так вот же ведь...

— Мистер Старлок, — сказал я. — Я увольняюсь. С этой минуты.

Он ухмыльнулся, прочтя мои мысли. Мне полагалось ухмыльнуться в ответ, но я забыл, как это делается. Я был в ярости. Не на Старлока, разумеется; да и не до ухмылок мне было: моя ярость мне нравилась больше.

Я вновь прошёл в дверь с табличкой «Служебный вход» и прикрыл её за собой. Человек с кислым лицом поднял взгляд; он, должно быть, угадал, зачем я вернулся. Но угадал он слишком поздно: я схватил его за запястье прежде чем он дотянулся до кнопки в углу своего стола.

А затем я быстро оказался позади его стула, вывернув ему руку за спину. А поскольку я раньше него подумал, что в этой ситуации и закричать можно, то другой рукой я зажал ему рот. Но лишь на срок, достаточный, чтобы объяснить:

— Можете закричать, если хотите, но к той минуте, как сюда кто-то войдёт, у вас будет сломана рука — для начала.

Тут я убрал руку от его рта. Менеджер не закричал.

— Слушайте же, — продолжал я. — У Старлока я не служу. Человек, которого похитили — это мой дядя и лучший друг из всех, что у меня были. Я должен найти его, и я не собираюсь позволить правилам и постановлениям какой-либо гостиницы встать у меня на пути. Дайте мне имена и адреса тех двоих регистраторов, иначе я из вас душу вытрясу! Во всяком случае попытаюсь и весьма преуспею, пока сюда ворвутся люди. Так начинать?

— В результате, молодой человек, у тебя будет масса неприятностей.

— Я считаю до трёх, после чего стану выкручивать руку. Раз. Два...

— Их адреса в папке на столе, — вон, в сторонке; так сразу мне не вспомнить. Зовут их Уоллес Корриган и Генри Эверест.

Я отпустил его руку, хотя придерживал менеджера, препятствуя дотянуться до тревожной кнопки у телефонного аппарата, но позволив подать мне папку с адресами регистраторов. Ни у кого из них не оказалось телефона, но я отметил, что жили они поблизости.

— Кто в четырёста восемнадцатом? — спросил я.

— Мне неизвестно. У нас не одна сотня номеров. А карточки по текущей регистрации за стойкой.

— Позвоните туда, — приказал я. — Мне нужно знать всё-всё, что они смогут сообщить. И не болтайте лишнего.

Я подтолкнул менеджера аппарат, отпихнув немного назад его самого, вместе с креслом, чтобы не спускать с него взгляда. Протянув ему трубку, я позволил ему поговорить. Когда менеджер вернул трубку на аппарат, то сказал:

— Имя — Ричард Бергман. Заказал номер из Кливленда, пробыл здесь уже три дня. Вот и всё, что говорится в регистрационной карточке.

Я глубоко вздохнул и распрямился.

— Очень хорошо, мистер Блейк. Благодарю вас. Я ухожу, и вы, если пожелаете, можете вызвать полицию. Меня зовут Эд Хантер, если вы забыли, как меня представил мистер Старлок. Возможно, меня из-за вас продержат день или два в участке по обвинению в угрозе насилием, хотя у вас нет свидетелей. Но если вы так поступите, я вас потом всё равно разыщу. Подкараулю утречком на пути домой.

Не взглянув больше на него, я вышел. В ящике его стола мог лежать пистолет, но выстрела в спину не последовало. И в полицию этот менеджер вряд ли позвонит.

Бен Старлок стоял в вестибюле, прислонясь к колонне и посматривая на дверь. Я кивнул ему, и мы вышли на улицу.

— Выяснил? — спросил он. — А последствия?

— Выяснил, а последствия — вряд ли. Но подождите-ка. Нужно записать имена и адреса, пока ещё помнится. — Я вынул блокнот и карандаш и записал все те сведения, которые получил от начальника ночной смены. Затем я сообщил Старлоку имя человека, занимающего номер четыреста восемнадцать и спросил, не говорит ли оно ему чего-нибудь.

Старлок покачал головой.

— Он, вероятно, вовсе тут не замешан. Скорее всего, Эма перехватили, когда он выходил из нашего здания или при подходе к гостинице, до того как он достиг регистратуры и спросил мистера Коллекционера.

— Как же его перехватили? — нетерпеливо спросил я. — На Петле это не так-то просто.

— Это мог бы совершить тот, кто знал Эма лично. Пригласил его в машину под каким-то предлогом... Ты узнал, как долго Ричард Бергман уже в «Грешаме»?

— Три дня; он заказал номер из Кливленда, адреса проживания не имеет. Будь он замешанным в... в то, что произошло, к этой минуте он бы выписался. Если он всё ещё там, то...

Мы как раз проходили мимо кабачка, ещё не закрывшегося. Я предложил:

— Давайте войдём и позвоним ему. Ведь это легко проверить.

Мы остановились. Бен Старлок задумчиво поскрёб подбородок.

— Даже не знаю, добрая ли это мысль, — проговорил он. — Давай пока что выпьем. К тому же, отсюда можно позвонить в контору; если там нет новостей, отправимся к этим гостиничным регистраторам, а в контору заходить не придётся.

Мы завернули в кабачок. Я усмотрел в его задней части телефонную будку закрывающегося типа и спросил:

— Так я позвоню в контору?

Рука Старлока подтолкнула меня к барной стойке.

— Сперва договоримся, будем ли мы звонить в номер четыреста восемнадцать. Я не думаю, что это стоит делать. Если Ричард Бергман там, то он, скорее всего, ни при чём; но может статься, что наоборот, — что он связан с исчезновением Эма, но не суетится. Тогда телефонный звонок в этот час ночи, даже если мы притворимся, будто ошиблись номером, его спугнёт.

— Согласен, что и говорить. Но что, если он этой ночью удерёт и мы его потеряем?

К нам подошёл бармен, и Старлок заказал два ржаных виски, чистых, не спрашивая, желаю ли я. Но я не возражал. Когда бармен налил нам и удалился, Старлок сказал:

— Я не думаю, Эд, что он сбежит. Пожелай он сбежать, то сделал бы это уже вечером, пока мы ещё не хватились Эма. Если же он всё ещё там, то останется до утра. А утром я приставлю к нему двух сыщиков, — одного «на хвост», если он покинет гостиницу. Другой пускай разузнает о нём, выяснит, что он из себя представляет. Ещё я позвоню в Кливленд — в агентство Карсона или Пинкертонам, — узнать, живёт ли там человек с таким именем и что, так сказать, им движет.

— А у нас есть назавтра два свободных сыщика? — спросил я. Ведь мне известно было, что у нас дел по горло, при том что агентство Старлока не из крупных; у нас всего семеро постоянных сотрудников, — пять помимо дядюшки Эма и меня самого.

— Эд, — заверил меня Старлок, — освободим всех и каждого, если у нас появиться хоть какая-то ниточка, за которую мы могли бы ухватиться. И к чёрту всё остальное!

— Спасибо, Бен.

— Так-то, чёрт возьми! Твой дядя один из лучших людей на свете, но я всё агентство в дело брошу, если кого-то из наших вдруг вздумают дурачить. Да я бы сегодня же всех обзвонил, будь у меня что им поручить, так ведь нет же пока ничего такого, с чем не справимся мы двое да Джейн.

И, к стати, о Джейн... Хочешь добавить, перед тем как звонить ей?

— Закажите мне, — попросил я, — После выпью.

Я направился к телефонной будке, откуда позвонил в контору. Услышав голос Джейн, я произнёс:

— Это Эд. Есть новости?

— Есть, Эд. Мисс Бек только что вспомнила, где она слыхала про коллекционера Амброзов; она как раз вышла рассказать мне. Вот она; дать ей трубку?

— Давай.

В трубке раздался возбуждённый голос Эстеллы.

— Это был Карл Делл, Эдди. Это Карл Делл сказал мне про коллекционера Амброзов!

Я сделал глубокий вздох.

— Оставайся там, Стелла. Мы сейчас будем. Тут всего пара кварталов.

Я поспешил к Бену Старлоку; бармен ещё не успел наполнить наши стаканы.

Глава 4

— Пойдёмте, Бен, — сказал я, на ходу потянув его за рукав. Но с таким же успехом я мог бы потянуть за ствол дерева: Старлок не сдвинулся ни на дюйм, наоборот — это я, вцепившийся в него по пути к выходу, едва не опрокинулся.

— Утихни, Эд, — сказал Старлок. — Выпей, что налито, а-то пропадёт.

— Эстелла вспомнила!

— И отлично. Расслабься же; ещё минута — и мы уходим, а минута ничего не решит. Пей, что налито, и приходи в себя; ты попадёшь туда скорее, не бросаясь сломя голову, к тому же будешь в лучшей форме, если придётся действовать.

Я схватил свой стакан и залпом его осушил. Ах, слишком скоро! Я поперхнулся и чуть не изверг всё обратно.

— Вот видишь? — сказал Старлок. Он чинно допил свой стакан и продолжал: — Если ты готов к тому, чтобы идти шагом, а не ломиться в ближайшую дверь на улицу, мы прогуляемся до конторы, а там побеседуем с твоей подружкой.

Я уже прокашлялся и почувствовал обязанность осклабиться в ответ. Схватив и запивку, я не спеша сделал несколько глотков. Только тогда я сказал:

— О'кей, пойдёмте же. Хотя бы ползком, если велите.

— Так-то лучше. Уже идём.

Выйдя на улицу, мы огляделись, высматривая такси. Ни одного в виду не оказалось, и мы отправились пешком.

— Сказали тебе, чего такого вспомнила Эстелла? Или только просто, что вспомнила?

— Деталей не знаю. Но о коллекционере Амбровоз она узнала от человека по имени Карл Делл. Он живёт с нами в одном доме, да и Эстелла там же квартирует. Он некоторым образом сдвинутый.

— Каким это образом?

— На почве астрологии, — ответил я. — Только ею и живёт; заговорит вас до смерти. Хотел и нынче её применить, чтобы выяснить, что случилось с дядюшкой Эмом.

— Нынче? Вы виделись с ним нынче?

— Говорил с ним минут двадцать, в десять примерно. — И я рассказал Старлоку про телефонный звонок и про покер, в котором я отказался принять участие.

— И тебе известно, где будет происходить эта игра? Я имею в виду, сможем ли мы повидаться с этим твоим Деллом — после того как потолкуем с вашей подружкой и выясним подробности, — пока он не вернулся домой с игры?

— Вряд ли нам это удастся, — сказал я. — Мне известно только то, что игра проходит в двух кварталах от нашего дома. Но уже перевалило за полночь, а он сказал, что не собирается засиживаться допоздна.

— Так они все говорят, — отозвался Старлок. — А кто он, помимо того, что астролог?

— Страховой агент в «Харрисон мьючел». Это вроде производственного страхования, как они называют, на которое собирают от десяти центов до четвертного с человека в неделю на постоянном маршруте.

— А по натуре каков?

— Хороший парень, пока не пристаёт к вам со своим хобби. По крайней мере, некоторое время; иначе слишком уж доставуч. Завоёвывает друзей и оказывает влияние на окружающих. Вам известен этот тип.

— Это не вполне то, что я хотел знать, — сказал Старлок. — Подойдём с другой стороны. Как по-твоему, может его нечто связывать с исчезновением Эма?

Я обдумывал свой ответ с полквартала, и даже тогда я не решился высказаться с определённой уверенностью.

— Не думаю, — ответил я. — Если он и сдвинутый, то основателен в суждениях и не дурак. Он вовсе не помешан, но что немного «того» — это верно.

— Настолько «того», чтобы собирать Амброзов в коллекцию?

— Нет, не думаю. Лучше послушаем, что скажет Эстелла. А вдруг, даже если это Карл упомянул про коллекционера Амброзов, дело окажется в чём-то совершенно ином? Подождём судить.

— Вероятно, ты прав, — сказал Старлок, и мы замолчали вплоть до той минуты, как вошли в контору.

Эстелла выглядела вполне успокоенной, чего нельзя было утверждать ранее, судя по её голосу в телефонной трубке. Но даже теперь её глаза горели от возбуждения. Мы и дверь не успели за собой закрыть, как она затараторила.

— Эдди, это было с неделю тому назад; уверена точно. В тот вечер Карл пригласил меня в кино, — был вечер вторника, когда я выходная, так что минуло уже восемь дней. Сеанс был продлённый; одна из картин — «Каникулы на Кубе», именно её мы и хотели посмотреть и пришли в зал как раз к началу. Вторая картина называлась «Дело Эдварда Дина». Ты смотрел?

— Нет. Продолжай.

— Так себе кинцо. Мы и до середины не досмотрели — Карлу оно понравилось даже меньше, чем мне. А мне было всё равно; мы просто взяли и ушли не дожидаясь конца. Но этот фильм навел его на мысль об коллекционере Амброзов, поэтому я должна рассказать подробно. Картина — «Дело Эдварда Дина» — началась с того, что этот Эдвард Дин исчезает. Причём совершенно беспричинно — ну, насколько мы досмотрели. То есть, у него самого не было никаких причин исчезать, ведь он всё при этом терял. И ни у кого не было никаких причин похищать или убивать его. А после того как мы, я и Карл, ушли, мы зашли куда-то немного выпить; я не помню, куда именно, только это было на Рэндольф-стрит, здесь на Петле; думаю, это не имеет большого значения. Во мне постепенно проснулось любопытство, и я спросила Карла, что он думает об исчезновении Эдварда Дина в этом кино.

— Минутку, — прервал её Старлок и взглянул на Джейн, чей карандаш порхал над линейками стенографического блокнота. — Успеваешь, Джейн? Она несётся, как поезд, что с рельсов сошёл.

Джейн ему улыбнулась.

— Да, мистер Старлок. Я ведь всё уже записала: Эстелла говорила со мной, пока мы ждали вашего прихода. Сейчас я делаю запись вторично, для контроля: вдруг Эстелла скажет что-нибудь новое.

Старлок кивнул, и Эстелла продолжала рассказ с предыдущей фразы.

— Я спросила Карла, что, по его мнению, могло случиться с этом кино с Эдвардом Дином, и он сказал: «Возможно, его сцапал некто, коллекционирующий Эдвардов». Я спросила, о чём это он, — я не знала, разыгрывает он меня, либо же я что-то пропустила в той части фильма, которую мы видели, — а Карл усмехнулся и сказал: «Ну, ведь существует же коллекционер Амброзов. Почему бы не быть и коллекционеру Эдвардов». — Тут я поняла — как я тогда решила, — что он точно меня разыгрывает, а потому спросила: «А тогда кто этот коллекционер Амброзов?» — ну, точно как ты меня спросил, когда я упомянула о нём сегодня вечером; а Карл сказал: «Кто он, этого никто не знает. Всё, что о нём известно, так это то, что он коллекционирует людей с именем Амброз». И опять же, подобно тебе самому, я спросила: «А зачем ему это?» — на что Карл ответил: «Никто не знает. Но зачем-то ему это нужно». Я посмеялась, и мы перешли на другую тему. Кажется, на первый фильм.

— И это всё, что было о нём сказано? — спросил я Эстеллу.

— Слово в слово, Эдди. У меня всё из головы вон, пока ты не сказал, что дядя Эм ещё не приходил домой. А было всего семь часов, беспокоиться не стоило, да и ты не выглядел сильно расстроенным, вот у меня и сорвалось с языка насчёт того, что его мог сцапать коллекционер Амброзов, а кто мне рассказал про такого, я даже не вспоминала. Но когда ты спросил меня об этом потом, я почувствовала, что смогу вспомнить, если очень постараюсь. Я бы от этого не отступилась, пусть даже пришлось бы думать неделю.

Бен Старлок ей улыбнулся.

— Охотно верю, девушка: уж ты бы не отступилась. Посбивала бы с толку всех моих сотрудников, восседая тут, в служебном помещении, как тихо помешанная.

— И занятая поисками собственного рассудка. Ох, Эдди! Как же отвратительно я себя чувствовала, думая, что мне известно нечто так тебе нужное, но что я не могу этого припомнить!

— Ты прекрасно потрудилась, Стелла, столь досконально сообщив нам всё, что знала, — заверил я девушку.

— Но важно ли это? Имеет ли какое-то значение?

Не зная, что и ответить, я взглянул на Старлока. Чувствовалось, что и он не знает.

— Может быть, тут что-то скрыто, — сказал Старлок, — а может и нет. Невероятно, чтобы это оказалось совпадением, — то, что сказал Карл, и то, как тот человек, к которому я послал Эма, назвал себя по телефону.

— На совпадение никак не тянет, — отозвался я. — Скорее, я проглочу утверждение, будто Иона проглотил кита.

— Это кит проглотил Иону, Эд, — вмешалась Джейн (она великолепная стенографистка, но иногда я удивляюсь, как ей удаётся находить каждый день дорогу назад в контору после ланча).

Старлок присел на уголок своего стола.

— Даже если всё это, Эд, окажется «липой», — сказал он, — нам нужно проверить. Так что разделим-ка силы. Тебе этот Карл Делл хорошо известен, ты им и займёшься. Забери Эстеллу домой и потолкуй с Карлом; если он ещё не оторвался от игры в покер, вы его вместе и подождёте. Помимо этого остаётся только одно — поговорить с теми двумя регистраторами из «Грешама». Этим займусь я. Не то чтобы ожидаю многое от них получить. Эм вряд ли вообще добрался до регистратуры отеля.

— Но вы можете что-то выяснить о том постояльце номера четыреста восемнадцать, о Ричарде Бергмане. Возможно, он им лично известен.

Старлок кивнул.

— Возможно. Попытаться стоит. Хотя... если Эм не дошёл до регистратуры, чтобы спросить насчёт нужного номера, то это значит, что Амброз Коллекционер просто взял это число с потолка, и тогда Бергман ничем нам не поможет. Но с этим мы можем и до завтра обождать, а вот регистраторов нужно расспросить.

— Решено, — сказал я. — Связь держать будем через Джейн. Я позвоню сразу же как увидаю Карла Делла, — неважно, скажет он нам нечто толковое или не скажет. Ты готова, Стелла?

Мы вышли вместе и даже сели все трое в одно такси, поскольку один из адресов, которые я назвал Старлоку, находился в округе сразу на запад от Дирборна, и босс решил сперва отправиться туда, высадив нас по пути.

С надеждой я заметил под дверью, ведущей в комнату миссис Брэйди, полоску света. Постучав, я спросил её, не звонили ли мне или дяде Эму. Миссис Брэйди покачала головой.

— Что-то не так, Эдди?

— Понятия не имею, — ответил я. — Вы, случайно, не знаете, Карл не возвращался?

— Нет, Эд, не знаю. Почти всё время у меня работает радио, и даже если я не включаю его громко, а как сейчас, всё равно не слышу, когда снаружи ходят люди.

— А телефонные звонки вам слышны?

— Конечно. Телефон всегда слышен. Я совершенно уверена, что, пока вас не было, ни вам, ни вашему дяде никто не звонил. Звонили только раз, Честеру.

— А он у себя?

— Да, но теперь, наверное, спит. Звонили уже час назад, и Честер сошёл вниз в купальном халате, надетом поверх пижамы.

Я поблагодарил миссис Брэйди, и мы с Эстеллой направились на второй этаж. Там мы постучали в дверь Карла Делла, но ответа не получили.

— Интересно, крепок ли у него сон, — сказал я Эстелле. — Не хочется будить весь дом, колотя в его дверь.

— А давай, Эд, попробуем нашими ключами. Может, какой-то подойдёт.

Звучало заманчиво; на всех комнатах замки были самые обыкновенные, а ключи ничем не отличались от простых отмычек. Сначала я испытал собственный ключ, но он не подошёл; а вот Эстеллин ключ вскрыл дверь. Я бросился внутрь и зажёл свет. Комната была пуста, кровать убрана. И всё равно я решил проверить, — а вдруг он здесь, но не желает нас видеть. Я заглянул в чулан и даже под кровать.

Нет, Карла дома не было, так что мне пришлось выключить свет и вновь запереть дверь. Я направился к нашей комнате, желая проверить, не возвращался ли дядюшка Эм. Как было бы

чудесно обнаружить его в постели, спящим! Пусть даже мертвецки пьяным, в полной «отключке», хотя я никогда ещё его таким не видел. Дядюшка Эм не был трезвенником, но знал меру. Дальше стадии простой весёлости он никогда не заходил.

Но в нашей комнате дядюшки Эма, пьяного или трезвого, мёртвого или живого, как не бывало. И записка, что я для него оставлял, оставалась на месте.

Эстелла всё ещё стояла в дверях.

— Посидеть мне с тобой, Эдди? — спросила она. — Если мы будем держать дверь открытой, то услышим шаги на лестнице.

— Не желаешь в постель? — спросил я в ответ.

Она с притворной скромностью опустила глаза.

— Как, Эдди! Это так неожиданно!

В другое время тут можно было бы усмотреть хорошую шутку. Либо перспективу. Но я лишь коротко хмыкнул, тем дело и кончилось.

— Если желаешь подождать, пока Карл придёт домой, — что ж, садись и отдыхай. Я схожу позвоню Джейн и велю ей оставаться на посту.

Я спустился вниз и позвонил в контору. Бен Старлок, сообщила мне Джейн, пока не звонил. Я сказал ей, что Карла Делла дома ещё нет и я собираюсь его ждать. Пока я с ним не увижусь, сказал я, звонить ей не буду, но если тем временем произойдёт нечто важное, пускай она позвонит мне сама.

— А я уже обзвонила больницы, — сообщила Джейн. — Эма ни в одной нет.

— Это хорошо, — ответил я, но сам засомневался, хорошо ли это. Будь он в какой-то больнице, искалеченный где-то злым роком, мы бы знали хоть что-то.

Я вернулся к себе. Эстелла возлегала в набивном кресле, её глаза были закрыты. Но стоило мне войти, девушка раскрыла глаза и вопросительно взглянула на меня.

— Ничего, — сказал я ей. — Старлок не звонил, но у него вряд ли хватило времени добраться до первого же регистратора. Ты точно не устала?

— Нет, конечно. Час-то который?

— Подходит к часу.

— Так с какой стати мне быть уставшей? В ресторане я бы ещё с полчаса работала. Я никогда не ложусь ранее трёх. А вот сплю почти что до полудня. И потом... в общем, сегодня я вообще, кажется, не засну.

Я присел на подлокотник; Эстелла прислонилась ко мне головкой, я обхватил её рукой и потрепал за плечо.

— Я, Эдди, утомлена, это так. Спать не хочу, а так — утомлена. Ненавижу быть официанткой.

— Ненавидишь?

— Ненавижу. Сегодня последний раз, и больше туда не пойду. Сэм бы не отпустил меня, если бы я попросила. Нет, если бы я взяла на себя труд объяснять, насколько тут серьёзное дело, и в конце концов убедила его, но... мне, знаешь ли, всё равно нужен бы предлог, чтобы уволиться.

— И что ты собираешься делать?

— Даже не думала ещё. Да просто отдохну и выброшу из головы, что вообще когда-то была официанткой. А потом... ну, потом я, возможно, подамся в модели. Попасть в этот бизнес трудно, но там лучше платят и рабочий график лучше.

— Да, у тебя есть всё необходимое, — сказал я, отлично помня: на нашей ярмарке Эстелла подвизалась в женском шоу, и действительно всё было при ней.

— А если я не попаду в модели, тогда, поскольку теперь сентябрь, мне нужно будет подыскать нечто на зиму, — работу секретаря-референта, что ли, а весной я, возможно, опять уеду с ярмаркой.

— Не жизнь это для девушки, Стелла, — сказал я. — Вряд ли тебе самой этого хочется.

Эстелла не ответила, отчего я почувствовал некоторую неловкость; но зазвонил телефон, и я бросился вниз. Аппарата я достиг в ту же секунду, как миссис Брэйди отворила свою дверь.

— Это, возможно, мне, миссис Брэйди, — бросил я ей и схватил трубку. — Эд Хантер у телефона, — произнёс я и услышал голос Джейн Роджерс.

— Это Джейн, Эд. Только что звонил мистер Старлок. Он поговорил с одним из двух регистраторов, но тот не помнит, чтобы кто-либо этим вечером справлялся про номер четыреста

восемнадцать. И когда мистер Старлок показал ему фотографию вашего дяди, регистратор сказал, что не встречал этого человека.

— А у Старлока есть фотография?

— Да, есть. Вы, наверно, были в задней комнате, когда я выдавала Старлоку эту фотографию из личного дела.

— Но каким образом... — Тут я вспомнил, что и для моего заявления о приёме на работу в агентство в своё время потребовалась фотография. А потому я сказал: — Ясно, Джейн. Что-нибудь ещё?

— Это всё. Да, вот ещё: регистратор не мог вспомнить, кто занимал номер четыреста восемнадцать или человека по имени Ричард Бергман. Мистер Старлок отправился повидаться со вторым регистратором.

— Ясно, Джейн, — повторил я. — А тот, кого я жду, ещё не приходил, так что мне ничего не остаётся, как его караулить. Ну, пока.

Когда я положил трубку на место, то увидел, что миссис Брэйди всё ещё стоит в дверях.

— И всё-таки, Эд, что-то у вас случилось, — сказала она. — Что-то с вашим дядей?

— Мы не знаем, где он, — ответил я ей. — Это нас беспокоит; мы пытаемся его разыскать. — Тут я повернулся, чтобы идти к лестнице, но миссис Брэйди позвала:

— Эд Хантер! — да таким повелительным тоном, что я невольно остановился. — Войди-ка да всё мне расскажи. Я, возможно, чем-то смогу помочь. И вообще — уже поздно, так я налью тебе кофе. А если ты откажешься пить, я вылью его тебе за ворот. У меня как раз заварено.

— Кофе — это то, что надо, — заверил я. — Но ведь нужно и для Эстеллы. Она там ждёт меня.

— Веди её сюда.

Я сделал шаг к лестнице, но вдруг засомневался.

— Сделаем по-другому, миссис Брэйди. Я ведь прислушиваюсь — не придёт ли кто. А тут, у вас, во всяком случае — на кухне, мы не сможем слышать, если не оставим дверь открытой. Знаете, что? Я скажу Эстелле, чтобы продолжала дожидаться, а сам спущусь и возьму кофе для нас двоих. Накачайте же меня вашим кофе!

Сказано — сделано. Я сообщил Эстелле о кофе, а затем вновь спустился на первый этаж. Миссис Брэйди оставила дверь открытой, и я прошёл через её жильё далее на кухню. Сказав, что кофе ею уже заварен, миссис Брэйди преувеличила — она ещё и аппарата не включала. Лишь успела к моему приходу заправить его свежей порцией кофе. Подождав, пока напиток не дойдёт, она, наконец, произнесла:

— А теперь, Эд, расскажи-ка мне всё.

Подробности я опустил, поведал лишь, что дядюшка Эм настолько задержался с приходом домой, что даже наш босс обеспокоился, и теперь мы с ним отрабатываем различные направления поиска, пытаюсь установить его местонахождение. А Эстелла нам помогает.

— А при чём тут Карл Делл? Он-то как тут замешан? Ведь ты едва пришёл, как бросился узнавать, не возвращался ли Карл Делл.

Мне не хотелось пускаться в объяснения того, что всё равно пока не поддавалось объяснению, а потому, немного покумекав, я изобрёл нечто немного более правдоподобное, нежели правда.

— Этим вечером, — сказал я, — Карл говорил мне, что собирается поучаствовать в игре в покер, и предложил мне к нему присоединиться. А дядюшка Эм любил сыграть в покер, и может статься, что он вернулся как раз тогда, когда Карл выходил из дому, и они отправились вместе.

— О! — сказала миссис Брэйди, как будто этим можно что-то сказать, хотя на правду, возможно, довольно много. И далее: — А вот я Карлу Деллу не доверяю. Не знаю, отчего, но... временами у меня мурашки по спине бегут, такое он говорит. А у вас с Эстеллой что там?

Переход был столь резок, что теперь «А?» было лучшим ответом, на который я оказался способен. Миссис Брэйди лишь молча смотрела на меня, так что пришлось высказаться определеннее:

— О чём это вы, миссис Брэйди?

— Ты отлично знаешь, о чём это я. Девчонка влюблена в тебя по уши, причём случилось это ещё до того, как я впервые встретила кого-то из вас. Да она поселилась здесь, поскольку и вы со своим дядей поселились здесь, и ты отлично это знаешь. Так что с ней не так?

— Как это — что с ней не так?

— Всё с ней так, вот как это! Более миловидной девушки я ещё не встречала. А уж тебя я знаю: ты ни в кого другого не влюблён — даже в самого себя. А она с ума по тебе сходит, так чего же тебе ещё надо?

Я раскрыл было рот, но снова закрыл, поскольку ответить было нечего. На этот вопрос я и самому себе не знал что ответить. Даже скажи я миссис Брэйди, что это не её дело, вопрос тем не решался.

— Уж не пугает ли тебя её любовь, — а, Эд? Вообразил себе, что жениться тебе ещё рано, вот и бегаешь от неё. А ведь будь она какой-нибудь паршивкой, которой на тебя начхать, ты бы каждую ночь вздыхал под её дверью.

— Ну уж, скажете, миссис Брэйди, — усмехнувшись, проговорил я.

Тут кофе начал закипать, и я достал из буфета чашки с блюдцами — по три штуки, но миссис Брэйди велела мне вернуть назад один комплект, поскольку она собиралась отправляться на боковую. Значит, кофе она занималась только ради меня и Эстеллы.

Я расставил чашки на столе, дождался, пока миссис Брэйди наполнит их, и поблагодарил её. А когда мои руки оказались заняты чашками, она, перед тем как отворить передо мной дверь, хлопнула меня по плечу.

— Наседать на тебя мне, Эд, не следовало, ведь сейчас ты беспокоишься о дяде. Заходи как-нибудь ко мне, я тебя на путь наставлю.

— Было бы неплохо, — ответил я. — Благодарю вас, миссис Брэйди.

— И не волнуйся за Амброза Хантера. Где бы он ни был, он выкрутится. Держу пари.

В четверть второго ночи впору было принять такое пари — и я не был бы огорчён, если бы проиграл. Дядюшка Эм умный и благоразумный, но нельзя предвидеть рожна или коллекционера Амбросов. Ведь не важно, насколько вы умный и благоразумный: против удара дубинкой по башке или дула пистолета, сунутого под рёбра, вам не выстоять. Но я ответил:

— Выкрутится, скорее всего. Если вы собираетесь лечь спать, миссис Брэйди, то не обращайтесь внимания на телефон. Я буду снимать трубку.

С чашкою кофе в каждой руке я поднялся по лестнице, и телефон, к счастью, за это время ни разу не зазвонил, а то не сберечь бы мне этих чашек, кинувшись вниз, к аппарату.

Глава 5

Эстелла, когда я вошёл, сидела в нашем мягком кресле, откинувшись на спинку. Её глаза были прикрыты, словно бы она спала, а губы тронуты лёгкой улыбкой. Я так и замер в дверях — с чашкой кофе на блюде в каждой руке, и вгляделся в девушку, словно бы никогда раньше мне не доводилось её рассматривать.

Не то чтобы до этого я нечасто её видел. Уж я видал её и на ярмарочной сцене, в женском шоу, когда на ней была только набедренная повязка да нечто вроде сеточки. И была ведь ещё та ночь, когда мы отправились с ярмарочной стоянки в лес; правда, тогда я был влюблён в Риту, и эта прогулка ничего для меня не значила. Да и для Эстеллы, как я тогда думал, она значила немногим больше.

Но нынче я призадумался. Мне было известно, что с ярмаркой она распростилась отнюдь не оттого, что и мы с дядюшкой Эмом так поступили; просто один придурок, который был ей не по душе — и который не нравился никому из нас, — принялся там заправлять. Правда, она симпатизировала как дядюшке Эму, так и мне, и это также являлось одной из причин, почему она выбрала для себя Чикаго. Но жизнь у неё была своя, и круг общения иной, чем у нас.

И вот сейчас мне вдруг стало ясно, что наша ирландская домохозяйка права, права совершенно. Не только насчёт Эстеллы, но и насчёт меня самого — то есть, насчёт моей боязни каких-либо иных отношений, кроме просто приятельских, насчёт того, что я слишком эгоистичен, чтобы рисковать быть вырванным из своей наезженной колеи.

И теперь, совсем неожиданно, эта колея словно исчезла.

Веки Эстеллы поднялись, и она произнесла:

— Привет. Так и будешь там стоять, пока кофе не остынет? Я не спала.

— Я просто смотрел. Кажется, никогда не видел тебя с закрытыми глазами.

Я протянул ей одну чашку, а затем подтянул к себе пуфик и тоже уселся, чтобы выпить своего кофе, вполне ещё горячего.

— Так ты нисколько не вздремнула? А то могла Карла прозевать. Я был у миссис Брэйди на кухне и тоже мог его не услышать.

— Я не спала, Эд. Даже глаза я прикрыла, лишь заслышав твои шаги.

— Чего это тебе захотелось?

— Потому что ты ещё никогда не видел меня с закрытыми глазами. А может, мне захотелось, чтобы ты хоть раз увидал. А ты, Эдди, ведь встал рано сегодня утром?

— Как всегда, в полвосьмого. А что?

— Карл может просидеть за покером и всю ночь. Почему бы тебе не прикорнуть, а я разбужу тебя, когда он вернётся. Обещаю, что глаз не сомкну.

— Мне не заснуть.

— Как бы тебе завтра не пожалеть. Вдруг от тебя потребуется бодрость, а ты будешь измотан?

Это звучало логично, ведь в настоящую минуту я был способен только терзаться. А у меня даже не было никаких фактов, чтобы обдумать их и уложить в какую-нибудь концепцию. Я просто ждал прихода Карла Делла, и мог прекрасно делать это, спя на кровати.

— Возможно, Эстелла, ты и права. Ну, допью вот кофе, да и прилягу, пусть даже заснуть не смогу.

Я сделал ещё глоток; кофе, всё ещё горячий, сразу было не выпить. Внезапно я вспомнил об одном деле; его следовало сделать немедленно, поскольку утром я мог не вспомнить: мне нужно было заручиться фотографией дядюшки Эма, как это сделал Бен Старлок. Я подошёл к комоду и вынул из него коробку для канцелярских принадлежностей; там у нас было несколько фотографий, частью просто любительских снимков, — я отобрал два, на которых дядюшка Эм смотрелся вполне сносно. Оба снимка были сделаны на ярмарке; на одном из них дядюшка Эм стоял перед своим заведением, где публика должна была метать мячики в молочные бутылки, другой же представлял его сидящим в дверях трейлера, принадлежавшего Хоги, на парковке в Луисвилле, причём сам Хоги сидел позади него, и оба держали в руке по бутылке пива.

Снимала оба раза Мардж Хогленд; снимки заставили меня вспомнить, что Мардж уже нет в живых, да и Хоги тоже, и что я не знаю, где сейчас дядюшка Эм, знаю лишь, что если с ним всё благополучно, то нет никакого логического объяснения, почему он до сих пор не пришёл домой или не позвонил. Мардж и Хоги, значит, умерли, и теперь вот дядюшка Эм... Прекрати! — сказал я себе. И всё же снимок с дядюшкой Эмом и Хоги я убрал назад в коробку, а оставил только тот, где дядюшка один перед своим ларьком.

Тут он был хоть похож на себя. Со своей усмешкой и в своей неряшливой чёрной шляпе со свисающими полями, с которой никогда не расставался и над которой я постоянно подшучивал. Солнце садилось, так что поля не бросали тени на глаза, были видны лёгкие морщинки от уголков к вискам да взгляд, в котором вечная готовность беззлобно веселиться. И крупный нос не затемнял бурых взъерошенных усов, сделавшихся столь же неотъемлемой составной частью дядюшки, как, допустим, правая рука. Да, снимок определённо лучше подходил для опознания дядюшки, чем та фотка на паспорт, что была у Старлока. Разумеется, снимок не давал представления о дядюшкином росте, но эти сведения мог восполнить и я. Тут мне вспомнилось, как я однажды описывал кому-то дядюшку: «Коротковат, толстоват, сообразителен».

С той поры дядюшка нисколько не изменился, разве что — помимо его вечной шляпы со свисающими полями — одевался более прилично, чем это могло сойти для ярмарки.

Я сунул снимок в бумажник и вновь уселся на пуфик, взяв чашку с кофе. Тот успел уже несколько остыть. Эстелла, должно быть, за мной наблюдала.

— Он действительно вроде отца тебе, Эд? — спросила она.

— Вот именно, — ответил я, желая, чтобы на том и кончилось, поскольку существовало нечто такое, чего я никогда ещё не рассказывал Эстелле; и всё же оказалось, что я продолжаю: — По-настоящему я никогда не знал своего отца — пока не стало слишком поздно, пока его не убили. Тогда я познакомился с дядюшкой Эмом, который помог мне душевно восстановиться и... в общем, мы вдвоём с ним нашли убийцу.

— Так твоего отца убили?

Я кивнул.

— И дядюшка Эд забрал меня к себе на ярмарку, а там — ну, ты знаешь, что там вышло. То дело с Хоги и Мардж. Это, да ещё случай с отцом, показали мне, что мы с дядюшкой Эмом некоторым странным образом сошлись на почве сыщицкой работы. Дополнили один другого; вместе мы сделались чем-то чертовски большим, чем были каждый в отдельности. А дядюшке приходилось уже работать частным детективом, до того как он связался с ярмаркой, и я упросил его вернуться к этому занятию да и мне заодно приискать работу в том же агентстве. Я, Стелла, мечтал даже как-нибудь завести и собственное агентство — «Хантер и Хантер».

— И было бы здорово, Эд. Только чего же ты говоришь «мечтал»; уж не передумал ли ты, чего доброго?

Отчего я употребил прошедшее время, мне страшно было и объяснять — даже самому себе. Но в следующую минуту мне показалось, что лучше всё же взять и выразиться прямо, чем пытаться спрятать вещи в глубине рассудка.

— Взглянем, Стелла, в лицо вещам. Уже полвторого, и если бы с дядюшкой Эмом всё было подобра, он бы дал о себе знать уже много часов назад. А ведь его даже в больнице нет! Так мог ли он, зная, что мы о нём беспокоимся, так долго не подавать о себе вестей? Он ведь не то что прочие. Да, могло объявиться нечто такое, что не давало бы ему добраться до телефона в течение часа или двух, но не восьми же, Стелла, часов!

Стелла подалась вперёд и коснулась моей руки.

— Я чувствую, Эд, что с ним всё благополучно. — Но из тона её голоса я мог заключить, что она не верит самой себе. Ни своему чувству, ни всему прочему.

— А у меня нет предчувствий, Стелла. Я просто прикидываю шансы. И выходит плохо дело. Я, вот, только что рассказал о том, что это я уговорил дядю вернуться к прежнему занятию. Вот что меня гнетёт.

— Вернуться к какому занятию? Не пойму что-то.

— К частному сыску. Если бы я не настоял тогда, он бы продолжал работать на ярмарке. И был бы жив... если он теперь и вправду...

— Вот глупости, Эд! Так себя изводить! К тому же откуда ты знаешь, а может то, что произошло — если только и впрямь что-то произошло, вообще не связано с его работой.

— Ты имеешь в виду, что тут сведение личных счётов? Глупость, и ты это знаешь. У дядюшки Эма никогда не было врагов, разве что кто-то, кого он «взял» по завершении какого-то дела.

Зазвонил телефон. Я сломя голову ринулся вниз по лестнице.

Это был Бен Старлок.

— У меня, Эд, немного, — сказал он. — Возвращаюсь в контору. Карл Делл не вернулся?

— Нет. Вы сказали, что у вас немного, но что именно?

— Второй дежурный, Эверест, не смог опознать Эма по фотографии или припомнить кого-либо, кто спрашивал бы на регистратуре четыреста восемнадцатый номер; а вот Ричарда Бергмана он помнит, — того человека из четыреста восемнадцатого. Говорит, что тот и раньше останавливался в их гостинице и всегда записывался под тем же именем и называл Кливленд; только Эверест думает, что тот из Нью-Йорка и связан с нелегальными лотереями.

— Думает или уверен?

— Слышал от кого-то, но не помнит от кого. С месяц тому назад, утверждает Эверест, этот Бергман останавливался тут на несколько дней, а Эверест беседовал с кем-то за своей стойкой, — с кем-то, кто тоже остановился в той гостинице, но он не помнит, с кем, — и вот Бергман проходит вестибюлем, и тот парень делает саркастическое замечание (точных слов Эверест не помнит) о нью-йоркских нелегальных лотереях, которые, дескать, и в Чикаго проникли.

— А занимался ли дядюшка Эм, — спросил я, — каким-либо делом, связанным с нелегальными лотереями?

— Нет. Я, Эд, не беру дел такого рода. Ещё одно: я с Эверестом уговорился проверить перечень исходящих звонков из четыреста восемнадцатого номера. Дал ему двадцатку, и как только он завтра заступит на дежурство, то посмотрит, не было ли из этого номера исходящих звонков. Входящие нам не важны. Как и телефонные номера — за исключением междугородных; но интересно было бы узнать, не было ли звонков по городу из этого номера, перед четырьмя часами. В любом случае Эверест позвонит в агентство тотчас как ему удастся просмотреть утречком перечень звонков.

— Ну, что ж, — сказал я. — Да, совсем забыл: как зовут ту девушку, что была этим вечером на коммутаторе? Кому-то нужно будет с ней поговорить.

— Я узнавал у Эвереста. Но до утра нам с ней не встретиться. Эверест её хорошо знает: она его двоюродная сестра, и это он устроил её на работу. А завтра у неё выходной, и она этим вечером отправилась в Рэйсин провести там с друзьями вечер; возвращается только завтра.

— А нельзя ей позвонить?

— Эверест всех их знает; он говорит, что телефона у них нет. И я не думаю, что для нас это так важно — мчаться в Рейсин и назад сегодня ночью. Всё-таки, Эд, тот человек из четыреста восемнадцатого вряд ли причастен к делу. Мне кажется, что и название гостиницы, и номер были взяты с потолка, и Эма перехватили ещё по дороге.

— Да, похоже на то. А что вы собираетесь делать дальше, Бен?

— Вернуться в контору. Посмотрю, что там Джейн выяснила в больницах и о прочем, а затем намереваюсь пару часиков поспать в служебной комнате, если только события не начнут развиваться. А ты, Эд? Нельзя ли как-то тебе там устроиться, чтобы немного поспать, но в то же время не проспав возвращение этого Карла? Ты ведь знаешь, что такое покер: за ним можно и до утра просидеть.

— Да могу я тут устроиться, — заверил я Бена. — Эстелла за меня посторожит; завтра она сможет спать сколько вздумается, а сейчас утверждает, что ей не хочется.

— И прекрасно. Отправляйся на боковую, и если ничего не случится, я не стану поднимать тебя звонком. А ты сам решай, нужно ли будет тебе вызванивать меня после того, как ты повидеешься с эти Деллом. Вдруг получишь в руки нить, а может — и вовсе ничего.

— Я позвоню в контору в любом случае, — заверил я, — или сам приду. Но я велю Джейн не будить вас, если нам не во что будет вонзить зубы.

— Вот и отлично, Эд. Пока.

Я вновь поднялся по лестнице и, поскольку Эстелла была в курсе того, что произошло к той минуте, пересказал ей всё сказанное мне Старлоком по телефону.

— Всё хорошо, Эдди, — сказала мне Эстелла. — А теперь ложись-ка в постель да вздремни.

— Один, значит?

— Один. Потушу свет, чтобы он не мешал тебе заснуть, а дверь приоткрою и придвину к ней кресло — посматривать в коридор. Глаза же буду держать раскрытыми, вот и не усну. Мне и так не хочется.

Я скинул обувь и лёг. Эстелла щёлкнула выключателем, и в следующую минуту её губы коснулись моих. Я обхватил её руками, привлёк к себе и крепко поцеловал. Эстелла хихикнула.

— Я же просто поцеловала тебя на ночь, Эдди. Ни о чём не мечтай; спи уж.

Я привлёк её настойчивее, но она продолжала:

— Эдди, я серьёзно.

Это было правдой. Ибо чтобы расхолодить меня, Эстелла добавила:

— Не забывай, зачем тебе нужно выспаться.

— Верно, Стелла, — отозвался я. — Помнишь тот вечер на ярмарке?

— Помню. Я думала, Эдди, что ты его забыл.

Затем её губы опять коснулись моих, после чего она отстранилась. Я услышал, как девушка отправилась к креслу, а затем тусклый свет из коридора сделался немного ярче, поскольку Эстелла сильнее приоткрыла дверь. Я закрыл глаза, понимая, что не смогу заснуть специально и чем старательнее буду к этому стремиться, тем менее от того будет пользы. Я даже не пытался перестать думать о дядюшке Эме, а просто позволил мыслям течь и, должно быть, через пять минут уже забылся крепким сном, поскольку не помню, чтобы думал о чём-то более этого времени.

А потом Эстелла легонько потрясла меня за плечо и внезапный свет резанул мне глаза, когда я перевернулся на спину.

— Карл у себя. Только что вернулся.

Я сел. — Который час?

— Десять минут четвёртого. Ты проспал чуть более двух часов.

— Ты с ним говорила? — Я свесил ноги с кровати и стал шарить ими в поисках обуви.

— Нет. Когда я услышала, как он поднимается по лестнице, я прикрыла дверь, оставила только щель, чтобы увериться, что это точно он и идёт к себе. Мне пойти с тобой, Эдди? Я думаю, надо, а то вдруг он начнёт отпираться, что говорил мне то, что говорил, или разыграет забывчивость.

— Правильно. Пошли, пока он не разделся.

Мы вышли в коридор, и я постучал в дверь, следующую после двери Честера Хемлина.

Карл приоткрыл дверь на несколько дюймов. — А, это ты, Эд. Чего ради...

— Нам с Эстеллой, Карл, нужно занять у тебя пару минут. Это чертовски важно.

Карл начал отворять дверь, как только узнал меня, но при моих словах он взглянул мне за спину и увидел девушку. Тут он моментально захлопнул дверь, бросив нам: «Одну минутку, я лишь халат надену. Успел, знаете ли, разоблачиться». — Спустя несколько секунд он, уже в халате и тапочках, распахнул дверь и сказал:

— Входите. Нет ещё известий о твоём дяде?

Мы вошли. Я сказал:

— Известий нет. Это в некоторой связи с тем, Карл, о чём я собираюсь у тебя спросить. Что там ты рассказывал Стелле о некоем коллекционере Амброзов?

Карл закинул голову и едва не расхохотался — правда, враз посерьёзnel, когда я приблизился к нему на шаг и он увидел выражение моего лица. Смех прямо-таки застрял у него в гортани, и Карл чуть не закашлялся.

— Мне очень жаль, Эд. Что твой дядя пропал и что... Но этот коллекционер Амброзов — не более чем выдумка... ну, более или менее. Ты никогда не слыхал о Чарльзе Форте?

— Нет, а кто этот Чарльз Форт?

— В двух словах не скажешь. Сядьте-ка.

Эстелла заняла стул, я же примостился на кровати. Карл обратился к этажерке. Нагнувшись, он вытащил довольно толстую книгу и протянул её мне. На переплёте значилось: «Книги Чарльза Форты».

Не открывая книги, я вопросительно воззрился на Карла.

— Если есть желание, возьми почитать, — сказал тот; — полагаю, Эд, тебе понравится, но с твоим дядей это никак не связано, и сейчас я это докажу. — Чарльз Форт был газетчиком в Нью-Йорке; умер лет двадцать назад. Он был либо спятившим, либо гением, и множество людей полагает, что именно гением, — а среди них такие люди, как Бен Хект и Тиффани Тэйер, Карл Сэндберг и Шервуд Андерсон. Они организовали Фортианское общество, даже издавали журнал. Не знаю, правда, существует ли он до сих пор.

— О чём же он писал? — спросил я.

— Да обо всём. Он полагал, что наука, официальная наука, в особенности астрономия и физика атмосферы, чокнулись, сбились где-то с пути и только вводят нас в заблуждение. Он собирал факты — большей частью в виде новостей, нарезанных отовсюду — о вещах, которые не согласуются с существующим учёным мнением, а потому остаются без внимания или получают поверхностное объяснение. Дожди из лягушек, из рыб, загадочные появления и исчезновения, землетрясения и метеоры, марсиане и русалки. Чертовски захватывает!

Возьмём что-нибудь из недавнего — хотя бы вот летающие блюдца. Чем не пища для Чарльза Форты! Разве имеются им разумные объяснения? Нет, конечно. Так вот: он собрал тысячи таких необъяснённых вещей в своих книгах, столь же загадочных вещей, как и летающие тарелки. И столь же не поддающихся объяснению.

— Звучит дьявольски интересно, — сказал я. — А как попал сюда коллекционер Амброзов?

— Это одна из маленьких шуток Форты. В четвёртой и последней своей книге, «Сумасбродные таланты», он обсуждает загадочные исчезновения. И он упоминает исчезновение человека по имени Амброс Какой-то-там из Канады, особенно загадочное исчезновение: человек начисто исчезает, оставив после себя более миллиона долларов. А под стать ему, по мысли Форты, исчезновение Амброза Бирса, писателя, что произошло в Техасе за несколько лет до того. Вот он и спрашивает: «Уж не коллекционирует ли некто Амброзов?»

— Эту часть я бы прочёл, — сказал я. — Вы говорите, это в... в четвёртой книге, верно? — И я взял книгу, лежавшую рядом на кровати.

— Да, «Сумасбродные таланты». Это — полное собрание, все четыре книги в одном томе. И в конце указатель. Поищи в нём имя «Амброс Бирс», поскольку я не помню фамилии того другого Амброза, и ты всё найдёшь. Да ты можешь взять книгу с собой.

— Спасибо, Карл.

— Только... ты к чему вообще это спросил? Твоего дядю зовут Амброс, это верно, но, святой Боже, Форт лишь пошутил насчёт коллекционера Амброзов. И к тому же было это очень давно.

Я рассказал Карлу про телефонный звонок, которым дядюшка Эм был вызван из конторы Старлока, и про имя, которым назвался звонивший. Карл только присвистнул.

— Он, должно быть, из тех, кто почитывает Чарльза Форты, но просто страшно сказать, сколько людей в Чикаго читают его. Тысячи. Как бы то ни было, у него дьявольское чувство юмора.

— Когда я найду его, — сказал я, — то выясню, насколько его чувство юмора и впрямь дьявольское. Порежу ему кожу на полосы и посмотрю, будет ли ему весело.

Я встал, и поскольку мои последние слова прозвучали слишком мелодраматично (даже на мой вкус), промямлил:

— Ну, а как прошла игра в покер?

— Пресно, — с сожалением отозвался Карл. — А это чудненько подводит нас к тому, чтобы занять у тебя пятёрку до пятницы.

Я протянул ему пятёрку и не вытерпел, спросил:

— Подвела, значит, астрология?

— Как таковая — нисколько. К полуночи я был с прибылью в пятнадцать долларов. Выйди я тогда из игры, всё бы обошлось. А теперь уже четверг, четырнадцатое, день для меня не слишком благоприятный. — Карл взглянул на часы, стоявшие на комод. — Особенно если спать всего три часа.

Эстелла рассмеялась.

— Намекаешь, Карл, что нам пора восвояси?

Карл хмыкнул.

— Не про тебя речь, Эстелла! Можешь оставаться сколько угодно!

Но Эстелла, конечно, последовала за мной. В коридоре она положила руку мне на плечо.

— Прости, Эд.

Я удивился — за что? — и спросил.

— За то, что этот коллекционер Амброзов всего лишь из книги. Я уж думала, что у нас будет зацепка.

— Не твоя вина, Эстелла, — заверил я. — Конечно, я и вправду надеялся на какие-то подвижки, но... в общем, даже это — кое-что. Возможно, что сейчас, сразу после сна, я несколько не в себе, а вот позже лучше во всём разберусь. Как бы то ни было, можно звонить в контору и рассказывать.

Я уже спустился на несколько ступенек, но тут заколебался: мне подумалось — а не лучше ли будет отправиться в агентство самому?

Эстелла произнесла:

— Иди звони, Эдди, и если мистер Старлок не найдёт, чем тебя занять, отправляйся досыпать. А я вновь буду держать ухо востро — на случай звонка.

Но и после её слов я не перестал колебаться, однако спустился не вступая в спор и позвонил в агентство. Джейн перебила меня, не успел я и двух слов произнести:

— Эд, здесь сам мистер Старлок; он, должно быть, услышал звонок и вышел из служебной комнаты. Я передаю трубку.

Секундой позже раздался голос Старлока.

— Я тут приснул, Эд, но звонок разбудил меня. Что там у вас?

— Боюсь, мы перемудрили. — И я рассказал ему то небольшое, что узнал от Карла.

— Не здорово, — признал Старлок. — Всё, что мы узнали, так это что тот, кто захватил Эма, начитан в Чарльзе Форте.

— Либо слышал о нём от кого-то ещё, — предположил я. — Ну, как Эстелла прослышала про коллекционера Амброзов, даже не читая Чарльза Форте.

— Слушай, Эд, — а может, это зацепка. Единственная вещь, в которой мы совершенно уверены, — это что тот «некто» знал Эма в лицо. Ты не спрашивал Делла, кому помимо Эстеллы мог он рассказывать об этом «коллекционере»? Например, кому-то ещё в вашем многоквартирном доме, помимо Эстеллы? Ведь Эстеллу, я полагаю, мы можем исключить.

— Да уж не иначе, — ответил я. — А Карла я об этом и вправду не спрашивал. Но спрошу. А что дальше? Мне прийти в агентство?

— Нечего тебе, Эд, здесь делать. Я позвонил всюду, куда только мог придумать, и с тем же отрицательным результатом. Я даже позвонил в полицию и сделал заявление, так что, если к ним что-то поступит, мы будем в курсе. А сделать они за остаток ночи всё равно ничего не сделают.

— К которому часу мне приходиться?

— Скажем, к восьми, — ответил Старлок. — Я позвонил парням; трое приходят в восемь. К этому времени я подготовлю для них задания.

— Вы уверены, что сейчас я не могу помочь?

— Ничем, Эд. Увидимся в восемь.

Я поднялся по лестнице. Эстелла ожидала меня, сидя на верхней ступеньке, и я присел рядышком. Я пересказал ей наш со Старлоком разговор.

— Прекрасно, — сказала Эстелла. — У тебя остаётся ещё два часа на сон. Я буду на часах.

Я покачал головой.

— Не в том я настроении, Стелла. Хочется не спать, бодрствовать.

— Хорошо, Эдди. Помочь тебе не спать?

Я рассмеялся. Она же положила мне голову на плечо и произнесла:

— Расскажи что-нибудь забавное.

— Я вот думаю: а что бы дядюшка Эм велел мне предпринять?

— Он у тебя умничка, Эдди.

— И я так считаю.

— Ко мне в комнатку? — прошептала Эстелла.

— Поднимайся к себе. Мне нужно у Карла ещё кое-что узнать.

Я поцеловал девушку, и она поскакала на третий этаж, в то время как я поскрёбся в дверь Карла. Он крикнул, чтобы я входил: оказалось, что он не запирает двери. Света не было, Карл лежал в постели, но из его голоса я заключил, что не разбудил его.

— Прошу прощения, Карл, но мне нужно задать тебе ещё один вопрос. Это может оказаться важным.

— Давай, Эд. Да войди же!

Я вошёл, но не стал зажигать света.

— Упоминал ли ты об этом «коллекционере» ещё кому-то помимо Эстеллы?

— Э-мм... может быть, Эд. Впервые я прочёл Чарльза Форты десять лет назад ещё подростком. Не помню точно, но мог и рассказать кому-то.

— Тогда давай так. Здесь, в этом доме, ты о нём кому-нибудь рассказывал? Кому-то, кто мог знать моего дядю?

— Это я могу утверждать наверняка, Эд. Никому. Я в Чикаго всего год, и я уверен, что ни с кем об этом ещё не говорил. Так случилось, что в тот вечер, когда у меня было свидание с Эстеллой, я перечёл именно эту часть, а до того много лет и думать о ней не думал.

— Ясно, — сказал я. — Спасибо, и прости, что потревожил.

Я прикрыл за собой дверь, и, поскольку Карл мог прислушиваться, сначала прошёл в свою комнату, а выждав с минуту, на цыпочках поднялся на третий этаж.

Эстеллина дверь была раскрыта, и у неё горел свет; но самой девушки в комнате не было. Я сел в кресло-качалку и раскрыл Чарльза Форты, которого всё время держал подмышкой. Звук льющейся воды из душевой в конце коридора сообщил мне, что несколько минут придётся подождать.

В указателе я нашёл фамилию «Бирс» и отыскал соответствующее место в книге. Канадским же Амброзом оказался Амброз Смолл; я прочёл об обстоятельствах его исчезновения; они и впрямь были загадочными. Вот что было написано:

«Ещё до того, как я заглянул в дело Амброза Смолла, моё внимание было привлечено к нему одним, на первый взгляд, совпадением. В самом деле, неужели одно тут связано с другим? Это казалось такой нелепостью, что я, умудрённый обширным опытом, сразу же не на шутку задумался. Ведь примерно за шесть лет до исчезновения Амброза Смолла исчез Амброз Бирс. Газеты всего мира наперебой воздали должное загадке Амброза Бирса. Но можно ли соотнести исчезновение одного Амброза в Техасе с исчезновением другого Амброза в Канаде? Уж не коллекционирует ли некто Амброзов? Налёт ребячества при такой постановке вопроса сразу же пробудил во мне напряжённый интерес».

Я отложил книгу и фыркнул. Что этот человек называет «налётом» ребячества? Это же просто дикость — увязывать одно с другим два исчезновения, разделённых шестью годами времени и более чем тысячёю миль пространства, лишь на основании одинаковости имён. С ума он сошёл или пытался так шутить? Если не всё разом.

Но тут я почувствовал, что не вправе судить по единственному пассажи, вырванному из контекста, не ознакомившись с авторской манерой в целом и с замыслом книги.

Правда, я тот час забыл про этого Чарльза Форты, ибо Эстелла появилась в дверях — босоногая и в банном халате. «Привет!» — с усмешкой обратилась она ко мне, после чего закрыла дверь и потушила свет. Через секунду она плюхнулась мне на колени, причём потеряла свой банный халат ещё по дороге.

Глава 6

Старлок велел мне прибыть в контору к восьми, я же явился сразу после семи-тридцати. Полусонная Джейн что-то печатала на жёлтом телеграфном бланке; когда она вынула его из каретки, то сразу нажала особую кнопку, вызывающую к нам курьера «Вестерн юнион» — из его кабинки внизу, на первом этаже.

— Здравствуй, Эд, — произнесла Джейн после этого и добавила, увидев, как я удивлённо разглядываю телеграмму. — В Кливленд, в Агентство Карсона. Просим их осуществить срочную проверку Ричарда Бергмана и сообщить нам результаты по телефону.

— Есть новости? — спросил я.

Она покачала головой:

— У нас в агентстве — нет. Но мы забросили пару крючков, как зовёт это мистер Старлок.

Дверь служебного помещения раскрылась, и появился сам босс, протирающий глаза.

— Эд, с прибытием. Рановато ты. Зато успеем принять по чашечке кофе до прихода ребят. Всё схвачено, Джейн?

— Да, мистер Старлок.

— До девяти продержишься?

— И дольше, если потребуется.

— Лишь до той минуты, пока агентство по найму кого-нибудь нам не пришлёт. Вряд ли они открываются ранее девяти, но если ты пожелаешь заняться ими раньше, то действуй. Попроси их прислать самую лучшую работницу, да такую, чтобы не возражала против работы в неурочный час. Нам нужно иметь здесь кого-то — да хотя бы сообщения принимать — двадцать четыре часа в сутки вплоть до той минуты, как Эм отыщется.

— Вы хотите, чтобы я работала и по ночам?

— Если ты не против, Джейн. Выдержишь некоторое время двенадцатичасовой рабочий день? Не знаю, сколько это продлится, хотя надеюсь, что не долго.

— Разумеется, мистер Старлок.

— И прекрасно. А когда сюда прибудет твоя сменщица, ты отправишься домой, отдохнёшь двенадцать часов, а затем вернёшься и сменишь её. Давай-ка, Эд, по чашечке кофе, и к восьми — сюда.

Мы отправились в забегаловку на углу. По дороге мистер Старлок захотел узнать, расспросил ли я Карла Делла по интересующему вопросу; я пересказал ему слова Карла — то есть, что тот не припомнил, чтобы рассказывал про коллекционера Амброзов кому-либо в Чикаго помимо Эстеллы.

— А зачем нам вторая стенографистка? — спросил я. — Разве Дейн не справится в конторе днём? — Я имел в виду Дейна Эванса, по должности — старшего служащего конторы, хотя из таковых он был единственным — вёл бухгалтерию и выписывал счета.

— На Дейна, — ответил Старлок, — я и так возложу кучу работы, а потому его мы привлекать не станем. Пусть он ведёт все переговоры с клиентами и управляет обыкновенной деятельностью наших оперативников, — той, что не закончена, — чтобы я мог всецело заняться поисками Эма. Этого ему хватит с лихвой помимо его повседневной работы. Он вполне в курсе дела, чтобы обучить всему новую сотрудницу, и ему-таки не справиться без помощницы.

Старлок взглянул на часы.

— Что ж, почти восемь. В контору!

Когда мы вернулись, все были в сборе. Все, кроме Милта Имса, отсутствовавшего на задании в Миннесоте, на Севере. Были, значит, Джо Стрейтор, Эмиль Кразка, Арт Уилан и Билл Роджерс, брат нашей Джейн. Четыре оперативника, не считая меня. И Дейн Эванс, старший по конторе. Никто из них не прошёл в служебное помещение: все они, кто сидя, кто стоя, заполняли приёмную.

— Все вы знаете, что произошло, за исключением деталей, — сказал Бен. — Теперь вы узнаете и это. Никто из вас не будет действовать в потёмках. Начнём с Эда: он вкратце поведает вам о том,

что произошло до этой минуты. Все в заднюю комнату. А я тем временем позвоню в полицию и запущу в действие их машину.

Я возглавил шествие; четверо вместе с Дейном Эвансом проследовали за мной. В задней комнате я приступил к рассказу; начиная от телефонного звонка в четыре ноль-ноль вечера я всё им поведал. Не успел я закончить, как в дверях появился Бен Старлок; он, правда, знаком велел мне продолжать и в ожидании окончания рассказа прислонился к дверному косяку. Когда я закончил, он сказал:

— Отлично изложено, Эд. Думаю, ты ничего не упустил. Так вот, парни, это во-первых. Известно ли кому-либо из вас нечто такое, что мы могли бы увязать с этим делом? Хотя самая малая малость?

Никто не промолвил ни слова, и спустя секунду Бен продолжил:

— О'кей, но, всё же, если кто-нибудь что-то вспомнит, сколь бы отдалённым, сколь бы неправдоподобным то ни было, не держите этого при себе. Ко мне и сразу же. Может быть, это будет нечто такое, что Эм говорил одному из вас. Всё что угодно; я даже приблизительно не скажу, чего жду от вас. — Он обвёл всех взглядом. — Отрешимся же от фактов: есть у кого-то какие-нибудь мысли? Предположения?

Все молчали, но спустя минуту Джо Стрейтор проговорил:

— Я полагаю, это так очевидно, что вы уже думали об этом, но всё же: не работал ли Эм в последнее время над чем-то таким, что могло бы создать ему врагов?

— Ничего такого не припоминается, — ответил Бен, — хоть я и пытался. Но это будет твоя задача, Дейн, как только мы разойдёмся. Пройдись по записям в книге да просмотри всю деятельность Эма с того момента, как мы его приняли на работу, — ту деятельность, что имела отношение к криминалу, даже такому мелкому, как угон машины. Подбери все эти дела и положи мне на стол.

Дейн Эванс кивнул.

— Только что я звонил в полицию и сделал запрос, — продолжал Бен. — Как формальность — в отдел пропажи людей; они всё записали, и как только им что-то сообщат, они известят нас. Затем я позвонил инспектору Эндрюсу и всё ему рассказал. Нажал на него. Это не забота отдела убийств, — мы, по крайней мере, чертовски на это надеемся, — и всё же он по моей просьбе выделил человека, да того, кого надо, поскольку это друг Эма. Капитан Бассет. Тот уже идёт сюда.

Бен взглянул на меня.

— Не хочешь ли о чём-нибудь спросить их, Эд, пока мы не разбежались?

— Возможно, это мелочь, — сказал я, — но одно мне хотелось бы знать. Не слышал ли кто-либо из вас — до этого утра — об Амброзе Коллекционере? Либо о Чарльзе Форте?

— Я, кажется, слышал о Чарльзе Форте, — отозвался Дейн Эванс. — «Книга проклятых» — не одна ли из его книг?

— Первая из написанных им, — подтвердил я. — Та выдумка, или что там на деле, про коллекционера Амброзов, она в четвёртой и последней книге, «Сумасбродные таланты».

— Тогда я слышал о Чарльзе Форте, — согласился Дейн. — Читал «Книгу проклятых» несколько лет назад. Но о коллекционере Амброзов не слышал. Так я пойду собрать те дела, Бен?

Старлок кивнул и подвинулся, давая место Дейну пройти в дверь. Поджарый, как и Дейн, Старлок настолько массивен, что Дейну всё равно пришлось протискиваться.

— Первейшее дело — это Ричард Бергман, — объявил Бен, — человек из номера четыреста восемнадцать отеля «Грешам». Им займутся двое из вас: один на хвосте, второму порасспрашивать о нём, разобраться.

Он указал на Джо Стрейтора и Эмиля Кразку.

— Ты, Джо, на хвост. А тебе, Эмиль, расспросы. Есть тут дневной дежурный по имени Эверест. Этой ночью я сунул ему двадцатку, так что он будет с тобой сотрудничать. Возможно, вы договоритесь, чтобы он показал тебе Бергмана, когда тот будет проходить по вестибюлю. Или, если это окажется неудобным, то поднимись и повидай его под тем предлогом, будто ошибся номером, а затем укажи на него Джо. А затем вытяни всё, что сможешь, от Эвереста — да и от прочих, включая горничную, что убирает его номер. И исследуй любую полученную ниточку, понятно?

Джо с Эмилем встали.

— Получите перед уходом деньги у Дейна. По сотне на брата. Если, потратив десятку или двадцатку на горничную, на посыльного и прочих, вы сможете получить нечто такое, чего не получить другим способом, не скупитесь. И, Эмиль, когда Бергман уйдёт, постарайся заглянуть в его номер. Попроси горничную рискнуть своей работой за полсотни, и предложи покараулить тебя внутри, чтобы убедиться, что ты не собираешься чего-то стащить.

— А что, если мы туда прибудем, а он уже съехал? — спросил Джо.

— Вряд ли. Этот дежурный, Эверест, которому я заплатил, так вот он позвонил сюда, когда я разговаривал с полицией по нашему телефону, отсутствующему в справочнике, и Джейн, как только в полиции повесили трубку, переключила его на меня. Он дал мне сведения об исходящих звонках из четырёхсот восемнадцатого номера за вчерашний день — а таковых не было, — и я попросил его проверить через горничную, у себя ли их постоялец. Эверест перезвонил мне и сказал, что по словам горничной из этого крыла четвёртого этажа постоялец ещё на месте и вообще редко покидает номер до полудня.

Эмиль Казка усмехнулся.

— Похоже, вы не зря потратили деньги, Бен! И если дежурный клерк уже расспрашивал горничную насчёт Бергмана, так один мой значок, даже без пятидесяти долларов, позволит мне попасть в тот номер. Я, пожалуй, подарю ей десятку, если она смазлива.

После ухода Джо и Эмиля Бен Старлок обратился ко мне.

— Есть мысли, Эд? Насчёт того, что нам поручить Биллу и Арту?

Тут Арт Уилан проговорил:

— Пусть прозвучит абсурдно, Бен, но не выяснить ли, а может, коллекционер Амбровов существует на самом деле?

— О чём ты, Арт?

— Да тот сдвинутый. Ну, кто читал этого Чарльза Как-его-там. Иными словами, не пропал ли недавно ещё какой-нибудь Амбров?

Бен Старлок уставился на потолок.

— Да уж, звучит и впрямь абсурдно, но ты, Арт, только что получил задание. Отправляйся по редакциям и получи у них материалы по исчезновениям. Сосредоточься на событиях вне города.

— О'кей. Только почему вне города?

— А потому, что о местных исчезновениях я узнаю и быстрее, и легче. Тебе нечего тратить на это время. Я попрошу Бассета справиться в отделе пропавших людей насчёт Амбровов в их списке; у них это отнимет несколько минут. А вот упорядоченного списка со всего округа или даже от Иллинойса нет ни у кого.

— Верно, Бен, — отозвался Арт и вышел.

— Сверх того, Эд, я вижу лишь единственную зацепку, — обратился Бен ко мне. — Но эту задачу, я полагаю, ты у нас выполнишь лучше, чем Билл. Я имею в виду, что тот парень тебе уже знаком. Так что если у тебя нет других идей для Билла...

— Нет, — ответил я.

— Тогда, Билл, я полагаю, ты можешь продолжать то, над чем работал вчера. Ведь наша текущая работа тоже немаловажна, все эти незавершённые дела.

По крайней мере у агентства Старлока будет один оперативник, чтобы зарабатывать деньги, подумал я. Бен, по всей видимости, бросил на поиски дядюшки Эма всех, кого только смог; на этот счёт мне не приходилось жаловаться.

— Чем же вы думаете занять меня? — спросил я.

— Шансов, конечно, мало, но почему бы не проверить самого Карла Делла? Уверен ли ты, что ему следует доверять, что он действительно работает в страховой компании и в самом деле играл вчера вечером в покер?

— Верно, на самом деле ничего из этого утверждать нельзя, — согласился я. — Я ведь никогда не звонил ему на работу и прочее подобное. Но какой резон ему забирать в коллекцию дядюшку Эма?

— А какой резон вообще кому-то? И всё же кто-то это сделал.

Я не нашёл, что ответить. Сказал только:

— Хорошо, но можно мне сперва дожидаться Бассета?

— Да пожалуйста. Позднее, я думаю, он захочет с тобой поговорить, но для начала я сам всё ему разъясню. А утро я намерен потратить на просмотр тех дел, которые подберёт для меня Дейн. Послушай-ка, а вы с Эмом ведь обсуждали те дела, над которыми работали?

— Почти всегда, — подтвердил я.

— Не помнишь ли, работал он над чем-то таким, что могло бы навести нас... э... на след?

— Да всё пытаюсь вспомнить, — ответил я. — Есть двое ребят, которым он помог угодить за решётку в прошлом году. Вы их знаете. Но они всё ещё в тюрьме; один из них растратчик, а второй фальшивомонетчик, и оба — одиночки, не члены банды или шайки какой-нибудь.

Бен кивнул.

— Выясню, не сбежал ли кто из них. Или пусть Бассет наведёт справки; у него это лучше получится.

По телефону, стоявшему в нашем служебном помещении, я позвонил в страховую контору «Харрисон мьючел»; Карл Делл был там. Он только что пришёл и ещё не начал свой регулярный обход клиентов. Я спросил его, не могли бы мы где-то встретиться; он ответил: «Разумеется, можно. Ты звонишь из Агентства Старлока? Это ведь на Петле?»

Я подтвердил и уточнил, где именно. Тогда Карл сказал: «Тогда ты от меня лишь в нескольких кварталах. Ничего не стоит пройтись в твою сторону. Сейчас у меня совещание по продажам, но минут через десять оно закончится, и мы сможем поговорить. Есть новости о дяде?»

— Всё ещё нет, — ответил я. — О'кей, Карл. К той минуте, как ваше совещание закончится, я буду поблизости.

Бассет — капитан Фрэнк Бассет из отдела убийств — появился в дверях как раз когда я выходил из задней комнаты. Я непременно задержался бы в конторе, если бы не обещал Карлу немедленно отправиться к нему; потому я просто бросил Бассету «Привет!» и заверил его, что мы обязательно поговорим.

Когда я достиг «Харрисон мьючел», совещание по продажам ещё шло; я просидел в приёмной минут десять, и только тогда Карл вышел ко мне. Он уже напялил свою шляпу и был при портфеле.

— Давай поищем, где поговорить, — сказал он мне. — Личного кабинета у меня нет.

И затем, уже в лифте, Карл добавил:

— Мне не помешает выпить. Немного мутит: спал лишь пару часов, а пива было выпито за игрой порядочно. Выпивка взбодрит, а то я несколько заторможен.

— Да и мне не помешает, — ответил я.

Заведение, в которое мы забрели, только что открылось, и посетителей там ещё не было; единственный бармен полировал стаканы у дальнего конца барной стойки. Он налил нам отдельно по рюмке и по стаканчику воды (разбавляйте, мол, сами по вкусу) и вернулся к своему занятию. Я расплатился за нас обоих; ввиду того, что я собирался сообщить Карлу, это было самым меньшим, чем можно было подлизаться. Да и ранее он занял у меня пятёрку, а потому я знал, что он на мели.

Карл немедленно опрокинул себе в рот рюмку чистого виски и, перед тем как взяться за запивку, изрёк неперемное: «Боже, как хорошо!»; при этом, правда, столь же неминуемо содрогнулся и скорчил рожу. И затем:

— Так что у тебя на уме, Эд? Не передумал насчёт астрологии? Я всё думал, когда ты сегодня ночью ушёл от меня, — ведь дата рождения твоего дяди должна быть в личном деле, в агентстве. Перед тем как поступить на работу, он же должен был написать заявление, ведь так?

— Вероятно, — согласился я, — но не о том, Карл, я хотел с вами поговорить. Я... уф... — Первый раз в жизни я встал в совершеннейший тупик. Со Старлоком мы могли свободно рассуждать о том, стоит или не стоит проверять Карла Делла, теперь же это виделось глупейшим занятием. И ещё: когда мы со Старлоком обсуждали этот вопрос, я ведь не знал наверняка, вправду ли Карл работает в «Харрисон мьючел», а теперь убедился в этом. Связывать его с исчезновением дядюшки Эма на том лишь основании, что неделю назад Карл упомянул Эстелле один абзац из Чарльза Форта, казалось просто смешным.

— В чём дело, Эд?

Я решил свалить всё на Старлока.

— Вот что, Карл. Бен Старлок — это босс мой и дядюшки Эма — попросил меня хорошенько вас проверить. Я понимаю, что это глупо звучит, но он полагает, что тут может быть больше чем совпадение, поскольку... То есть, ведь всё, что нам известно о том человеке, который захватил дядю Эма, это то, что он может лично знать дядю и знает также тот отрывок из Чарльза Форте. А вы подходите под оба условия.

— Как так? То есть, что я могу иметь против твоего дяди?

— Да ничего, Карл, насколько я могу судить. Как и все остальные, о которых нам известно. В общем, Старлок, кажется, потерял голову. Вот почему мне подумалось, что будет и быстрее и легче прийти и поговорить с вами на прямую — ну, чтобы задать вам несколько прямых вопросов и получить несколько прямых ответов; в общем — так вот.

Карл рассмеялся.

— Чёрт меня подери! Подход и впрямь новый. Читал я детективные романы, но никогда не встречал в них следователей, столь прямо спрашивающих подозреваемых. Так чего ты хочешь? Алиби?

— В основном, конечно, алиби. Мне бы помогло, если бы вы рассказали о том, что делали с четырёх до пяти часов вчера вечером. И где именно вы играли в покер ночью.

— А давай, Эд, заключим сделку.

— Что ещё за сделку?

— Ты не пенни не потеряешь, лишь две минуты своего личного времени. Я действительно хочу помочь тебе, Эд. Мне твой дядя по душе, но ты мне по душе и сам собой. Если я сообщу тебе то, о чём ты просишь, это никак тебе не поможет. И всё же я, возможно, помогу тебе, если ты дашь мне возможность прибегнуть к астрологии, ты меня понимаешь? — Итак. Мне нужна дата рождения твоего дяди, чтобы составить гороскоп. Я не даю гарантии, что мы получим что-либо ценное, но вероятность есть. Гораздо большая возможность будет в том случае, если я получу час и минуту, но постараемся обойтись лишь числом и годом. Мне понадобится также и твоя дата рождения для построения перекрёстных ссылок. А если ты подозреваешь ещё кого-либо, — это помимо меня, ведь я знаю собственную дату рождения, — то мне нужны и их даты рождения. Но главное — твоего дяди. Я толково разъяснил?

— Желаете получить немедленно?

— Хотелось бы. Чем скорее, тем лучше. Можешь отсюда и позвонить.

Вздыхнув, я поднялся со стула.

— А ведь сказали, что я ни пенни не потеряю. Вот уже и десятицентовик тью-тью. — И всё же я направился к телефонной будке и сделал звонок.

Я попросил Джейн, которая, судя по всему, ещё не сменилась, подзвать Дейна Эванса. Но вместо этого в трубке раздался голос Бена Старлока.

— Джейн признала твой голос, Эд, так что я всунул. Что у тебя?

— Да ничего. Я просто хотел, чтобы Дейн назвал мне дату рождения дяди Эма из его заявления о приёме на работу. Я позже объясню; это не столь важно.

— Дату рождения? — Старлок рассмеялся. — Сам посмотрю. Это не ты говорил мне, что Карл Делл свихнулся на астрологии?

— Верно, я. И он не отвечает на мои вопросы, пока я не отвечу на его. Но мне дата рождения дяди неизвестна. Дядюшка Эм её скрывал — не возраст, но когда у него день рождения. Так вы мне скажете?

— Разумеется. Подожди минутку.

Я подождал минутку. Затем в трубке раздался голос Дейна Эванса, который назвал мне дату.

— Это всё, Эд, или ещё хочешь поговорить с Беном?

— Это всё, Дейн. Спасибо.

— Если твой приятель не будет против, Эд, то я хотел бы повидать его. Пусть поможет мне угадать номер страхового полиса, а то я всё ошибаюсь.

Я не мог понять, шутит ли он, а потому ответил: «Хорошо, Дейн. До скорого», — и вернулся к Карлу. Я назвал ему полученную от Бена дату.

— Час неизвестен?

— Видали вы заявления о приёме на работу, — терпеливо проговорил я, — в которых требовалось указать час рождения?

— Следовало бы требовать, — ответил Карл ничуть не шутя.

Мне больше не хотелось вступать в спор по поводу астрологии, поэтому я сказал:

— Вот я и назвал вам дату. Итак, где вы были вчера вечером между четырьмя и пятью часами?

— Дома; голова болела. Начала болеть около полудня, а к половине четвёртого разболелась настолько, что я покинул свой участок и отправился домой. Пришёл в четыре, лёг и через некоторое время приснул. Проспал до восьми, а проснувшись, почувствовал себя лучше. Вышел поужинать, а когда вернулся, мне как раз позвонили с приглашением сыграть в покер. Я согласился пойти, ещё и тебе предложил вместе сходить.

— Лучше вернёмся к промежутку с четырёх до пяти. Может кто-нибудь подтвердить, что вы провели это время у себя?

— Ну... миссис Брэйди может подтвердить, что к четырём я вернулся домой. Я надеялся, что у меня в комнате имеется аспирин, но оказалось, что он закончился. Увидев, что у меня нет таблеток, я спустился и попросил парочку у миссис Брэйди. Но с той минуты и вплоть до восьми часов я был один в своей комнате; не знаю, как это и доказать.

— Если миссис Брэйди может это подтвердить, и если время верное, то вы чисты. Кто бы ни захватил дядюшку Эма, у него не могло оказаться свободного времени примерно от без четверти четыре и до... скажем, доброе время спустя. И если вы чисты для четырёх часов в точности, то к вам не может быть вопросов и вовсе. А как насчёт игры в покер?

Карл назвал мне адрес и номер телефона Пиви Блэйна, который тогда звонил ему, а также имя и адрес того, у кого собрались на игру. Да и имена четырёх остальных игроков, плюс адреса двоих из них. А где живут остальные двое, Карл не знал.

Я всё это записал на тот случай, если Старлок решит, что дело с покерной игрой подлежит проверке, но я полагал, что достаточно было переговорить с одной лишь миссис Брэйди, — пусть просто-напросто назовёт время, когда Карл спустился к ней за аспирином.

Я задал Карлу ещё пару вопросов о том, давно ли он работает в «Харрисон мьючел» и прочее подобное, в основном ради того, чтобы было что рассказать, если Старлоку захочется узнать побольше. Что до меня, то я был уверен, что Карла вполне можно исключить.

Я предложил Карлу ещё выпить, но он отказался, чему я был рад, поскольку самому мне пить больше не хотелось. Карл сказал, что лучше пойдёт на свой участок, а это к западу от Холстед-стрит, и спросил меня, буду ли я дома вечером, чтобы навестить меня по поводу этого гороскопа. Я ответил, что понятия не имею, буду ли дома, и Карл заверил меня, что я могу смело стучать к нему в дверь, когда бы ни пришёл — невзирая ни на час, ни на отсутствие света у него под дверью.

— Я, Эд, поужинаю по пути домой; затем, никуда не заходя, к себе. Это будет шесть. С шести, значит, засяду за гороскоп, и пары-тройки часов мне будет достаточно. Ну, я побежал.

Он, конечно, не побежал, но направился скорым шагом в направлении Рэндольф-стрит, где, видимо, желал поймать такси до своего участка. Я двинулся в обратном направлении — в наш банк, чтобы снять немного денег. Я был почти что на мели и желал иметь вдоволь средств на всякий случай, а брать их в качестве непредвиденных расходов у Старлока желания у меня не было. Он и так уже здорово потратился, а я чувствовал, что это дело больше моё, чем его. Пусть покрывает расходы других оперативников; о своих я сам позабочусь. Я снял пару сотен долларов, и это было именно столько, чтобы на нашем счету не оставалось ниже требуемого минимума. Если же мне потребуется большая сумма, придётся обналичить кое-какие из наших облигаций. Это ещё счастье, что ради удобства наш банковский счёт и все облигации были оформлены на нашу общую с дядей фамилию.

То была дядюшкина идея, и, как оказалось, добрая в том, что касалось сбережений на наше собственное агентство. Дядюшка сказал: «Малыш, если я буду держать свои деньги отдельно, то не стану за них держаться. А зная, что если я продую деньги в азартную игру и половина из проигрыша будет твоей, уже стану избегать такой траты». То же ведь и меня касалось. Я бы дважды подумал, прежде чем купить новый костюм или что-то в этом роде, поскольку знал, что половина его стоимости будет включать деньги дядюшки Эма. Вышло, таким образом, что каждый из нас тратил меньше и сберегал больше с тех пор, как мы сложились. Мы также понимали, что случись нам по какой-либо причине разойтись, наши сбережения будут поделены в точности пополам. Что с моей стороны походило бы на кражу со взломом, поскольку, хотя тратили мы

поровну, всё же дядюшка Эм зарабатывал для агентства побольше моего: ведь он был более опытным сыщиком, а я, так сказать, — молокососом.

Из банка я отправился на такси домой. Перед тем как постучаться в дверь миссис Брэйди, я забежал в нашу комнату удостовериться, что дядюшка Эм не появлялся дома; там всё оставалось по-прежнему. Я так и думал, и всё же меня тянуло взглянуть.

Миссис Брэйди вышла в пеньюаре; вид у неё был заспанный. Я выразил надежду, что не разбудил её, и она сказала:

— Порядок, Эд; мне ещё час назад следовало вставать. Всё-таки полдесятого. Что о дяде?

— Пока ничего. Я вот что хочу спросить. Не помните ли вы, в котором часу Карл Делл вернулся вчера вечером?

— Эд, ты ведь сам дожидался вчера возвращения Карла Делла! Так чего спрашиваешь? Подозреваешь его в том, что он как-то связан с исчезновением твоего дяди?

— Да нет, — ответил я. — Однако нужно исключить малейшую возможность. Помните вы, в какое время Карл вернулся днём?

— Ну, строго говоря, не совсем то время, когда он пришёл. Но я знаю, когда именно он зашёл ко мне одолжить таблеток аспирина. Ровно в четыре.

— И вы совершенно в этом уверены?

— Совершенно, Эд. Вечером идут два сериала, которые я слушаю по радио, один начинается в полчетвёртого, а другой в четыре. И Карл явился как раз в промежутке между ними, пока шла реклама и затем радиопозывные станции. Помнится, мне ещё хотелось поскорее отдать ему аспирин, чтобы не пропустить начало ни на секунду, и не пропустила-таки.

— Тогда, миссис Брэйди, я отвечу вам о Карле более определённо. Теперь ясно, что он не похищал дядю Эма. Тот, кто это сделал, определённо не мог оказаться здесь в четыре часа. Он должен был находиться у здания, в котором располагается наше агентство, либо у отеля «Грешам», либо где-то между ними. Но последнее — наименее вероятно, поскольку невозможно было сказать, какой дорогой двинется дядя Эм.

— Рада это слышать. Не потому что так уж интересуюсь нашим Карлом, но мне неприятно было думать, что один из моих жильцов преступник.

Я отправился в агентство.

Старлок восседал за своим столом, откинувшись на спинку стула и заложив руки за голову. Я уселся перед ним.

— Что-нибудь новое?

— Ничего. Делл ни при чём. У него алиби на четыре часа. — И я всё рассказал боссу.

— Хорошая работа, Эд. Значит, это направление мы можем совершенно вычеркнуть. Если не подозревать сговор между ним и вашей хозяйкой. Я-то её не знаю. Глупо звучит?

— В высшей степени.

— Поверю тебе на слово. В общем, проверять алиби по игре в покер нет смысла. Оно уже лишнее. И не дал бы он тебе всех этих имён, адресов и телефонных номеров, не будь это правдой. Значит, долой Карла Делла прямо со старта. Здесь только что был Бассет.

— Я с ним встретился, когда выходил. Остался бы, но уже условился с Деллом о встрече. Полагаю, вы передали Бассету всё, что узнали от меня?

Старлок кивнул, так и не убрав рук из-за головы:

— Включая и то, что сам не знал, передавать или не передавать. То, о чём я первоначально и не вспомнил. Вероятность невелика, и всё же...

Он смолк и задумался, так что мне пришлось подстрекнуть его. Тогда он произнёс:

— Бассету немного известно о том человеке из номера четыреста восемнадцать. О Ричарде Бергмане. Он связан с подпольными числовыми лотереями. Наслышан об этом бизнесе? Когда-нибудь играл?

— Пару раз на небольшую сумму. Чёртово занятие; известно ведь, что вероятность против вас.

— Чуть ли не каждый когда-либо игрывал на небольшую сумму, — сказал Старлок, — а добрая куча народу — и на большие деньги. Миллиардный бизнес в наши дни. Есть люди, которые зарабатывают на жизнь, всего лишь продавая листки с подсказками из конфиденциальных источников, — там говорится, на какие числа ставить.

— Но зацепка ли это? — спросил я. — Не хотите ли вы сказать, что этот Бергман связан с игрой на номера страховых полисов?

— Нет, за исключением того, что это смутно связано кое с чем, что произошло несколько дней назад. Слышал об Оги Грейне?

— Владелец ночного клуба на Саут-Стейт-стрит?

— Да; правда, этот ночной клуб — лишь фасад, более или менее. Я имею в виду, что от него Оги Грейн получает лишь небольшую часть дохода; на деле же он владеет одним из игорных притонов здесь в Чикаго, одним из пяти или шести самых крупных. Числовой лотереей у него управляет некто Тоби Дэгон. Крутой чувак, к слову сказать. — Так вот. В понедельник Оги Грейн и Тоби Дэгон заявили сюда и предложили мне работу. На первый взгляд всё выглядело нормально, и я собрался принять её. Я хотел поручить её Эму: им нужен был наш лучший сыщик, а Эм таков, так что я вызвал его из задней комнаты поучаствовать в разговоре. А затем я минутку поразмыслил трезво и отверг их предложение. Они были не в восторге.

— Не Эм ли повлиял на ваше отказ? — спросил я.

— Нет, определённо нет. Он едва ли хоть слово вставил; я просто вызвал его всё выслушать, чтобы он был готов немедленно приступить к делу. Мой отказ не привёл их в восторг, по Тоби Дэгону это было заметно; но если уж они решили на кого-то разобидеться, то не на Эма, конечно. Это была лишь моя оплошность; следовало сразу понять, что влезать в такое мне не захочется. Отрази я их как только они начали разговор, было бы несомненно лучше.

— А в чём заключалась та работа?

— Кто-то начал подрывать их дело, и они не могли определить, каким образом. Но Оги Грейн признался, что они стали выплачивать более того, что обычно велит статистика. Не столько, чтобы их бизнес рухнул, — даже потери в доходах невелики. Но сборы уменьшились. Оги хотел знать, не пристроился ли кто-то рядом, не образовалась ли некая шайка с целью неким образом его обойти. Он хотел, чтобы я выделил сыщика или двух на выяснение ситуации, главным образом проследить за их собственными распространителями билетов.

— Чего ж они собственных людей не задействовали? — спросил я.

— Оги сказал, что по его мнению детективное агентство справится лучше. Разоткровенничался: объявил, что нам можно доверять больше, чем его собственным людям. И тут он был прав. — С нашей точки зрения, ничего недостойного в этом не было бы — ну, прошлись бы чуток по краю; не более того, что приходится иногда делать полиции. И он предложил мне платить нашу регулярную таксу при любом результате, положительном или отрицательном, да ещё и премию, если мы точно выясним, что у них не так. Мне показалось это стоящим, но за разговором я начал осознавать, во что себя втрапливаю.

Я кивнул:

— Вы хотите сказать, что если вы выясните для них, кто их надувает, они разберутся с мазуриками по-своему, отчего вы окажетесь, некоторым образом, соучастником до свершения преступления, предоставив им сведения, которые побудили их к действиям.

— Ты, Эд, даже умнее меня. У меня, чтобы понять это, ушло двадцать минут, и за это время они решили, что я берусь за работу, хотя на этот счёт я ещё ни слова им не сказал. Но я всё равно не вижу, каким образом увязать это с тем, что случилось с нашим Эмом. На него они никоим образом не могли обидеться. Если только...

— Что — только?

— Если только они не подъехали к нему частным образом и попросили взяться за левую работёнку. Поступи они так, Эм бы снова их разочаровал.

— Знаю, — ответил я. — Завернул бы их, и всё тут. За вашей спиной не принял бы работу. Даже порядочную. Исключено.

— Это я и сказал Бассету, и он со мной согласился. Не знаю другого такого прямого человека в Чикаго, как твой дядя. Но я припомнил тот разговор и пересказал его Бассету, раз уж тот сам начал, спросив меня, не делали ли мы какую-нибудь работу по заказу устроителей числовых лотерей. А спросил он об этом потому, что я рассказал ему, что в четыреста восемнадцатом номере проживает Ричард Бергман, а Бассету известно, что этот Бергман связан с числовыми лотереями.

— А о самом Бергмане никаких сведений? — спросил я.

— Звонил Эмиль; сказал, что тот всё ещё в номере. Эмиль поднялся туда — с ключом доступа, полученным от Эвереста — и прошёл прямо в номер, разыгрывая из себя пьяного: ошибся дверью, а ключ подошёл. Бергман, по его словам, только-только встал. Теперь Эмиль караулит за углом коридора; Бергман спустится, и он укажет на него Джо, и тогда Джо сможет сесть ему на хвост. Эмиль потом напишет отчёт.

— Числовая лотерея или нет, Бен, — сказал я, — а всё же не пойму, каким образом Бергман может быть с этим связан. Будь это так, разве дал бы он вам по телефону вымышленное имя и настоящий номер комнаты? Тем более что у него не было причин давать настоящий номер, поскольку он всё равно не допустил бы дядю Эма до порога.

— Согласен с тобой, — угрюмо признал Старлок. — Ставлю тысячу против одного, что Бергман тут не замешан. Я бы не послал против него двоих людей, будь у меня другие зацепки.

— А чем занят Бассет?

— Сказал, что разберётся с ситуацией вокруг Оги Грейна и Тоби Дэгона, да раздобудет о Бергмане побольше. Ну и всякая текучка, чтобы полицейская машина не выходила из колеи. Он хотел поговорить с тобой, но я не знал, когда ты вернёшься, а потому Бассет обещал названивать от случая к случаю, чтобы тебя поймать.

— А мне тем временем чем заняться?

Старлок посмотрел мне в глаза.

— Не знаю, Эд. Просто ума не приложу, что бы такое тебе поручить.

Глава 7

Он вскочил и подошёл к окну. Там Старлок продолжал, глядя на улицу и не поворачивая к нам головы.

— Хуже всего, Эд, вот что. Сейчас в агентстве наличествует шесть человек, включая нас с тобой. Трёх я ухитрился направить на то, что называется охота за призраками. Двое следят за человеком, который, вероятно, вообще ни при чём, а третий роется в газетах в поисках прочих пропавших Амбровов! Тебе мы позволили проверить одну возможную зацепку; не прошло и двух часов, как ты выяснил, что это никакая не зацепка. И теперь наше агентство — вроде автомобиля, у которого колёса вертятся как сумасшедшие, только оси приподняты на кирпичах, так что он и на дюйм не может сдвинуться.

— Вот и у меня в голове шарики бегают впустую, — отозвался я.

— Тебе остаётся только одно. Ведь прошлой ночью поспать тебе много не пришлось?

— Пару часиков.

— Тогда, чёрт возьми, иди и отоспись. Прорыв рано или поздно произойдёт. Может быть, даже сегодня вечером, и тогда на тебя свалится столько, что и двое суток придётся провести на ногах. Так что немедленно, за неимением ничего получше, ляг и отдохни как следует. Можешь даже треснуть себя дубинкой по лбу, чтобы вырубиться.

Спать мне не хотелось, и всё же Старлок был прав.

— В задней комнате есть раскладушка, — продолжал он; — я велел мне прислать, пока тебя не было. Не то чтобы специально для тебя, но и ты можешь лечь на ней, а не тратить зря время на дорогу домой.

— О'кей.

— А потребовал я раскладушку затем, чтобы иметь здесь пост все двадцать четыре часа. Я говорю, помимо нашей приёмной. Ведь кто-то должен безвыходно находиться в приёмной, начеку, — отвечать на звонки. Да кто-то — ты или я, или наш сотрудник, если мы отлучились — обязан быть в задней комнате, готовый в любую минуту кинуться куда потребуют. Выспишься за день, так заступишь в ночную смену, а потому — дуй туда.

Я прошёл в служебное помещение, скинул пиджак и туфли и прилёг на раскладушку. Минуту или две спустя я кое-что вспомнил и вернулся в приёмную. Старлок сидел как и прежде, когда я пришёл полчаса тому назад, — откинувшись на спинку кресла с руками за головой и размышляя.

— Кое-чем я всё же мог бы заняться. Вот послушайте. — Я с усилием сглотнул. — Допустим, что дядю Эма этой ночью убили. Тогда его тело могли бросить где-нибудь за городской чертой, в пару милях или далее от Чикаго. Но где бы это ни случилось, в одном из ближайших городков об этом должны были рассказать газеты. Стоило бы собрать утренние газеты всех этих городков да просмотреть их, просто на всякий случай.

— Занятие для полиции, Эд, и Бассет проследит, чтобы было исполнено. Для того им и газеты не нужны; по телетайпу они получают прямые сообщения. Зря время потратишь.

Было слишком очевидно, что Старлок прав, и я не стал спорить. Вернувшись в служебное помещение, я вновь улёгся на раскладушке. Я старался ни о чём не думать, но уж от одного старания не мог заснуть. Однако стоило мне перестал бороться с самим собой, как сознание меня покинуло.

Было два, когда я проснулся; хотелось есть. Я вспомнил, что съел сегодня всего лишь пончик за чашкой кофе — со Старлоком, ещё в восьмом часу. Надев туфли и пиджак, я прошёл в приёмную.

— Выспался, Эд? Вот и славно. — Так встретил меня Старлок.

— Есть новости?

— Ничего стоящего. Звонил Бассет; в управлении он смазал все шестерёнки, призвав сотрудников отдела пропавших без вести проявить рвение сверх обычного, — ну, всё такое. Также он повидался с Тоби Дэгоном. Попытался встретиться и с Оги Грейном, но тот ещё не вставал, — спит обычно допоздна.

— И как с Тоби?

— Бассет говорит, у Тоби алиби, — если верить Тоби. Его ещё не проверяли, но Бассет говорит, оно благовидно и вряд ли развалится. Не такое, что выстроено наспех, по словам Бассета. Он вполне уверен, что ни Оги Грейн, ни Тоби Дэгон не окажутся в этом замешаны.

— А Ричард Бергман? Что о нём?

— Эмиль уже отпрапортовал. Бергман покинул отель в полдень; Эмиль указал на него Джо, Джо сел на хвост. Рапорта от него пока не последовало и, вероятно, не будет до той минуты, как Джо потеряет объект или они вернутся в отель.

— Вернутся в отель? — переспросил я. — То есть, Бергман не выписывался?

— Нет, не выписывался. Когда он вышел, Эмилю удалось проникнуть в его номер и оглядеться. Ничего интересного он не нашёл; если у Бергмана есть документы, то при себе, в кармане. Лишь одежда; всего один кожаный саквояж с бельём. В общем, не больше информации по линии отеля, чем я получил ночью от Эвереста. Побывал Эмиль и в управлении, потолковал с ребятами.

— Как всё глухо! — пробормотал я. — Каким же образом Бергман может быть замешан?

— Вот и я то же думаю, — мрачно согласился Старлок. — Чёрт меня подери, если у нас есть хоть что-то похожее на какую-то зацепку. — А, тут была ваша приятельница, Эстелла Бек.

— То есть — по телефону звонила? Или приходила сюда?

— Приходила сама. Спрашивала, не сможет ли чем-нибудь помочь. Сказала, что всё равно прошлым вечером уволилась с работы и желает знать, не найдётся и для неё местечко втиснуться.

— М-м-м... Что ж, этот Оги Грейн и впрямь может оказаться ни при чём, но если подсунуть ему в ночной клуб ещё одну официантку, то что мы теряем? Может, что-нибудь она и разузнает.

— То же самое я ей и сказал, — ответил Старлок.

— И она отправилась туда?

— Ещё слишком рано. Она пойдёт позже, после полудня, перед открытием заведения. — Старлок пожал плечами. — Вряд ли что-то разузнает, но на работу пусть попросится, — вдруг и впрямь её примут. Она ничего, Эд, красotka.

— Когда я смогу повидаться с Бассетом?

— Он обещал перезвонить. Окажешься здесь, — я тебя позову; а нет — назначу вам встречу.

— А куда мне отлучаться? Вы мне что-то поручите?

— Ряшку отъесть, вот что. Уже третий час, а ты не завтракал. Неужто кушать не хочется?

Я признался, что хочется. В общем, я отправился в закусочную на углу и мало-мальски набил живот. Когда я вернулся, то встретил покидавшего нас посыльного от «Вестерн-юнион».

Старлок открывал телеграмму. — Из Кливленда, — сообщил он. Я обошёл стол и заглянул ему через плечо.

«ЛИЦО ИМЕЕТ ЗДЕСЬ ДОМ. БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ РАЗЪЕЗДАХ. СВЯЗАН ЧИСЛОВЫМИ ЛОТЕРЕЯМИ, ВОЗМОЖНО КУРЬЕР МЕЖДУ КРУПНЫМИ СИНДИКАТАМИ. ЗАПИСЯХ ПОЛИЦИИ ОБВИНЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГРАХ НЕСКОЛЬКИМ СТАТЬЯМ, ДЕСЯТЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, ДВА ПРИГОВОРА, ТОЛЬКО ШТРАФЫ, БЕЗ ТЮРЕМНЫХ СРОКОВ, НЕТ АРЕСТОВ ДЕСЯТЬ ЛЕТ. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ СООТВЕТСТВУЕТ ДОХОДУ ДЕСЯТЬ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ГОД. ПРОДОЛЖАТЬ? ЕСЛИ ДА, КАКОЙ ПЛОСКОСТИ? КАРСОН».

Старлок поднял на меня взгляд.

— Полагаешь, Эд, нам просить их продолжать? Тогда, как говорит Карсон, в какой плоскости?

— Не знаю, — ответил я. — Даже если Бергман как-то и причастен, не вижу, что бы они ещё выудили в Кливленде.

— И я не вижу. Но мне хотелось бы знать немного больше о том, что Карсон называет курьерством. Думаю ему позвонить; по телефону он сообщит нам больше того, что смог втиснуть в телеграмму. — Старлок возвысил голос. — Мод!

Я обернулся и увидел новую девушку, сидевшую за столом, принадлежавшим Джейн.

— Кстати, Мод, это Эд Хантер, — сказал Старлок. — Эд, — Мод Деверс. Мод, попроси соединить нас с Детективным агентством Карсона в Кливленде. Позови к телефону лично Клода Карсона.

Мод кивнула мне, произнесла: «Да, мистер Старлок» — и занялась телефоном.

— Тут Бассет тебе звонил. По его словам, всю вторую половину дня он намерен посвятить разной канцелярщине, а потому желал знать, сможет ли повидаться с тобой вечером. Я заказал для вас столик в шесть, в холле отеля «Блэкстоун». Оплати ему пару коктейлей и добрый ужин.

— Естественно, — вставил я.

— Кливленд на проводе, мистер Старлок, — объявила Мод.

— Прекрасно, Мод. — Старлок взял трубку. — Если желаешь послушать, Эд,ними трубку со спаренного телефона. Не придётся пересказывать.

Я пристроился на уголок стола, за которым сидела Мод и взял трубку её телефона. «Хелло», — услышал я в трубке голос Старлока, а в ответ ему: «Говорит Карсон».

«Это Старлок, Клод. По поводу телеграммы, которую ты послал. Я полагаю, этого достаточно: выяснил — и хорошо, но, может, добавишь какую-нибудь мелочь. Вот что ты конкретно имел в виду, говоря 'куррьер'? Независимая сторона?» — «По моим сведениям, Бен, эту сторону он разрабатывает самолично. Он не работает ни на одного из крупных дельцов лотерейного бизнеса, а просто на любого, кто наймёт. Мой информант говорит, что он получает примерно пятьдесят в месяц с каждой из больших шишек по списку, да поменьше с дельцов рангом ниже. А вся забота в том, чтобы не позволять им наступать друг дружке на ноги». — «Каким образом? Он что, содержит отряд громил?» — «Вовсе нет. Воздействует убеждением. Если один из них пытается надуть другого или предложить больший коэффициент, или ещё что-либо, он спешит отговорить от подобного. А веско его слово не потому, что он может с ними 'разобраться', но потому что он способен сплотить всю эту, как её...» — «Уголовщину?» — подсказал Старлок. — «Индустрию, Бен. Он способен сплотить мальчиков против любого из тех, кто сделает шаг в сторону. Те в таком случае приложат... назовём это экономическим давлением. Что, в конечном счёте, более действенно, чем громилы». — «Но как именно, Карсон? Понимаю, что ты имеешь в виду, но расскажи всё же как для тупого. Без мудрёных понятий. Допустим, я держу тотализатор страховых полисов здесь, в Чикаго. И делаю шаг в сторону, предложив больший коэффициент, неспортивно играя. Что со мной будет... после того как наш приятель предложит мне отказаться от моего шага, а я ни в какую?» — «Ты же оплачиваешь крышу, ведь так? Так же и остальные в Чикаго, а вместе все они платят гораздо больше, чем ты, и момент инерции у них больше. От разницы в денежной массе происходит разность давления, тебя просто выдавливает. Твоих квитанщиков чаще заматают, ты платишь больше штрафов. Твою контору могут обыскать копы, и тебе приходится заплатить один или два крупных штрафа. А ещё прочёсывают твоих лучших клиентов, да возникает слухок, что ты прогорел и не в состоянии выплачивать, когда кто-либо угадывает. Ты начинаешь терять деньги. Если наделён здравым смыслом, возвращаешься в общий строй». — «Вот и прояснилось, — отвечал Старлок. — Звучит, словно наш приятель весьма разумен». — «Уж он таков. Разумен достаточно, чтобы не пережарить ни с кем из них». — «Как видно, образцовый специалист по связям с общественностью, — не унимался Бен. — Даже нет — специалист по межпроизводственным отношениям. Так ты не думаешь, что он снисходит до грубого обращения, да?» — «Нет же, чёрт возьми. Пока не прибегает к насилию, до тех пор и сохраняет влияние. Работа ведь и заключается в том, чтобы не допустить рукоприкладства. Держатели лотерей — ребята понежнее, чем... скажем, бутлегеры былых времён. Пусть бы кто-нибудь координировал бутлегерский бизнес, много бы жизней спас. Каковыми бы они ни были». — «Для меня это звучит словно десять — двадцать тысяч в год куш, а?» — «Возможно, возможно. Я ведь сообщил, что таков его жизненный уровень. А возможно, зашибает и пятьдесят — сто да имеет разум не транжирить их. Разгуляйся он как следует, иные из его нанимателей сочтут, что он подхалтуривает. А ему следует быть превыше подозрений. И превыше насилия, даже в качестве соучастника. Если будет утрачен контроль, то конец его работе, так что он как может старается подобного избежать». — «Картина ясна, — сказал Бен. — Благодарю, Карсон. Пришли мне счёт, но не разгоняйся: я не на клиента сейчас работаю. Тут за счёт заведения». — Бен положил трубку и обратился ко мне.

— Есть, Эд, мысли по поводу?

— Всё меньше и меньше, — отозвался я. — Представления не имею, зачем такому человеку могло понадобиться похищать дядю Эма. И если это его рук дело, ни за что он не стал бы давать

вам по телефону свой настоящий адрес. Полагаю, его можно отбросить... если Джо Стрейтор и Эмиль Кразка не найдут чего-либо, что вновь вынудит нас к нему обратиться.

Старлок тяжело вздохнул.

— Вся беда в том, Эд, что нам совершенно некого взять под подозрение. Разве что Грейна и Дэгона, да и то едва-едва. Против них только то, что они встречались с Эмом в моей конторе. Но он лишь молча слушал, разговаривал же с ними я. Если только они не подъехали к нему стороной...

— Эм же сразу бы их отшил. Какие тут сомнения! И в том для них не может быть никакой личной обиды; не настолько же, чтобы похищать его.

— И всё равно, — сказал Старлок, — мы их из головы не выбросим. То, что нам теперь известно о Бергмане... Эд, подумай минутку, и посмотрим, не придёт ли тебе в голову та же мысль, что и мне.

Я задумался.

— Я бы сказал, Оги и Тоби знают Бергмана, это само собой. Если верно, что они затаили зло на Эма, то могли затаить и на Бергмана тоже, вот и решили впутать, сообщив его адрес. Но тут у нас в рассуждениях крупная прореха. Такая большая, что патрульная машина проедет.

— А что такое?

— Насколько себя вовлечь. Если они дали адрес Бергмана, чтобы засветить его, они также засветят собственную числовую лотерею и свой контакт с дядей Эмом. Ведь ниточка и к ним выведет: если Бергман невиновен, а они виновны, они рискуют больше, чем он.

Старлок издал невесёлый смешок.

— Дело, Эд, сводится к следующему. Совершенно ясно, что мы пытаемся рыть не в том направлении, которое ведёт к выяснению того, что случилось с твоим дядей, но так как рыть нам больше некуда, то будем рыть.

— А могу я порыться персонально в Грейне и Дэгоне?

— Лишь после того, как поговоришь с Бассетом. А уж затем, если пожелаешь заглянуть вечером в ночной клуб, и ничего лучше не представится, то и пожалуйста.

— А что мне делать сейчас?

— Если честно, Эд, ничегошеньки. Но поскольку ты всё равно только с ума будешь сходить, то вот тебе пачка дел. Дела, над которыми работал твой дядя. Я уже их просмотрел и ничего не обнаружил. Иди в заднюю комнату, где ты не будешь мне досаждать, и вновь просмотри их, договорились? Ты ночью спал в одежде?

— Ну, — пробормотал я, — более или менее.

— Часа в четыре заканчивай, чтобы у тебя осталось время попасть домой и привести себя в порядок перед встречей с Бассетом. Не то чтобы ты так плох с виду, только ведь ужин будет в «Блэкстоуне», а позже ты ведь собираешься в ночной клуб.

— Согласен. Надеть мой новый крепдешиновый мундир?

— Убирайся.

Я схватил дела и убрался в заднюю комнату. Над делами я проработал до четырёх, не добыв ничего, подходившего хоть отдалённо. Старлок всё ещё был в конторе; он всё так же, или снова, таращился в пространство, заложив руки за голову.

— Ничего? — спросил я.

— Серьёзного — ничего. Эмиль приходил. От своего приятеля-осведомителя он выяснил о Бергмане всё то же самое, что мы узнали из Кливленда. В других деталях, но в сущности то же.

— Зря потратили деньги на Агентство Карсона.

— Я бы этого не сказал, Эд. Два источника лучше одного. Вот, послушай расклад на вечер. Эмиля я отослал домой отдохнуть и велел явиться к девяти; спать он будет здесь, в задней комнате, и чуть что — примется действовать. Джейн также придёт к девяти; за день она отоспится и будет бодрствовать у телефона.

— Вы уверены, что Эмиль станет спать?

— Меня не заботит, — сказал Старлок, — кто с кем и чем будет заниматься, пока один из них будет на страже. Я останусь здесь до девяти, когда они приходят; затем я пойду домой, сорву с себя одежду и приму ванну. Спать буду перед телефоном, в готовности вскочить в любую минуту.

— А насчёт меня?

— Ты сам по себе. Если не появится мыслей после разговора с Бассетом, отправляйся домой и посмотри, что Карл Делл выудит из своих гороскопов. И чёрт меня возьми, если я полагаю, что он узнает из них меньше, чем мы здесь.

— Может, и поболее нашего, — сказал я. — Ясненько; позднее отправлюсь в ночной клуб. Другие предположения?

— Вон! — скомандовал Старлок.

Пошёл я домой. Принял ванну, побрился, надел свой лучший костюм. Действовал быстро, а потому закончил к пяти и имел время подняться на третий этаж взглянуть, у себя ли Эстелла. Она отсутствовала.

Мне захотелось с кем-то перемолвиться, а потому я вновь спустился на свой этаж и попытался заглянуть сначала к Карлу Деллу, а затем и к Честеру Хэмлину. Никого из них дома не было, но стоило мне спуститься по лестнице, как с улицы вошёл Карл.

— Привет, Эд, — сказал он. — Есть новости?

Я покачал головой.

— Ушёл с работы пораньше, — объяснил Карл. — Уже поел, так что сразу и засяду. Много времени не займёт. Задержишься ненадолго?

Мы вошли в нему в комнату.

— Ненадолго, — сказал я. — У меня встреча.

— Потом вернёшься?

— Надеюсь.

Карл расчистил место на письменном столе и принялся снимать с полки книги по астрологии.

— Вот что, Эд, — сказал он. — Днём я выяснил одну вещь, — заглянул, знаешь, в карманный справочник эфемерид, он всегда у меня с собой, в портфеле, и кое-что подсчитал. У твоего дяди большая триада.

— А это хорошо?

— Это замечательно! Совершенно ясно, что всё закончится благополучно. Ничто худое, по настоящему худое, не случается с теми, у кого большая триада.

— Хочешь сказать, он будет жить вечно? — спросил я.

Карл рассмеялся.

— Давай-давай, подначивай. Я уже привык. А теперь садись и почитай книжку, пока я, значит, как следует...

Но чтение мне не шло на ум, а потому я покинул Карла. Не спеша вышел я на Петлю и, хорошенько постаравшись, ухитрился подойти к «Блэкстоуну» всего за десять минут до срока. Но и Бассет пришёл пораньше; он вошёл лишь через минуту или две после меня.

В обеденном зале «Блэкстоуна» он выглядел немного не к месту, правда — лишь отчасти. Не хочу сказать, будто вид у него был заправского копа, вовсе нет. Скорее, эдакого... ну, словно бы низкооплачиваемого бухгалтера или продавца из табачного киоска. Средненького роста и не грузной комплекции. Бледно-рыжие волосы, выцветшие веснушки. Усталый взгляд водянистых глаз за очками в роговой оправе, словно от недосыпа в несколько недель. Правда, взгляд Бассета всегда таков.

— Привет, Эд, — сказал Бассет. И, заранее предчувствуя мой вопрос: — Ничего нового. Сразу в обеденный зал или сперва выпьем?

— Примем парочку для начала, — предложил я. — Это за счёт агентства, так что бесплатно. — Я сразу выложил это Бассету, чтобы он не пререкался из-за оплаты, как всегда делает, когда знает, что я не буду представлять Старлоку счета к оплате. Мы прошествовали залом и вошли в буфет.

Эстелла восседала там на буфетном стуле, с бокалом на тонкой ножке в руке. Я направился прямо к ней и собирался уже то-сё произнести, когда ей случилось поднять глаза и наши взгляды встретились в зеркале на стене по-за прилавком. Она слегка опешила, а затем едва заметно покачала головой и повернула голову, чтобы обратиться к какому-то человеку, сидевшему рядом. Поэтому я не останавливаясь прошагал мимо неё к дальнему концу буфетной стойки. Шёл я первым, а Бассет следом. Когда я только на шаг отделился от Эстеллы, я услышал голос Бассета, обращённый к тому мужчине: «Привет, Оги». Я не остановился, надеясь, что и Бассет не остановится. Он тоже не стал.

Глава 8

Я отошёл на безопасное расстояние — далее вдоль стойки и за ещё одну парочку. Позади Бассет заговорил мне в спину, но теперь, к счастью, его мог слышать лишь я один. — Это Оги Грейн, Эд. Бен сказал мне, что есть некоторое подозрение, будто бы он как-то может быть связан с исчезновением твоего дяди. Сам я так не считаю. Но — хочешь с ним встретиться?

— Пока нет, — ответил я.

— Ладненько. Но боже ж ты мой, с ним рядом такая красotka! Небось, только с деньжатами и примажешься к подобной штучке.

Это меня развеселило; захотелось произвести впечатление, объявив: «А ведь речь о моей возлюбленной!» Но прошло мгновение — и я вновь потерял уверенность, точно ли полюбил Эстеллу. Весёлость улетучилась, и я сказал лишь:

— Это Эстелла Бек. Потому-то мне и не хочется знакомиться сейчас с Оги.

Бассет присвистнул.

— Та девушка, о которой мне толковал Бен? Что с вами вместе живёт?

— Она самая. Но не живёт она с нами. А то вышла бы... как её, — полиандрия?

— Ты понял, о чём я. В том же доме.

Я лишь кивнул, поскольку вдруг подумал: было ли то совпадением, что Эстелла и Оги Грейн вот так взяли и прошли в буфет «Блэкстоуна», или же Эстелла узнала от Бена Старлока, где у меня намечалась встреча с Бассетом, и пришла сюда показаться мне в паре с Оги? Я решил спросить о том у Бена после, — просто из любопытства.

Буфетчик подошёл обслужить нас, и когда Бассет заказал себе коньяк, я сделал то же. Стоило буфетчику налить нам и удалиться, я сказал:

— Рад, Фрэнк, что вы заказали то, что можно выпить залпом и не тянуть. Пойдём отсюда.

— Пойдём, только ты говорил о парочке стаканчиков. Мошенничаешь, Эд.

— Повторим где-нибудь в другом месте. Здесь нам лучше не есть; Стелла и Оги запросто могут перейти отсюда в обеденный зал, как и мы собираемся. Я хочу держаться от них подальше.

— Но почему? Чем тебя пугает этот Оги, что тебе есть разница, увидит он тебя здесь или не увидит? Ни тебе нет нужды говорить с этой девушкой, ни ей с тобой, раз она работает на него под прикрытием.

— Вот я и не хочу, чтобы он хоть как-то да связывал наше одновременное появление здесь. Для Эстеллы это может быть опасно. Допустим, она намекнула ему, что ей хочется зайти сюда выпить, а тут он видит тебя и узнаёт, что ты работаешь над известным делом, — что же от подумает?

— Да, но...

— А если он решит, что она привела его сюда в неким умыслом — раз и ты заодно здесь? Вот почему я рад, что ты не остановился поговорить с ним, когда мы проходили мимо. А уж если он и меня заметит рядом с тобой, — а он ещё, кажется, не заметил, — а позднее выяснит, кто я такой, тогда...

Бассет скорчил гримасу.

— Ладно, ладно. Ну, пойдём, где гамбургеры продают. А то я здесь аппетит нагулял. Эх, лучше бы мы сразу прошли в обеденный зал! — И он проглотил свой коньяк.

Я улыбнулся.

— Сегодня, Фрэнк, никаких гамбургеров. В квартале отсюда имеется французский ресторан, где мы сможем нагрузиться столь же славно, как и здесь. И выпить там подают. Сам я, правда, там не бывал, но дядюшка Эм как-то заходил с клиентом и с тех пор всегда восторженно о нём отзывался.

— Бифштекс из вырезки я там получу?

— И со взбитыми сливками поверху. Идёмте же. Только по одному. Грэйн не видел, что мы зашли вместе, поскольку я был у него за спиной, когда вы с ним заговорили. Так что идите первыми, а я присоединюсь к вам в вестибюле через минуту. И если только он сам с вами не заговорит, не трогайте его.

Кивнув, Бассет отошёл; сидевший рядом с Эстеллой человек не обернулся. С полминуты я копался, засовывая сдачу в карман, затем пошёл вслед за Бассетом. Проходя мимо Оги Грэйна, я мельком взглянул на него, пытаясь не встретиться с ним взглядом в зеркале за стойкой. Как я и ожидал, ему до меня не было никакого дела. Полноватый человек, но не толстый по-настоящему, с редкими волосёнками на макушке, что тоже не тянуло пока на лысину. Лет примерно сорока, возраста дядюшки Эма, да и лицо столь же круглое, столь же весёлое. По виду вовсе не рэкетира, как и не содержатель ночного клуба, — классный парень, и только.

И я почти что его миновал, когда Эстелла заметила меня в этом зеркале. Она мгновенно обернулась и воскликнула: «Эдди!» Я замер и обернулся. Как будто я нечаянно стул ногой из-под неё вышиб, честное слово!

— Эдди, — продолжала Эстелла, — познакомься с моим новым начальником. Я устраиваюсь на работу в «Голубой крокодил», буду сигареты разносить. А это мистер Грэйн, его владелец.

Обернувшись, Оги протянул руку.

— Рад знакомству. Как фамилия, не расслышал?

Тут и слышать было нечего, поскольку она не называлась. Возможно, Эстелла думала, что я захочу назваться иначе. Но сделай я так, то впоследствии, когда моя настоящая фамилия выплывет, для Эстеллы же хуже будет.

А потому я просто назвал себя. Не знаю, сказало ли это о чём-то Грэину; на его лице ничего не отразилось. Но ведь и «Хантер» — фамилия распространённая; даже если Бассет и задавал ему вопрос о дядюшке Эме какой-нибудь час назад, вряд ли бы он связал это со мной.

Я промямлил что-то насчёт того, что спешу по делам, и пошёл прочь. Эстелла крикнула мне, чтобы я заглянул позже, когда освобожусь, в «Голубой крокодил».

Бассет ждал в вестибюле. Я скривился и объяснил, что произошло.

— Плюнь, ничего страшного, — ответил Бассет.

— Для меня-то — ничего. Но Эстелла — на их территории и способна добывать для нас сведения в этом «Крокодиле». А теперь, как только Оги выяснит, кто я такой, вряд ли что-нибудь стоящее дойдёт до её ушей.

— Допустим, но я не думаю, что нам вообще нужно что-то выяснять в «Голубом крокодиле». За ужином я тебе кое-что расскажу; и, знаешь, ведь поесть мы теперь и здесь можем. Или в том лягушачьем ресторане всё же лучше кормят?

— Да не знаю я. Но пойдёмте всё же туда. Теперь я и вовсе почувствую себя дураком, когда Оги нас вдвоём увидит. Поймёт ведь, что я пытался избежать с ним встречи.

И мы направились к французам. Там был буфет, но мы тотчас же заняли столик и заказали официанту выпить.

— Хочу, Эд, кое-что тебе вдолбить, — сказал Бассет; — для этого, собственно, я сегодня с тобой. Но сначала поведаю то небольшое, что мне удалось выяснить. Если всё подытожить, то выходит, что у нас нет и проблеска чего-то наводящего.

Возьмём, вот, Оги Грэйна. Я говорил с ним и думаю, что он чист. У него нет полноценного алиби на четыре вечера вчерашнего дня, но это, полагаю, не имеет значения. Перво-наперво, Оги не убийца. Для такого рэкета, в котором он крутится, Оги слишком хорош. Он не обрадовался, когда Бен Старлок сначала тянул, а потом так и не принял то дело, которое они ему предложили, но это простительно. Эма он помнит смутно; вроде того что какой-то оперативник присутствовал при разговоре, чтобы сразу и приступить к делу, но как того звали — забыл начисто, пока я не напомнил. Говорит, что ни за что не стал бы подбираться к Эму сторонкой: один человек ничего бы тут для него не сделал. И я, Эд, ему верю.

Звучало здраво; я тоже поверил.

— Ладно, вычеркнем Оги, — сказал я. — И всё же: если он обнаружит, что Эстелла — шпионка из нашего лагеря, не окажется ли она в опасности?

— Что ты! Её прогонят, и все дела. Да и то вряд ли. Особенно если, как я полагаю, они ни в чём не замешаны. — Бассет хмыкнул. — Хотел бы я, чтобы девчонке вздумалось вывести несколько тайн из меня. А что, пусть бы мне даже известно было, что она замышляет. Уж я бы не стал её прогонять: сам бы её интриговал!

— Фрэнк, вернёмся к Оги. От него Эстелле хуже не будет?

— А это уж как ей самой захочется. Я хочу сказать, что ни убивать, ни похищать её он не станет. Самое большее — будет к ней приставать. А кто бы не стал?

— Ясно, — произнёс я и попытался не думать о том, как далеко Эстелла может зайти в попытках добиться от Оги доверительности. Я, вероятно, просто боялся о таком думать.

— Теперь о втором из них, — продолжал Бассет. — Об этом Тоби Дэгоне. Совершенно иной тип. Я скорее гремучей змее поверю, чем ему. Никогда у нас ничего на него не было, и всё-таки он — убийца! Голову даю на отсечение. Глаза у него такие. Но он работает на Оги, и, насколько мне известно, Оги держит его в подчинении и не позволяет срываться. Оги никогда не отдал бы такого приказа, чтобы Тоби причинил Эму зло, а вот появишься у Тоби личный счёт к твоему дяде...

— Вы с ним разговаривали? — удивился я.

— Да, разговаривал. У него-то отличное алиби, можешь верить. Кроме того, непонятно, какие у него могли быть трения с Эмом. Никаких мотивов! И потом, откуда у него столько воображения, чтобы выкинуть этот трюк с Амброзом Коллекционером! Он делает всё наскоком, без лишних фокусов. Вот встретишься с ним, так поймёшь меня.

— Хорошо же, — вздохнул я. — Кажется, ниточка, связывающая дядюшку Эма с Оги Грэйном и Тоби Дэгоном, становится всё тоньше и тоньше. Что у нас остаётся? Ричард Бергман. О нём что известно?

— Эта ниточка, Эд, ещё тоньше. По какой такой причине ему понадобилось чем-то навредить Эму? Единственное, с чем Бергман тут связан, так это с гостиничным номером, который выбрал Амброз Коллекционер, ведь должен же он был назвать хоть какой-то номер. Эм и не ходил туда вовсе, так что сам номер не имеет никакого значения. В таком случае Бергман ну совершенно чист; ведь называть собственный номер ему нет никакого резона.

Я кивнул. Хотелось спросить Бассета, что нам ещё остаётся, но я и так знал. Гоняться за собственным хвостом, вот что.

Перед тем как приступить к ужину, нам захотелось выпить ещё, и внезапно, сразу после того как мы заказали, я нечто вспомнил.

— Нужно позвонить в агентство, — сказал я. — Там не знают, где я; если что-то выяснится, они будут искать меня в «Блэкстоуне».

Разыскав телефонную кабинку, я позвонил. Голос, который я услышал в трубке, был незнакомым; мне подумалось, что я ошибся номером, но я догадался, что это, вероятно, новая девушка в нашем офисе, а Джейн там ещё не появилась. Я объяснил, кто звонит, и спросил, там ли Старлок.

— Он здесь, — ответила сотрудница; — говорит по другой линии. Будете ждать?

Я ответил, что буду. Наконец Старлок взял трубку.

— Эд? Тебя тут просят по другому телефону. Карл Делл. Я как раз пытался вытянуть из него, чего он хочет, чтобы он не беспокоил тебя, пока ты с Бассетом. Но он желает говорить с тобой лично, так что...

— Он из дома? Вероятно, из дома; был там, когда я уходил. Если так, то скажи ему, Бен, что я позвоню сразу же как поговорю с тобой. Пусть будет у телефона, я — тотчас.

— О'кей, Эд, — сказал Старлок и на полминуты пропал. Затем: — В самом деле, лучше сразу же ему и позвони, а то он возбуждён чем-то.

— Астрологией, — пробубнил я. — Небось, сложил дату рождения дядюшки Эма с моментом прохождения Меркурия по Солнцу и получил широту и долготу теперешнего местонахождения дяди. Вот что, Бен. Я звоню сейчас, чтобы ты знал, где меня искать. Мы с Бассетом ужинаем, но не в «Блэкстоуне». Мы в «У Жийяра», на Мэдисон-стрит.

— Добро, Эд. Поработайте челюстями. Новости есть?

— Только то, что Эстелла устроилась в «Голубой крокодил» продавщицей сигарет. И Оги Грэйн, скорее всего, нанял её лично. Во всяком случае, они в «Блэкстоуне» сейчас распивают коктейли.

— Ого! Вот почему ты там не ужинаешь. Эта Эстелла — молодец девушка, да? Мне бы её в сотрудники на полный график.

Черта с два — в сотрудники, расскажи я ему о глупой выходке, в результате которой я оказался представлен Оги Грэйну, но не по телефону же было о том рассказывать. Другое дело, если бы

мой разговор с Оги что-то дал, а иначе нечего было и линию занимать. Я просто сказал, что лучше мне позвонить Карлу Деллу да возвращаться к Бассету, и повесил трубку.

Карл, разумеется, ждал моего звонка, поскольку трубку поднял сразу же.

— Слушай, Эд, — начал он. — У меня есть нечто чрезвычайно важное. Не хочу говорить об этом по телефону; не встретиться ли нам немедленно? Твой начальник сказал, что ты ужинаешь с капитаном полиции, так я поймаю такси и примчусь, ладно? — Голос его звучал возбуждённо. Я ответил:

— Не подождёт, Карл? Я приду домой сразу же, как мы закончим. Или расскажи сейчас.

— Понимаешь... По телефону тут не расскажешь. Но дело важное, Эд. Или может таковым оказаться. И не об астрологии речь, ты не думай.

— Тогда о чём же? — Всё это меня весьма удивило.

— Как сказать... Выпало, понимаешь, счастливое число, и тут я нечто вспомнил. То есть так: это число было счастливым, поскольку оно навело меня на одно воспоминание. Итак, ты где? Мне лучше лицом к лицу с тобой объясниться.

Было ясно, что если он действительно нечто вспомнил, даже если на воспоминание навела астрология, то мне стоит об этом услышать. И если окажется, что ничего важного в том нет, я всегда смогу купить ему выпивку и затем от него отделаться. Поэтому я сказал:

— Мы в «У Жийяра», Карл.

— Это на Мэдисон-стрит, ведь так? Схвачу такси и буду через четверть часа.

— Я пока закажу выпивку. Тебе чего взять?

— Всё равно чего. — Трубка с той стороны легла на рычажки.

Я вернулся к нашему столику и обо всём доложил Бассету.

— Надеюсь, Эд, будет что-нибудь существенное, — отозвался тот. — И мы этим воспользуемся. Кстати, Бен рассказал мне, что ты ухитрился выяснить алиби этого Карла Делла. С какой стати и как?

Я рассказал Бассету о том, что Карл был дома, на пороге у миссис Брейди, почти ровно в четыре часа. И почему миссис Брейди была так уверена, в котором это было часу.

— Верно, он чист, — согласился Бассет. — Ведь Амброз Коллекционер должен был быть чертовски занят в промежуток времени от нескольких минут четвёртого до... до немного попозже. По правде говоря, от много-много раньше четвёртого.

— Откуда вам известно?

— Он рассчитал так, чтобы позвонить сразу же как Эм войдёт в контору, ведь иначе бы ничего не вышло. Значит, либо он выслеживал Эма, либо наблюдал за входом в здания, желая того не пропустить.

— Правильно. — Я взглянул на свои часы и произнёс: — Вот уже и половина седьмого. Вскоре вы его увидите. Готовы принять ещё? Я обещал Карлу по одной.

Мы поймали взгляд официанта и заказали по новой, на этот раз три порции. Я не упустил возможности заказать для Карла коньяку; льда в нём всё равно не останется, даже приди Карл ранее, чем обещал, так что пусть пьёт чистый.

— Думаешь, лучше нам сперва выяснить, что там у него, прежде чем заказывать ужин, а? — спросил Бассет. — Как же есть хочется! Надеюсь, ничего срочного, а то нам... Нет, шалишь! Надеюсь, у него будет нечто такое, от чего мы забудем про ужин!

Я тоже очень на то надеялся. Но сказал:

— Как насчёт того, чтобы выслушать всю подоплёку уже сейчас? Можно ведь хотя бы начать, пока мы ждём.

— О'кей, Эд. Тебе известно, что мне нужно знать. Ты начинай, а я вмешаюсь, когда возникнут вопросы.

Я знал, что ему нужно, и отлично чувствовал, что никакого толку из моего рассказа, скорее всего, не выйдет. Я начал рассказывать то небольшое, что знал о прежней жизни дядюшки Эма и о том, как мы с ним сошлись — и сплотились — после смерти моего отца. О той ярмарке, о прибытии в Чикаго, о тех, с кем мы водили дружбу и чем занимались во внерабочие часы — да и в рабочие тоже.

Бассет перебивал меня вопросами, я же отвечал как умел. А он, спустя некоторое время, покачал головой.

— Никаких зацепок, Эд. Ну, не время ли тому человеку уж и здесь оказаться?

Я взглянул на свои часы; было четверть восьмого.

— Если только нечто его не задержало. Возможно, он не сразу вышел из дому. Хотя, скорее всего, он сразу бросился на улицу и принялся ловить такси. Выпьем ещё по одной?

Бассет покачал головой.

— Только после ужина. На меня уже действует. Да знает ли он, где нас искать?

— Знает, — заверил я Бассета. — Я назвал «У Жийяра», а он — «это ведь на Мэдисон-стрит?»

Так что ошибка исключается.

— Надо позвонить ему домой: может, он всё ещё там.

Я был уверен, что Карл давно ушёл, и всё же отправился к телефону и позвонил миссис Брэйди. Она вовсе не видела Карла, но поднялась на этаж и попыталась заглянуть к нему. Ответа она не получила; спросила меня насчёт новостей о дядюшке Эме, и я вынужден был ответить, что новостей нет.

Телефонная кабинка располагалась возле входных дверей, и закончив разговор, я направился к выходу и выглянул на улицу, не идёт ли Карл. Затем я вернулся к нашему столику.

— Карла дома нет, но миссис Брэйди его не видела и не может сказать, когда он ушёл.

— Значит, вот-вот будет здесь. Чёрт, как же есть хочется.

— А мы закажем, — предложил я. — Если Карл предоставит нам стоящую зацепку и нам нужно будет немедленно действовать, то что нам до стоимости ужина. Будешь задавать мне вопросы?

— Ужин — единственное, о чём я сейчас способен думать. Который час?

— Семь-двадцать шесть, — ответил я, взглянув на часы. — А ведь я разговаривал с Карлом уже с час назад. Он и пешком дошёл бы в полчаса.

Бассет вздохнул и поднялся на ноги.

— Сейчас выясним. Если с ним произошёл несчастный случай, сообщение уже будет в участке. Только... ты уверен, что он просто не передумал? Заслуживает вообще доверия его слово?

— Насколько я его знаю, Фрэнк, человек он надёжный. Да и очень уж был возбуждён, всё твердил, что это очень важно.

Бассет направился к телефонной кабинке. Звонок его, как мне показалось, занял прилично времени; но вот он вышел из кабинки, хотя телефонную трубку при этом из руки не выпустил. Он поманил меня.

Я поспешил к нему. — Что-то про дядюшку Эма? Или — ?..

— Нет. Скорее, Карл Делл. Опиши его, Эд.

— Пять футов одиннадцать дюймов, — затараторил я, — под тридцать, статный такой, тёмные волосы, слегка волнистые, глаза карие. В пять на нём был светло-коричневый твидовый костюм, его он, возможно, не сменил. Голубая рубашка, галстук — синий, без рисунка.

— Хватит, — перебил Бассет, — достаточно.

Он вновь вошёл в кабинку, не притворяя двери.

— Да, это он, — услышал я его голос. — Карл Делл, на конце два «л». — Бассет назвал адрес и продолжал: — Да, со мной тут человек, который может опознать. Где тело? Ясно; мы придём, но сначала заскочим по его адресу взглянуть на всё, пока ещё горячо. Будем там, вероятно, к той же минуте, что и вы. — И Бассет повесил трубку.

— Несчастный случай? — спросил я.

Бассет покачал головой.

Глава 9

Я не расспрашивал; сначала я кое-как расплатился за всё то, что мы успели выпить, а затем мы покинули ресторан и сели в такси. Только тогда Бассет произнёс:

— Сперва я позвонил в дорожную полицию; там никаких интересных происшествий не регистрировали. Тогда я связался с моим собственным отделом. Позвал Эндрюса и спросил его, не было ли чего за последний час. Кого-то убили и ограбили, труп был найден в припаркованном автомобиле на задворках Говард-авеню.

— Говард-авеню! — воскликнул я. Ведь это же было в получасе езды на север от того дома, где мы снимали квартиры, в противоположной стороне от Петли.

— Да. Человек лежал на полу машины, где задние сиденья. Удар в голову, возможно — пистолетной рукояткой, хотя это мог быть и молоток или ручка домкрата — что-то в этом роде: тупой тяжёлый предмет. Бумажника при нём не оказалось, и всё, чем располагает полиция, это внешний вид да литера Д на пряжке ремня. И звуковой рожок, гудевший на весь квартал.

— Но точно ли это Карл? — спросил я. — Ведь в таком городе как Чикаго под это описание подойдут тысячи людей.

— С точки зрения вес-рост-возраст, это верно, — отвечал Бассет. — Но ведь и одежда совпадает. Светло-коричневый твидовый костюм, голубая рубашка, синий однотонный галстук. Да пряжка ремня с литерой Д. А венец всему — что Карл исчезает. Не обманывай себя, Эд. Он это.

Я сам знал; просто искал какую-то лазейку. Вдруг я вспомнил слова Бассета насчёт гудевшего рожка.

— Что вы имели в виду, говоря, что рожок гудел на весь квартал?

— Кнопку заклинило, и звуковой сигнал не прекращался. А из этого следует одно из двух. Либо убийца двигался из города вместе с телом и жал на рожок, минуя перекрёстки и пешеходные переходы, как вдруг кнопку заклинило. Не мог же он двигаться и дальше с ревущим звуковым сигналом и трупом в машине, а потому влетел в поворот да сбежал пешком. Либо он намеренно припарковал там машину с трупом, желая чтобы труп тотчас же обнаружили, а потому вылез машину, перегнулся в открытую дверцу, вдавил как следует кнопку звонка и удалился.

— Как-то это рискованно, — сказал я. — Кто-нибудь мог заметить убийцу, когда он удалялся от машины, если сигнал был включён.

— Убийство — это всегда риск, — возразил Бассет. — Если убийца намеренно заклинил рожок, значит у него имелась на то причина. Но мне кажется, что кнопка попросту запала во время езды, и убийца вынужден был раньше времени бросить труп и машину.

— Установили, кому принадлежит машина?

— Ещё нет, сейчас этим занимаются. Но увидишь: машина окажется угнанной. Будь это машина убийцы, он ни за что бы не бросил её с трупом внутри, даже заклинь у него рожок. Уж он бы постарался исправить рожок, пока любопытные не стали заглядывать в машину.

— Кому поручат это дело?

— Мне, Эд. Когда я сообщил Эндрюсу, что Делл связан с делом, над которым я уже работаю, он сказал: «Что ж, капитан, принимай ребёнка». А то я до сих пор работал над делом твоего дяди неофициально.

— Как — неофициально?

— Я ведь из отдела убийств. А Эм всего лишь пропавший без вести, до тех пор пока... — Он не закончил, но было ясно: пока не обнаружат его тела. Не «если обнаружат», а «пока не обнаружат».

Таксист постарался на славу. Мы прибыли к нашему дому раньше тех, кого там Эндрюс ни послал.

Не беспокоя миссис Брэйди, мы поднялись по лестнице. Дверь в комнату Карла была заперта. Бассет собирался уже высадить её плечом, но я сказал, что у миссис Брэйди имеются запасные ключи, а ломать замок совершенно незачем. Бассет со мной согласился. Я заглянул в нашу комнату, сам не зная зачем. Ведь к этой минуте я уже потерял надежду застать там дядюшку Эма,

преспокойно спящего в своей постели или почтывающего газету в любимом кресле. Комната оставалась в том же виде, что и ранее.

Бассет уже начал спускаться по лестнице.

— Идём же, Эд, — позвал он.

— Минутку, Фрэнк. Взгляну, дома ли Честер. Он мог что-нибудь видеть.

Я постучал в дверь Честера Хемлина и, не дождавшись ответа, нажал на ручку; дверь оказалась не запертой. Я просунул голову в комнату и осмотрелся. Честера не было видно, но его шляпа и плащ лежали брошенные на кровати; Честер, таким образом, был дома, — вероятно, отправился в конец коридора принять ванну. Но с ним можно было и обождать: следовало получить от миссис Брэйди дубликат ключа, а потому я присоединился к Бассету на лестнице, спустился с ним и постучал к домохозяйке.

Когда она открыла дверь, я не стал отделяться недомолвками.

— Миссис Брэйди, — сказал я, — у меня дурные новости. Карл Делл мёртв.

Её лицо побледнело так, как я никогда ещё не видел, но во всём другом держалась она молодцом. — То есть, его, это... — начала она.

Я кивнул. Я понял вопрос, который она едва не задала, — был ли Карл Делл убит; она увидела, что я понял.

— Это капитан Бассет, миссис Брэйди, он из полиции. Есть ли у вас ключ от комнаты Карла?

— Да, есть. — Дубликаты висели у неё на небольшом стеллаже сразу за дверью, и она легко доставала их, лишь протянув руку за косяк.

— Когда вы в последний раз видели Карла, миссис Брэйди? — спросил я.

— Так ведь... Да тогда, когда ты меня уже спрашивал. Вчера в четыре часа, когда он приходил за аспирином. Сегодня же я вообще его не видела.

— Он заходил сюда часа на полтора, — не отставал я. — Мы с ним виделись в пять, и когда я уходил, он был дома, собирался гороскоп составить. И он всё ещё был здесь в полседьмого, потому что я разговаривал с ним в этот час по телефону.

— Я, Эд, его не видала. Но ведь большую часть времени я провела на кухне. Мне не было нужды за ним приглядывать. Ты говоришь, что звонил ему сюда? Я не снимала трубки.

— Это он снял. Мы условились, чтобы он ждал у телефона, ведь до этого он позвонил в агентство, а я просто перезвонил сюда и... ну, это слишком долго. Просто он снял трубку тот час же, как раздался первый звонок, вот почему вы могли и не услышать.

— Возможно. С первого звонка я могу и не расслышать. А может, Честер видел Карла. Ты с ним поговори. Он здесь, мы ужинали вместе. Да он на кухне, тарелки вытирает.

— Разумеется, я охотно с ним поговорю — я и так искал его наверху. Но прежде... как долго он уже здесь?

— Да с час, несомненно. Один его клиент подарил ему двух прекрасных окуней. Где ему было их приготовить! — он и зашёл сюда по дороге к себе.

— Когда это произошло? — перебил я её.

— Не менее часа назад. Спросил у меня, не приму ли я от него этих рыбин. Я ещё не ужинала, только собиралась. И я ответила, что если он ещё не ел, а он не ел, то мы этими окунями и поужинаем.

Я взглянул на свои часы; было без четверти восемь. Если Честер Хемлин вошёл сюда час назад, он не мог быть водителем машины, в которой нашли труп Карла. Не то чтобы у меня были какие-либо причины подозревать Честера, но его комната располагалась между моей и Карловой, так что алиби ему не повредило бы, а нас избавило от беспокойства по поводу его персоны.

— Точно в течение целого часа? — спросил я.

— Ну, на часы я, Эд, не смотрела, а смотрела бы, так не запомнила. Но ведь мы сначала зажарили рыбу, потом съели её, после пили кофе, мыли тарелки, начиная с тех, что побольше. Всё это заняло не меньше часа.

— Благодарю вас, — сказал я. — Разрешите, мы войдём и спросим Честера, не видел ли он Карла.

— Да входите же.

Женщина отступила в сторону, и мы прошли через её покои на кухню. Честер был облачён в передник миссис Брэйди и держал в руке полотенце.

— А, Эд! — воскликнул он. — Я проявил те снимки, где ты на тромбоне играешь; они вышли что надо. Потом покажу. Есть новости о дяде?

Я покачал головой. — Ты, Честер, Карла видел?

— Неужели ещё не возвращался? И ты с прошлой ночи так его и дожидаясь?

— Тогда мы с ним встретились, он приходил. Я хочу спросить, не видел ли ты его сегодня?

— Не видел. А что?

— В котором часу ты вернулся домой? — спросил я.

— В... Примерно час назад. Я не заметил точно. А что случилось, Эд? Что-то с Карлом?

— С Карлом.... Мёртв Карл. Это капитан Бассет из отдела убийств. Мы пытаемся выяснить, что произошло. Когда ты час назад пришёл в дом, ты поднимался к себе по лестнице или прошёл прямо сюда?

— И то, и другое. То есть, так: я по пути остановился у двери миссис Брэйди, чтобы отдать ей рыбу, — мне сегодня презентовали. Она спросила, не поужинать ли нам вместе, и я согласился. Но я поднимался к себе в комнату, чтобы оставить там плащ и шляпу; затем я вернулся сюда.

— И оставил дверь незапертой?

— Да, кажется. Подумал — всё равно ведь я в доме.

— И с тех пор ты здесь?

— Да, с тех пор я не выходил отсюда.

Тут в дверь миссис Брэйди постучали; это были два сотрудника отдела убийств. Мы с Бассетом вышли к ним в прихожую. Бассет представил меня; их же звали Джерри Дикс и Том Кийз.

— Значит, так, — произнёс Бассет. — Полагаю, следует провести опознание. Джерри, не подбросишь ли Эда, чтобы он взглянул? Мы с Томом займёмся комнатой Карла на этаже.

Джерри Дикс повёз меня в морг на Говард-авеню, куда был доставлен труп. Да, убитым был Карл Делл. Я подписал акт об опознании, и Джерри привёз меня обратно.

Мы поднялись по лестнице и увидели, что Бассет и второй следователь просматривают книги на полке в комнате Карла. Каждую книгу они тщательно пролистывали. Бассет поднял взгляд, и я кивнул.

— Есть мысли, Эд?

— Ужинать всё же будем? — спросил я. Свой аппетит я потерял ещё в морге, но ведь Бассет давно умирал с голоду.

— Нам всё никак не удавалось поужинать в «Блэкстоуне», Эд, и у меня тогда уже появилось чувство, что всё кончится гамбургерами. Так не сбегаешь ли за парочкой?

— Уже бегу. — Я поинтересовался у Дикса с Кийзом; они успели поужинать.

Я сбежал за угол и вернулся с пакетом, полным гамбургеров. Бассет всё ещё был занят книгами, а вот оба других следователя отсутствовали.

Бассет выхватил гамбургер из пакета и уселся на край кровати. Жуя здоровенный кус, он принялся объяснять.

— Я поручил Кийзу допросить здешнюю хозяйку, вывести у неё всё, что ей известно о Карле. А с этим Честером Хемлином он уже поговорил. Много не узнал; Честер, кажется, не слишком близко знал с Карлом.

— Собственно, как и я. Ведь и мне известно о нём совсем немного.

— Мы вернёмся к этому после. А Джерри обходит прочих квартирантов; не исключено, что таким образом он добудет какие-нибудь сведения — о самом Делле, либо о его перемещениях за сегодняшний день.

Я возразил:

— Не думаю, что есть какие-то сомнения насчёт его перемещений вплоть до половины седьмого, когда я разговаривал с ним по телефону. Ведь мы виделись с ним утром, примерно в девять, а затем он отправился работать на свой участок. Вы, это, разумеется, сможете проверить, но вот кому и когда он звонил — вряд ли.

А в пять он вернулся домой, поскольку мы опять с ним тогда виделись. Он успел поужинать и сразу же засел за свой гороскоп. Вероятно, так и сидел за ним до примерно двадцати пяти минут седьмого, когда позвонил по телефону в наше агентство, — так уж случилось, что именно в это время и я позвонил туда же от Жийяра. Столь же вероятно, что он сразу отправился к нам, ведь тело-то нашли в семь-двадцать, в добром часе езды отсюда. Набавьте некоторое время, чтобы его

успели перехватить и убить, и получится, что после нашего разговора по телефону он здесь не медлил.

Бассет кивнул и протянул руку за следующим гамбургером.

— Имеется одна новость, — сказал он. — Данные о машине. Угнана всего лишь за квартал от того места. Точно неизвестно, когда; владелец припарковал её в пять, а хватился только в семь. А что тебе известно об этом Честере Хемлине?

— Не много. Чего-то продаёт и занимается фотографией на досуге. В отношении Карла он чист. В ту минуту, когда убийца бросил машину на Говард-авеню, почти в десяти милях отсюда, он ужинал вдвоём с миссис Брэйди. Если только он говорит правду — а я не вижу повода в том сомневаться, — то домой он вернулся спустя четверть часа или около того после ухода Карла. Но даже если это и не так, алиби у него практически полное.

— А замечательное, всё-таки, филе из вырезки! — сказал Бассет. — Я, знаешь, досконально осмотрел эту комнату, искал даже зловещие письма на стене, и всё лишь подтверждает тот факт, что Карл был именно продавцом страховок и любителем гороскопов. Его ближайшей родственницей, как нам сообщили, является тётя, старая дева из Детройта. Проверили и личное дело Карла в конторе «Гаррисон мьючел»; специально вызвали заведующего отделением, чтобы открыл контору и провёл туда нашего человека взглянуть на Деллово заявление о приёме на работу.

— Ещё что-нибудь от него узнали?

Бассет пожал плечами.

— Ничего стоящего. Возраст Делла ты занизил. Ему было тридцать четыре. Женат никогда не был. Имел приличные накопления в виде десяти- и двадцатилетних полисов-вкладов на дожитие в собственной компании. Наследница, значит, та тётя из Детройта, а потому лишь она одна и выигрывает от его смерти. Только не она же, в самом деле, его убила!

— Вот именно, — согласился я.

— К тому же она в Детройте. Из нашей конторы пришлось ей звонить по междугородней, чтобы уведомить. Она, значит, уже засобиравлась сюда — похороны, там, и прочее. А который час, Эд?

— Приближается к четверти десятого, — ответил я. Ответил и вспомнил: Старлок собирался оставаться у телефона до девяти; я так и не позвонил ему, а значит заставлял его ждать. Он ведь даже не знал, что Карла Делла убили.

Объяснив это Бассету, я спустился вниз и позвонил в контору. Трубку сняла Джейн, и когда я спросил Старлока, ответила: «Он, скорее всего, уже дома. Я пришла на дежурство в полдевятого, — на полчаса раньше, — и он сразу же ушёл. Если сразу отправился домой, то должен был уже прийти».

Я позвонил Старлоку по домашнему телефону; он снял трубку. Я рассказал ему о судьбе Карла. Старлок ответил:

— А я собирался уже снять с себя последнее и принять ванну. Если, Эд, нет ничего очень срочного, я всё же её приму, а уж потом вернусь в контору и...

— Да нет в том нужды, — перебил я его. — То есть, вовсе не нужно вам, Бен, приходить. Что вы можете сейчас сделать? Ничего такого, что с успехом сделают Бассет и полиция. Дело поручено Бассету, остальные даны ему в помощь.

— А ты чем занимаешься?

— Вероятно, мешаюсь у Бассета под ногами.

— Так почему бы тебе не взять такси и не приехать ко мне? По крайней мере, я услышу все подробности перед сном, так что смогу отложить решение до утра. Обговорим всё и если не придём к чему-то действенному, то я отправлюсь на боковую.

— Идёт, — согласился я. — Вот скажу Бассету и приеду.

— Будешь говорить с Фрэнком, Эд, так передай ему, что есть одна подвижка — в негативном смысле. Ричард Бергман чист, по крайней мере в том, что касается нашего Эма.

— Кто сказал?

— Судья Хаберман. Вчера во вторую половину дня Бергман побывал в суде, оформляя временное освобождение парочке зацапанных распространителей игровой лотереи. Он частенько покрывает своих подопечных в таких случаях; деньги ведь и таким тоже образом зарабатывает.

— Откуда вам известно?

— От Джо Стрейтора. Джо следил за его передвижениями с того времени, как тот сегодня после полудня покинул гостиницу, и до трёх-тридцати, когда он потерял его в суде; и там Бергман оказался не впервые. Но в кабинет он вошёл через одну дверь, а вышел через другую, в другой коридор, и Джо его потерял. Он не думает, что Бергман понял, что за ним следят, или сбросил его умышленно; такие вещи просто случаются сами собой.

Но пока Джо следил за Бергманом, то понял, что у Бергмана в суде много знакомых, некоторых Джо также знал. А потому, потеряв Бергмана, он догадался, что о нём ведь можно и расспросить, и тут выяснилось, что Бергман приходил сюда и вчера во вторую половину дня. И почти в то же время, когда Эма умыкнули в коллекцию, так что Бергмана можно полностью исключить.

— Расскажу Бассету; не потому, что он считает, будто Бергман в чём-то тут вообще замешан. Увидимся через полчаса, если сразу поймаю такси.

Я вновь поднялся по лестнице и рассказал Бассету новости о Ричарде Бергмане.

— Хорошо же, — сказал Бассет. — Мне и не хотелось тратить на него время, теперь же, я полагаю, достаточно будет... — Он улыбнулся, однако невесело. — В моей работе, Эд, плохо то, что у каждого есть алиби. И прекрасные алиби: ни одно не выглядит подстроенным. Я вообще не вижу, как со всем этим связана числовая лотерея; мы, вероятно, гоняемся за химерами. Нет в этом мотива, Эд! Никак нам не попасть на первую базу, пока мы не отыщем того, кто имел причину, чтобы... чтобы причинить что-то Эму.

— Если это не сам Сатана, — ответил я.

— Который отбирает для себя грешников по имени Амброз? Или это какой-то психопат, наткнувшийся на данную идею в книге Чарльза Форта и не на шутку занявшийся коллекционированием Амброзов. Что ж, пока это самый доступный нашему пониманию мотив.

— Бен Старлок желает, чтобы я приехал к нему домой и всё рассказал. Ничего, если я отлучусь?

— Да конечно, Эд. Не знаю даже, чем ты мне сможешь помочь. Собираешься сегодня в «Голубой крокодил»?

— Вероятно. Если не представится ничего лучшего. И коли уж отправлюсь туда, так прямо от Старлока. Ну, и буду держать связь с агентством — там всю ночь кто-то будет дежурить, — так что если что-нибудь произойдёт, то держите со мной связь через них, ладно?

Бассет обещал, и я ушёл. На Стэйт-стрит я поймал машину и прибыл к Старлоку почти к десяти. Тот уже принял ванну и встретил меня в тапочках и пижаме, готовый ко сну. Вид у него был очень усталый.

— Выпьешь? — спросил он меня.

Я бы выпил, но ответил, что намереваюсь отправиться в «Голубой крокодил» и мне придётся выпить там, чтобы не околачиваться с подозрительным видом, так что лучше побережь силы.

— Умно. А я вот выпью. Ты хоть оплатил Фрэнку приличный ужин?

— А то! — отвечал я. — Гамбургеры. Он съел не менее четырёх; был так голоден, что они, вероятно, показались ему вкуснее вырезки, на которую он нацелился в шесть.

Старлок издал смешок и налил себе из стоящей на столе бутылки. Со стаканом в руке он прошёлся по комнате и сел в кресло, перебросив ноги через подлокотник. Пижамы на нём были чёрного шёлка, отчего Старлок как никогда напоминал милосердного Будду. Он, должно быть, заметил, что я его разглядываю, и улыбнулся.

— Не я покупал эту пижаму. Подарили. Но продолжим. Начни с того часа, как ты ушёл из агентства.

Когда я закончил, он некоторое время сидел, уставившись в потолок, а затем перевёл взгляд на меня.

— Ничего хорошего тут не скажешь, Эд. Ты знаешь, о чём я.

Я кивнул. Знал я прекрасно. Старлок имел в виду один шанс к ста, что мы когда-либо снова увидим дядю Эма живым. Убили Карла Делла, а это означало, что некто решил играть наверняка.

— Вот уже тридцать часов, — сказал Старлок, — как у нас нет никакой зацепки. Всё, что мы сумели, так это исключить каждую возможность из всех, что только приходили нам в голову. И мы вынуждены вновь начинать сначала — при том, что не знаем, с чего нам начинать.

— Но есть и нечто новое, — сказал я. — Копы подключились вовсю. У них появилось убийство, и если они его раскроют, то попутно найдут и дядю Эма. Карла убил тот, кто и дядю Эма похитил.

— Взгляни, Эд, в лицо вещам, — сказал Старлок. — Эм не был похищен — не более, чем Карл.

— Старлок отпил из своего стакана. — И тогда ты не так огорчишься, когда мы его найдём. Не стоит надеяться попусту.

— Я допускаю эту возможность. Но если дядю Эма убили, а мы просто не нашли ещё тела, оно, значит, хорошо спрятано. А если убийца предпринял труд по сокрытию одного тела, почему же он не стал прятать и тела Карла, чтобы тоже выглядело как исчезновение?

— А рожок, Эд! Мне думается, что убийца увозил тело Карла, чтобы как-то распорядиться им, вероятно — так же, как он распорядился и Эмом, да рожок у него в автомобиле заклинило, отчего он вынужден был подогнать к обочине и сделать ноги.

В этом было больше смысла, чем я хотел признавать. Я спросил Старлока:

— В нашу контору не поступало новых сведений?

— Ничего существенного. Вернулся Арт Уилан, он весь день рылся в газетах, просматривал сообщения о смертях. Единственный человек по имени Амброз, который, как он обнаружил, исчезал, был Амброз Герри из Индианаполиса, шесть месяцев назад. Я позвонил в тамошнее отделение полиции и выяснил, что того человека нашли и вернули — дело касалось, таким образом, оставления семьи. А девушка, что была за коммутатором в «Грешаме» вчера во вторую половину дня, а затем отправилась в Расин, снова в городе, и я говорил с ней. Она не помнит ничего о звонках из номера Бергмана или ему в номер. То есть совсем ничего, да это и не имеет значения теперь, когда нам известно, что в четыре Бергман был в суде. Ещё я поспрашивал в других детективных агентствах города, не предлагали ли им Грейн и Дэгон работёнку, аналогичную той, от которой я отказался. Они побывали только в ещё одном агентстве, но и там получили отказ. Это было перед тем, как они пришли ко мне, и впоследствии, вероятно, отказались найти поддержку в легально работающих агентствах. Как бы то ни было, а раз мы не первое агентство, в которое они обратились, то в их действиях не нужно искать подвоха. В общем, Эд, с нашим делом Огги Грейн и Тоби Дэгон вряд ли как-нибудь связаны.

— Вот и Бассет так думает, — сказал я. — Да и я сам, если на то пошло. И все равно от вас я отправлюсь в «Голубой крокодил», если вы не предложите мне занятие получше.

— Видимо, Эд, не предложу.

Я встал, полагая, что и так пробыл достаточно. Старлок, должно быть, смертельно устал.

Он допил свой стакан и тоже встал.

— Пистолет при себе?

Я покачал головой. Старлок направился к комоду и вынул из ящика плечевую кобуру с пистолетом тридцать второго калибра в ней.

— Надень-ка вот это.

— Но мне...

— Надень, — произнёс Старлок. — Карл Делл, не исключено, сегодня пожалел, что этого при нём не оказалось. Тебя тоже может посетить умная мысль. Та же самая.

Я скинул пиджак и напялил на плечо кобуру.

Глава 10

«Голубой крокодил» оказался ночным клубом средних размеров и со средними расценками. Не лучший в Чикаго, но и до худшего ему было скатываться порядочно. Вечером в четверг давки не было, но официанты не простаивали, так что жалеть Оги Грейна не приходилось. Семь-восемь десятков посетителей располагались на площади, что спокойно вместила бы и сотню, а в особо шумные ночи и в полтора раза больше. Имелся и эстрадный ансамбль из пяти персон — оркестр Гарри Харта; у меня побывали кое-какие из его пластинок, — наигрывавший лёгкую музыку, под которую танцевали с дюжину пар.

Ко мне, только что вошедшему, подошёл метрдотель, и я объявил:

— Столик на двоих. Мой приятель скоро подойдёт.

Обрати метрдотель на меня внимание погодя, он решит, что «приятель» меня подвёл, и так будет лучше, чем привлекать к себе внимание, слоняясь в одиночку. Метрдотель подвёл меня к столику на двоих, — вероятно, худшему во всём клубе: самый дальний от танцплощадки, а оркестр загораживает опорная колонна. Но я не противился; я пришёл сюда не ради музыки. Если уж на то пошло, то я вообще не знал, зачем сюда явился, — разве что повидать Эстеллу.

А она, должно быть, заметила, как я входил, поскольку тут же оказалась рядом, стоило метрдотелю удалиться. Чертовски хороша она была в своём вечернем наряде, для которого потребовалось, по моим подсчётам, лишь дюжина квадратных ярдов материала на юбку да едва ли квадратный фут на нечто выше талии. Да, наряд был что надо и стоил денег. Был ли он её собственным или же достался ей вместе с работой? А может, это Оги взял и купил его специально для неё? Но тогда, поскольку они познакомились лишь сегодня вечером, им пришлось хорошенько побегать... Тут я встретил её глаза и устыдился своих мыслей.

Подойдя к моему столику, Эстелла безлико улыбнулась и бесстрастно произнесла:

— Желаете сигарет?

У меня была с собой свежая пачка, а потому я собирался было сказать «нет», как заметил, что Эстелла уже протягивает мне упаковку со своего лотка, а сама прижимает к ней пальчиком сложенный листок бумаги. Эстелла даже покрутила упаковку у меня перед носом, чтобы я эту бумажку разглядел.

И я, кивнув, положил на поднос долларовую банкноту; Эстелла же опустила сигареты вместе с бумажкой на мой столик. «Спасибо, сэр», — произнесла она, даже не спросив, желаю ли я получить сдачу.

Я запихнул сигареты в карман пиджака и разглядел бумажку ладонью. Прочсть её я, однако, не смог, поскольку ко мне подошёл официант. Я заказал виски с содовой и «клубный» бутерброд; поход в морг временно лишил меня аппетита, и до этой минуты я съел всего лишь один гамбургер, пока Бассет уплёл четыре, а потому сейчас вновь почувствовал голод. А ещё я попросил официанта показать мне, в какой стороне телефонная будка: мне захотелось позвонить в агентство, чтобы поставить Джейн в известность о том, где нахожусь.

В телефонной будке я перво-наперво развернул записку Эстеллы. В ней было только два слова: «Привет, Эдди!». Я не знал, ругаться или смеяться.

Сунув записку в карман, я позвонил в агентство. Сказав Джейн, где нахожусь, я, однако, попросил не пытаться разыскивать меня здесь кроме как в случае острой необходимости, но и тогда, если Джейн всё же захочется мне что-то передать, пусть позовёт к телефону Эстеллу, а уж Эстелла передаст сообщение мне.

Затем я позвонил домой и узнал, что Бассет всё ещё там, у Карла. Инспектор подошёл к аппарату.

— Есть что-то новое? — спросил я его.

— Ни черташеньки, Эд. Я дважды прошёлся по комнате, да и сейчас вот, перед сном, заскочил. А ты от Старлока звонишь?

Я объяснил Бассету, где нахожусь.

— Тебя, Фрэнк, сегодня надули с ужином. Приходи в «Крокодил», я тебе компенсирую выпивкой, и развлекательную программу посмотрим.

— Эд, я рад бы, но время приближается к часу ночи, и я смертельно устал. А завтра ведь новый день. Собираюсь приняться за работу пораньше.

— Есть план?

— Начну с Карловой конторы, выясню, кого он собирался посетить на своём обычном маршруте и кого посетил на деле. Попытаюсь высчитать всё по минутам до того часа, как он пришёл домой и ты в пять с ним увиделся. Ты говоришь — он сказал тогда, что уже где-то поужинал? Не знаешь ли, где он обычно ужинает?

— Сразу к югу от Огайо-стрит, на Кларк-стрит, есть местечко, где готовят барбекю. Эстелле приходилось там работать. Он там частенько ужинал — может, и ради Эстеллы, я не знаю. Но это единственное, что мне приходит в голову.

— Кажется, дельная мысль. Коли он всегда так рано садится за стол, то наверняка ужинает плотно, и мясо, жареное на решётке, годится для плотного ужина. Я там проверю. А как обстановочка в «Голубом крокодиле»?

— Спокойно, — ответил я и рассказал о том, как Эстелла передала мне записку и что в той значилось.

Бассет рассмеялся.

— А кстати, Эд. Число четыреста двадцать о чём-то тебе говорит?

— Нет, ничего такого. А что?

— Это было последним, что Карл записал на том листе бумаги, где у него были астрологические выкладки. Звёзды с таблицами вверху, после чего много всякого, в основном разные символы, да «420» как самое последнее, что он написал. Что он сказал тебе по телефону о числе, — только точно?

— Сказал, что это важно, но не то чтобы из-за астрологии. Я спросил, что он имеет в виду, а он сказал, что наткнулся на счастливое число (я так понял, — в своих расчётах), а счастливое оно потому, что о чём-то ему напомнило. Вот и всё; и он пожелал знать, где мы; я сдался и назвал ему Жийара.

— Тогда, значит, четыреста двадцать и есть то счастливое число. Как думаешь, что оно может значить? Номер в гостинице?

— Дьявол меня дерит, если я знаю. Или это, возможно, счастливое число в числовой лотерее. Но оно должно обладать и какой-то иной важностью, раз нечто Карлу напомнило.

— И всё же, — произнёс Бассет, — для него это число счастливым не стало. И второе, что я сделаю завтра: покажу всё написанное Карлом специалисту по астрологии; что он, интересно, из этого выведет... Тут может укрываться для нас ниточка, хотя и неясно, каким образом.

— Вполне можно попробовать, — согласился я. — Скажи, Фрэнк, ведь когда я покидал морг, там с минуты на минуту ожидали патологоанатома из ведомства коронера. Ты с ним не разговаривал?

— Разговаривал, конечно. Ничего он мне не сказал, чего бы мы не знали. Разве что Карла дважды ударили по одному и тому же месту. Убили, вероятно, с первого раза, но убийце хотелось действовать наверняка. И если исходить из размеров и очертаний раны, это была револьверная рукоятка: рана овальной формы, а не узкая и прямоугольная, как от рукоятки автоматического пистолета, и не круглая, как от молотка. Других отметин на теле нет.

— Ясно, спасибо. Так ты точно не хочешь заскочить сюда выпить?

— В следующий раз — обещаю! Но завтра хочу быть на службе к девяти, и пойдёшь ты сейчас туда, не попадёшь мне домой к трём или даже к четырём. Поцелуй за меня Эстеллу. И Оги, если встретишь. Он там? Или только Тоби?

— Я Оги ещё не видел, но я тут всего несколько минут. А с Тоби Дэгоном я не знаком.

— Встретишь его, — будь осторожен. Крутой он. Ну, свидимся завтра. Доброй ночи.

Я вернулся за свой столик; выпивка там уже была, а сэндвич запаздывал. В ночных клубах всегда заставляют вас ждать еды по меньшей мере час, чтобы вы тем временем всё заказывали себе выпивку.

Началась развлекательная программа, и я повернулся, чтобы посмотреть то небольшое, что удавалось отсюда увидеть. По крайней мере, я сделал вид, что смотрю. На самом же деле я размышлял над числом четыреста двадцать, пытаюсь выудить из него хоть какой-то смысл. Нет, не

получалось. Много чего из этого числа можно было выдумать, да только одно было глупее другого.

Эстелла сменила позицию и теперь подпирала опорный столб, который мешал мне видеть оркестр, а потому вместо развлекательной программы я любовался ею. Такой, как сегодня, я её ещё не видел. Впору было заинтересоваться, до которого она работает...

А ещё меня заинтересовало, почему она делает вид, что не знает меня, и игнорирует, после того как сама же представила меня Оги Грейну в «Блэкстоуне». Раз уж так поступила, то отчего не заговорит со мной здесь? Тем более что мы практически исключили Оги и Тоби из состава подозреваемых. И всё же, хоть она не глядела в мою сторону, но мысли мои, вероятно, прочла, поскольку в ту самую минуту двинулась к моему столику. Поставила свой лоток на пол возле стула напротив меня и села. Улыбнувшись, произнесла:

— Привет, Эдди.

— Повторяешься, — отозвался я. — Сперва было в записке. Мне отписаться или просто сказать «Привет»?

— Но не таким тоном! Ты что, сердишься?

— Не совсем. Даже, вероятно, ещё чуть-чуть больше тебя люблю. И ничего не имею против записок, если желаешь пошалить. Но зачем ты сегодня вечером представила меня Оги?

— Потому что хуже не будет, и я хотела это тебе показать. Он милый. Мне он по нраву. И к исчезновению твоего дяди не имеет никакого отношения.

— Ты-то откуда знаешь? Он это сам тебе сказал?

— Вообще-то, да. — Эстелла подалась в мою сторону. — Эдди, честно, он не из таких.

— Да я не возражаю. Бассет сказал мне, что Оги прекрасный малый и чист, а Бассет обычно знает, что говорит. Интересно только, что тебя заставило заговорить с ним об этом? Чего ты добивалась?

— Вначале, Эдди, я молчала. До той самой минуты, как увидела тебя в «Блэкстоуне». Днём я пришла сюда попроситься на работу, а мистера Дэгона не было — они с Оги вдвоём занимаются наймом, — так меня отправили к Оги.

— То есть, к мистеру Грейну? А то звучит так, будто вы знакомы целую вечность.

— Так и есть, Эдди. То есть... я не хочу сказать ничего такого. Он по-настоящему мил, понравился мне, да и я, кажется, ему понравилась. Ну, не знаю, а только мы сразу поладили. Он сказал, что я чересчур хороша для официантки (я думала устроиться на эту должность) и что им нужна продавщица сигарет, поскольку их работница только что выскочила замуж или что-то в этом роде, так не желаю ли я на её место? Сказал, что выручка у меня окажется вдвое большей, поскольку частенько, когда покупают сигареты, таким как я просто кладут на поднос долларовую бумажку, а сигарет не требуют.

— Особенно если ты и не даёшь.

— Ну, сдачу-то я давать обязана, — рассмеялась Эстелла. — Тебе я не дала, чтобы позлить.

— Вот ты скажи мне лучше, почему ты всё рассказала Оги Грейну.

— Эдди, ну не будь таким сердитым. Когда я согласилась стать продавщицей сигарет, Оги сказал, что мне нужны будут один-два вечерних костюма, и спросил, есть ли у меня такие. Я вынуждена была признаться, что у меня нету — во всяком случае, не такие, чтобы выходить в них сюда. Тогда он согласился ссудить мне денег на приобретение двух костюмов, а я выплачу ему из выручки. Он повёл меня в «Сакс» и помог выбрать; вот этот костюм стоил сотню и четвертной, а другой только сотню. Нравится?

— Роскошно. И времени много не понадобится, чтобы расплатиться.

— Нет, Эдди, нет. Здесь я не на зарплате, но в неделю смогу выручать за сто чаевыми. А что! Я уже за этот вечер сделала пятьдесят долларов, а сегодня ведь всего лишь четверг, и зал не полон. В среднем, кажется, будет выходить по двадцатке за ночь, да шесть ночей в неделю, и выплачивать я буду по полтине в неделю, да ещё семьдесят будет оставаться, так что за два костюма я расплачусь примерно через месяц. А после этак раз в месяц буду покупать по обновке, и при этом не окажусь в минусе.

— Так ты рассчитываешь задержаться здесь надолго?

— А почему нет, Эдди? Столько я никогда ещё не зарабатывала. Может быть, будущей весной решу вернуться на ярмарку, но не теперь же. На дворе сентябрь, и слишком поздно начинать

сезон; к весне же у меня будут приличные накопления. Я подумывала о работе моделью, но здесь легче и, кажется, мне больше нравится.

Огрехов в её рассуждениях я не находил, хотя восторга у меня они не вызывали. Но Эстелла вновь отклонилась от темы — так и не сказала мне, почему повела с Оги тот разговор. Я в который раз напомнил ей об этом.

— Ох, ну да; после того, как мы купили костюмы, мы пошли в «Блэкстоун» чего-нибудь выпить. До вашего прихода просидели там уже около получаса. Мне, Эдди, хватило, чтобы как следует узнать Оги; я убедилась, что он не убийца, не похититель и прочее. А потому я всё обдумала, пока ты и тот, кто там с тобою был...

— Там со мною был Фрэнк Бассет. Капитан полиции, из отдела убийств.

— Пока вы с ним заказывали и выпивали, я всё обдумала, а когда вы направились к выходу, я и решила тебя представить.

— Ну, не важно. И всё равно не понимаю, чего ты добивалась.

— Наверно, просто захотелось, чтобы ты тоже познакомился с Оги, ведь он пришёлся мне по душе. Как бы то ни было, а после вашего ухода он повторил несколько раз «Хантер, Хантер» и сказал, что полиция уже расспрашивала его о человеке по фамилии «Хантер». Он не стал отмалчиваться и всё мне выложил; это полностью совпало с твоим рассказом, что ещё раз убедило меня в том, что на нём нет ни малейшей вины, а то бы он не говорил так прямодушно.

А потому и я ему правдиво рассказала, кто ты такой и даже почему я нанялась на эту работу. Он посмеялся и заявил, что не будет ко мне в претензии, если я буду хорошей продавщицей сигарет, и всё, что его интересует, так это собираюсь ли я работать у них подольше. Я сказала — конечно, если всё, что он говорил мне насчёт количества чаевых, окажется правдой. А оно окажется, судя по этой ночи. И даже ещё лучше. Оги сказал, что я буду выручать не меньше сотни, но, судя по всему, будет даже сто двадцать.

— А Тоби Дэгона уже видела? — спросил я.

— Только мельком. Ужасный тип. От него мурашки по спине. Да и Оги сказал, что как человека он Тоби недолюбливает, но что Тоби — прекрасный менеджер для числового рэкета; по всему выходит, что на деле Тоби руководит игрой, Оги же осуществляет финансовую поддержку, а в детали не лезет.

— Кажется, все влюблены в этого Грейна, — сказал я. — И ни один не любит Дэгона. Не могут же все ошибаться.

— И пока мы ужинали — Оги повёл меня ужинать после нескольких порций спиртного, — я спросила его, не мог ли Дэгон сотворить чего-нибудь с твоим дядей. Оги ответил «нет». Он сказал, что полиция уже спрашивала его, что он делал в четыре часа, а потому он догадался, что это и было время исчезновения или чего-то такого. А если это так, то Оги уверен, что Тоби ни при чём, потому что вчера во второй половине дня у Тоби были дела в Гэри, и Тоби точно был там ещё в половине пятого, поскольку Оги разговаривал в это время с ним по междугородней. А кроме того, он говорит, что у Тоби Дэгона не было ни малейшей причины вредить твоему дяде. Они лишь раз случайно встретились в конторе у Старлока.

По всему выходило, что я ухитрился установить ещё одно алиби и — если считать, что Эстелла хорошо поработала — такое, в котором сам мог быть стопроцентно уверен.

— Сколько вы ещё с Оги пробыли вместе после нашей встречи около шести?

— Часа два, я думаю. Ещё полчаса перед тем, как отправиться ужинать, затем по меньшей мере час занял сам ужин, а после мы пришли прямо сюда и убедились, что костюмы уже доставлены...

Для алиби по делу об убийстве Карла Делла этого более чем достаточно, подумалось мне. Тут вдруг я вспомнил, что судьба Карла ещё неизвестна Эстелле.

Я ей всё и сообщил, отчего она сильно опечалилась — сильнее, чем я мог предвидеть. Она сидела бледная и подавленная.

— Извини, Эстелла. Вероятно, мне следовало сообщить тебе об этом более деликатно. Я не предполагал, что Карл был тебе столь дорог.

— Тут, Эдди, другое. То есть, он и вправду был мне по душе. Я ведь пару раз — раза три даже — принимала его приглашения. Раз на танцы, и два раза на шоу; но мы оставались просто друзьями. И всё же...

— Что «всё же», Стелла?

— Твой дядя, Эд. Все время подспудно я надеялась, что всё уладится, что это какая-то шутка, что Эм просто где-то есть, и он в безопасности, вот вернётся и всё объяснит. Я была в этом совершенно уверена, Эдди! Теперь же...

Я погладил её руку, тщетно придумывая, что бы такое ободряющее высказать. Ничего не шло на ум. Меня обуревали те же чувства! Просто, стремление решить эту задачу именно как задачу, постичь, что же произошло, удерживало меня от неотвратимой мысли, что дядюшка Эм уже, вероятнее всего, мёртв.

— Выпить хочу, Эдди, — произнесла Эстелла. — Купишь мне?

Я поймал взгляд моего официанта и заказал нам две порции. Стоило Эстелле выпить, как некоторый цвет вернулся на её лицо.

— Спасибо, Эдди. И пока я не забыла: Оги желает тебя видеть.

— Видеть меня? — изумился я. — Зачем? Если, как он сам же и утверждает, ему ничего не известно...

— Я не знаю, чего ему нужно. Он мне не сказал. Зато спросил меня, придёшь ли ты сюда сегодня; я ответила, что придёшь, надеюсь. И он просил передать тебе, если придёшь, чтобы ты зашёл к нему. Он, должно быть, у себя в кабинете. Я тебя проведу. — В эту минуту официант поднёс мой сандвич «клубный», и я сказал Эстелле, что отправлюсь к Оги, как только покончу с сандвичем. Эстелла сказала, что расслаживаться ей нельзя, а потому как доем сандвич, так мы и встретимся.

Сказано — сделано. Эстелла провела меня какой-то лестницей на второй этаж, затем мы шли коридором к двери с надписью «Посторонним вход воспрещён», в которую девушка постучала. Голос Оги Грейна разрешил нам войти, и Эстелла отворила дверь.

— Вот, Оги, мистер Хантер, — произнесла она. И затем, мне: — Не уходи, Эдди, не повидавшись со мной, хорошо? А то мне лучше вернуться вниз.

Я кивнул и взошёл в кабинет Оги Грейна.

Глава 11

Оги сидел за столом, а вот сидевший в углу был, как я понял, Тоби Дэгоном. До сих пор я не встречал таких, кто симпатизировал бы Тоби Дэгону. Не понравился он и мне.

Был он моложе Оги Грейна, — лет этак тридцати пяти. Хорошо одет и неплохо выглядел. Что именно мне в нём не нравилось, я и указать бы не мог. Глаза посажены не слишком близко; не клыкаст, когда улыбается; рожки не торчат из прилизанных чёрных волос. Но находиться с ним в одной комнате было напряжно. Как есть убийца. И не объяснишь почему, но я понял бы это и без подсказки Бассета.

— Здравствуй, Эд, — сказал Оги. — Это Тоби Дэгон. — Тот протянул руку, я пожал; рука не оказалась ни холодна, ни влажна на ощупь, а его пожатие было словно бы искренним, но я поспешил убрать руку. — Садись, Эд, — продолжал Оги, указав мне на стул.

— Ты зря тратишь время, Оги, — вставил Тоби. — Я, впрочем, не вмешиваюсь.

— Можешь не слушать, — возразил Оги. — Тебе ведь известно, что я собираюсь Эду сказать. Что мы теряем?

Тоби пожал плечами. — Ничего, кроме времени. Да и люди будут наслышаны о наших делах.

— Тоби, мои дела и так всем известны.

Тоби встал.

— Хорошо, Оги. Шансы — тысяча к одному, но и такие иногда выпадают. Случалось, выплачивали. Да, было бы славно прижать мазуриков. Понадоблюсь, — ищи меня за обычным столиком.

И продолжил в дверях:

— Рад был познакомиться, Хантер.

Кресло под Оги Грейном повернулось: теперь он оказался лицом к лицу со мной. Толкнул по столу коробку для сигар:

— Закуривай, Эд. Или желаешь выпить?

— Нет, спасибо, — за сигару. От выпивки тоже воздержусь пока. — Мне стало интересно, к чему он подведёт разговор.

Оги сказал:

— Ты, Эд, пытаешься выяснить, что случилось с твоим дядей. Верно?

Я молча кивнул.

— А я пытаюсь выяснить, что происходит с моим лотерейным бизнесом. Думаю, мы могли бы друг другу помочь.

— Как? Ведь, судя по тому, что вы рассказали Фрэнку Бассету, между этим и тем нет никакой связи. Или вы не были с Фэнком откровенны?

— Фрэнк сам не удостоил меня такой чести — откровенности. Сказал, что привёл его ко мне лишь один вопрос — та встреча в кабинете Старлока и наш разговор вчетвером — мы с Тоби и Старлок с твоим дядей. А сегодня твоя подружка Эстелла рассказывает мне нечто ещё, и я впервые узнаю, что похититель твоего дяди назвал некий номер в отеле «Грешам». Не верю в совпадения. А ты?

— Тоже не слишком, — признался я. — Но где же тут совпадение? Я, вероятно, тупой, но не вижу никаких совпадений.

Оги Грейн подался ко мне, склонился над столом.

— Ведь этот Ричард Бергман прибыл сюда, поскольку это я за ним посылал, а посылал я за ним, чтобы обсудить те же самые вещи, о которых поведал Старлоку и его сотруднику — то есть твоему дяде. Когда Эстелла Бек это мне рассказала, — вот тогда всё предстало в ином свете.

Я слегка присвистнул.

— Я тебе и больше скажу, — продолжал Оги, — но сперва: насколько ты в курсе дела? Кто такой Бергман, знаешь?

Я рассказал Оги всё, что нам стало известно. Оги кивнул:

— Совершенно верно. Вот уже почти два года я плачу Бергману по сотне в месяц. Даже не знаю, почему сразу не подумал о нём, когда что-то пошло не так; вроде затмения нашло на меня.

И тем более я сглупил (ведь числовые лотереи незаконны), попытавшись подключить к делу детективное агентство. Лишь когда Старлок и ещё одно агентство отменили меня напрочь, я внезапно вспомнил о Бергмане. Я позвонил ему, он сразу прибыл. И тут некто, собираясь похитить твоего дядю, называет его номер в отеле!

— Давно ли, — спросил я, — началось это... то, что идёт не так?

— С месяца, а может — чуть дольше. И это уже стоило мне тысяч тридцать долларов. Не много, но это нехорошо.

— Я бы не сказал, что тридцать тысяч долларов — немного.

— Раз в десять меньше такой потери, которая бы меня разорила. Тридцать тысяч не разорят. Но я вот о чём. Ты выясняешь, что за шайка у меня ворует, а я даю тебе пять тысяч. Выгодное дельце.

На это я первым делом спросил:

— И вы сделали подобное предложение моему дяде?

— Конечно, нет. Кроме как в тот день у вас в конторе, с твоим дядей я больше не встречался. Как и Тоби.

— Простите, не могу, — ответил я. — Мой начальник — Старлок, а предлагаемую вами работу он отклонил. Как же я могу принять её самостоятельно?

— А ты и не принимаешь никакой работы. Никакого дела я не поручаю тебе вовсе! Говорю ведь: если выяснишь, то дам тебе пять кусков. Бонус, за так. Подарок на Рождество. Что в этом такого?

Если так рассуждать, плохого и впрямь ничего не было. Разве что выглядело слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Ведь добавь мы с дядюшкой Эмом эту сумму к той, что уже у нас была, можно было бы начинать в собственном агентстве. Будь дядюшка Эм всё ещё жив...

— Отчего вы полагаете, что я, не пытаясь специально, смогу это выяснить?

Оги улыбнулся.

— Фрэнк Бассет сказал мне, что ты смыслённый. Эстелла добавила: «Ещё какой!». Она души в тебе не чает. Вот я и подумал, что своего-то дядюшку ты найдёшь, выяснишь, что с ним случилось. А я не думаю, что номер, занимаемый Бергманом в отеле, был назван лишь по чистой случайности. Я чувствую, что когда ты найдёшь того, кто обидел твоего дядю, ты найдёшь и того — или тех, — кто обходится мне в тысячу баксов в день.

— Того, — ответил я. — Не «тех».

— Откуда ты знаешь?

— Эстелла не рассказывала вам об Амброзе Коллекционере? — Оги кивнул; я продолжил: — Вот откуда знаю. У кого-то дьявольское чувство юмора. А у коллектива не бывает чувства юмора. Разумеется, за спиной этого Амброза Коллекционера может стоять какое-то объединение, оплачивающее его художества.

— Дельно сказано, — похвалил Оги. — Значит — идёт?

Столь решительно связывать себя мне не хотелось. Я объяснил Оги, что не собираюсь отклоняться от главного направления своих поисков, но если выйдет так, что это приведёт меня к получению интересующих его сведений, то так тому и быть.

— Вот за это мы и выпьем, — объявил Оги. — Виски?

Я кивнул, и он поднял телефонную трубку. То была, должно быть, прямая связь с прислугой, поскольку номера он не назвал.

— Если вы желаете, чтобы я нашёл ответ, — сказал я, — то, полагаю, не откажетесь ответить и на мои вопросы. Во-первых, вы знаете Карла Делла?

— Нет. Может, и вспомню, если он связан с числовой лотереей. Это так?

— Со страховками, — сказал я и решил оставить эту тему. — Число четыреста двадцать вам что-нибудь говорит?

— М-м-м, нет. Разве что оно недалеко от четыреста восемнадцати, а ведь это номер Бергмана в «Грешаме».

Я об этом не подумал. Номер четыреста двадцать располагался в том же коридоре. Кто-нибудь из четырёхсот двадцатого запросто мог выйти в коридор и подкараулить человека, направляющегося в четырёхсот восемнадцатый. Но дядя Эм не мог бы пройти наверх, не осведомившись у регистратора, а к регистраторской стойке он не подходил, если верить

дежурному. И если Амброз Коллекционер планировал перехватить дядю в этом месте, ему следовало сказать Старлоку так: «Пусть ваш оперативник, когда придёт в отель, поднимается прямо ко мне в номер». Это не прозвучало бы подозрительно, но раз так, то всякий сначала справился бы у регистратора, куда подняться. Дядя Эм тоже бы так поступил.

Но к этой мысли можно было вернуться потом, а сейчас я вновь обратился к Оги с расспросами.

— Вы сказали Эстелле, что у Дэгона есть алиби — что он был в Гэри в тот час, как моего дядю похитили. Вы не против, если я это проверю?

— Да вовсе нет, — пожал плечами Оги. — Твоё полное право. Тоби не производит хорошего впечатления. Но мне случилось однажды спасти ему жизнь, а в другой раз выручить из беды, и он мне чрезвычайно предан. Он не сделает ничего такого, о чём не было бы мне известно, и каких-либо частных мотивов не имеет.

— Допустим, но что там за алиби?

— В полпятого Тоби позвонил мне по междугородней. Из того немногого, что я узнал от Фрэнка Бассета и Эстеллы Бек, я заключаю, что уби... что похититель делал своё дело в начале пятого. По крайней мере, он не мог быть в Гэри в половину.

— Это верно... Но откуда вам известно, что звонок шёл из Гэри? Ведь даже если женский голос говорит вам «Гэри на проводе», то Дэгон, подучив предварительно какую-нибудь приятельницу, мог звонить и с Петли.

— Ну, мог, полагаю, только дело не в этом. Ему нужны были кое-какие сведения, — чтобы я поискал в справочнике. И я потом ему перезвонил, минут десять спустя.

— И где он был?

— В «Мелтон-отеле», в Гэри. То есть, не то чтобы он там остановился; Тоби поехал туда после полудня, а вернулся этим вечером. Но он позвонил мне из телефона в вестибюле, и я же ему туда перезвонил. Мальчик-слуга позвал его по фамилии.

Если Оги не лгал, выглядело всё безукоризненно. Я полагал, что Оги не лжёт. Но для себя я решил просить Бассета, чтобы он послал кого-нибудь в «Мелтон-отель» проверить, вправду ли мальчик-посыльный сможет вспомнить, что позвал мистера Дэгона по фамилии в тот час.

Тут пришёл официант с нашим виски, точнее — принёс бутылку и что к ней положено. Оги велел ему удалиться и разлил спиртное сам.

— Кстати, — сказал он, — ты прямо сюда прошёл, или провёл некоторое время в зале?

— Посидел там немного. Пара виски и сэндвич.

— Какой столик?

Я описал ему местоположение; Оги сказал:

— Спустишься вниз — найдут тебе лучше; я успею позвонить Джорджу. И за наш счёт.

— Я не предполагал задерживаться. Но цена устраивает.

Оги хмыкнул и передал мне виски. Мне подумалось, что Оги Грейн — добрый малый, не потому, что угощает меня за счёт заведения или что предлагает возможность походя заработать пять тысяч долларов. Просто он был из тех, кого нельзя не полюбить. Теперь я понимал, что имела в виду Эстелла и почему она так свободно ему открылась. Разве я только что вёл себя иначе? По-моему, совсем немного есть людей, делающих большие деньги на делишках вроде игорного рэкета, и в то же время настолько к себе располагающих.

А возможно, подумал я, дело заключалось в Тоби Дэгоне. Общение с тем сортом людей, которые вовлечены в игорный рэкет, требует жёсткости, а Тоби её было не занимать, потому-то этот Тоби, чью жизнь однажды Оги спас, и руководил этим рэкетом непосредственно. Пронеслась мысль, что Тоби, вероятно, проделывал чёртову уйму непотребных вещей, не ставя Оги в известность, — может быть, даже нечто наподобие похищения дяди Эма. Но не был ли я несправедлив? Без содействия Оги такое алиби у Тоби не выгорело бы. Оги перезвонил ему в Гэри, и Тоби оказался там, ведь Оги несомненно признал голос Тоби по телефону.

— Ну, вздрогнули, — сказал Оги. — Или так: за благополучное возвращение твоего дяди!

Мы выпили за это, и Оги продолжал:

— Могу ещё чем-то тебя просветить, раз уж такой разговор?

— Если это всё связано с числовыми лотереями, то мне следует понять, как действует числовой тотализатор. Как должен поступать один из тех, кто держит у вас тотализаторы, чтобы вы теряли деньги — без того, чтобы выйти из-под вашей протекции. Речь ведь не об этом, я полагаю.

— Не об этом. Арестов не более обычного. — Оги нахмурил лоб. — Это борьба без правил, Эд; я точно не знаю, как это делается. Но никакой подтасовки. Знаешь, как бывает при подтасовках, сталкивался?

— Не вплотную.

— Все крупные числовые тотализаторы, Эд, осуществляют расчёт на основании количественных показателей, ежедневно появляющихся в газетах. Некоторые используют данные от Справочно-информационного центра, другие — от Казначейства США, прочие — вероятности ставок взаимных пари при некоторых курсах. Мы используем курсы акций — количества тех, что повысились, понизились и остались неизменными. Конечные цифры каждого из трёх количеств. Допустим, страница, отведённая фондовой бирже, показывает, что сорок акций поднялось, семьдесят две понизились, а курс восьмисот шести не изменился; тогда ставка, которую мы оплачиваем в этот день, это ставка на цифры ноль-два-шесть. Количественные данные даются таблицами в газетных колонках, откуда наши клиенты и узнают, выиграли они или нет.

— И вы платите пятьсот к одному, если выпадает? — спросил я.

— Платим. Разумеется, реальная вероятность, что выпадет, — тысяча к одному, но не забудь про комиссионные распространителям, накладные расходы и всё, что мы платим за заступничество. Я держу честный банк, и моя прибыль составляет десять процентов от розыгрыша. До сего дня, я хотел сказать.

— Вы собирались рассказать мне про подтасовки, — напомнил я.

— Ах, да. Раньше, когда игра ещё не была так хорошо организована, один тотализатор мог обанкротить другой, внедрив подставное лицо в наборную или в верстальный цех местной газеты и поручив ему периодически подправлять количественные данные, за которые банк-конкурент и платил. Периодически — этого оказывалось достаточным при выплатах пятисот к одному. Людям подсказывали, какие количественные данные вот-вот появятся в газете, и тот банк в данный день выплачивал чрезмерно много.

Наилучшим образом это действует лишь в городках с одной газетёнкой, ну двумя в крайнем случае; в городе, подобном Чикаго или Нью-Йорку, проделывать такое нелегко, поскольку если в газетах не будет согласия, это сразу же бросится всем в глаза. Но даже и в первом случае я от этого защищён. Количественные результаты я получаю из первых уст, по телеграфу из Нью-Йорка, и сверяю с газетными. А в источнике, разумеется, эти результаты не подменишь: там их без конца перепроверяют, да и слишком много глаз за ними следит.

— Насколько упал ваш доход? Это ведь не может быть простая полоса невезения, правда же?

— Только не так долго! Тотализатор у нас невелик, если рассматривать числовые тотализаторы. Он охватывает лишь данный район — южную часть Петли и сразу к югу за Петлэй. Наш средний улов — примерно десять тысяч долларов в день, а потому по закону больших чисел наши выплаты должны быть в пять тысяч. И вот уже с месяц как они составляют все шесть.

Я говорил уже, что мой барыш — десять процентов, а это при условии среднестатистических выплат. Если выплаты повысились на означенную сумму, я фактически остаюсь при своих. В последний месяц так и было. И по закону больших чисел — а для каждого держателя тотализатора, Эд, это первейший закон — я лишился тридцати тысяч долларов, недополучил их.

— А что вы будете делать, если настанет такой чёрный день, когда большинство людей поставят на некоторое число, которое возьмёт и выпадет, и вам придётся выплачивать, скажем, сто тысяч баксов в один этот день?

— Естественно, я их выплачу. Но я закрою банк, если не найду того, кто меня разорил, и до тех пор, пока не выясню, как он это сделал.

— Я полагаю, вам известно, что представляет собой Тоби Дэгон. Нет ли, в самом деле, вероятности того, что он вас обжуливает?

— Я, Эд, не дурачок. Естественно, я его проверил. Не думаю, что Тоби этим занимается, но и такой возможности просмотреть было нельзя. Я не обнаружил такого способа, с помощью которого он мог бы нанести урон всей системе. Видишь ли, Эд, при нынешнем состоянии этой

системы Тоби вместе с продавцом квитанций и вместе с покупателем все трое должны войти в сговор, чтобы переиграть тотализатор.

Выплаты мы группируем, а потому нам известно, по сколько их приходится на билеты, проданные тем продавцом или иным. И получается, что они все должны быть в сговоре, и не только с Тоби, но и теми, у кого выигрышные билеты. А столько народу вовлечь в заговор невозможно, Эд, — обязательно будет утечка. Какой-нибудь из распространителей решит, что заработает больше, если придёт ко мне и всё расскажет. И уж он заработает! Я не могу вообразить такого изнутри, но чёрт меня возьми, Эд, если я могу вообразить такое и снаружи. Будь это так просто, я не предложил бы пять кусков за ответ. Ещё выпьешь?

— Разок, не больше. Не объясните ли, как действует механизм распространения билетов? И механизм выплат?

— Думаю, Тоби объяснит это лучше. Не то, чтобы мне не было известно, но предпочитаю, чтобы ты всё же от него услышал. Но послушай, только чтобы избежать трений — я имею в виду, между мной и Тоби, — не говори ему про те пять кусков, которые я тебе посулил. Он и так был зол как чёрт, что я предложил столько же Бергману за то же самое. — Оги хмыкнул. — Тоби — он вроде сторожевого пса моей казны. Иногда мне кажется, что он более меня заботится о моих деньгах. Моя щедрость его бесит.

— К кому-то ещё? — спросил я.

— По отношению к тебе, Эд, это не вопрос щедрости. Тоби работает за твёрдый процент от моего сальдо. А я рассказал тебе, каково моё сальдо за истёкший месяц. Вот почему Тоби даже более обеспокоен, чем я сам; у меня ведь ещё прибыль от «Голубого крокодила». Тоби живёт за счёт своего капитала, и я не думаю, что получает он много. Но ничего у меня не возьмёт, даже предложи я ему. — Оги встал. — Пойдём, я провожу тебя к Тоби и попрошу объяснить, что да как. Если он не ушёл.

Мы вышли из кабинета и спустились по лестнице. Остановившись в арочном проходе, мы оглядели зал. К нам тут же подошёл метрдотель — то есть, к Оги, разумеется.

— Тоби ушёл? — спросил его Оги.

— Да, сэр. Как спустился, то выпил одно виски и ушёл; просил передать вам, что собирается сразу идти домой, если вы пожелаете связаться с ним.

— О'кей, — проговорил Оги. — Познакомься, Джордж, — это Эд Хантер. Посади за хороший столик, пока я буду звонить Тоби. И никаких счетов, когда бы Эд ни закончил.

Джордж слегка поклонился и отвёл меня к столику неподалёку от эстрады; тотчас же он предоставил мне официанта, чуть ли не силой оторвав его от процесса обслуживания соседнего столика. Мне не хотелось того разочаровывать, а потому я заказал два виски той же марки, которую Оги недавно наливал мне наверху.

Оги вернулся, как раз когда принесли виски, что на этот раз не заняло и двух минут. Он сел напротив меня и взял своё.

— Твоё здоровье, Эд. Тоби только пришёл домой. Он устал и хочет отложить разговор, так что я договорился о вашей встрече здесь, утром в десять. Тебе подходит?

— Конечно. — Всё равно ведь, подумал я, ночью мне нечего будет делать с теми сведениями, которыми мог снабдить меня Тоби.

Оги хмыкнул.

— Тоби сказал, что если ты желаешь повидать его ещё сегодня, он вернётся, но я не думаю, что он будет от того сильно счастлив. Я обещал перезвонить ему, если тебе непременно захочется с ним сейчас говорить.

— Не надо, а то ещё невзлюбит меня, — ответил я. — Всё-таки, полвторого.

— Да и Тоби редко задерживается здесь так долго. За дела он принимается рано — в десять.

Ну, для меня десять утра не звучало слишком рано, но я вспомнил, что Тоби, возможно, работает гораздо дольше моего — это когда я отрабатываю нормальный рабочий день.

Оги поставил свой стакан и поднялся.

— Вернусь к себе наверх. Рад был, что ты зашёл, Эд. Оставайся, сколько захочешь.

Эстелла, со своим сигаретным лотком, стояла в проходе в зал, и мне было видно, как Оги приостановился, перебросившись с ней парой слов. Затем Эстелла подошла к моему столику.

— Сигареты, сэр?

— Ещё и той пачки не открывал, — отозвался я. — Да и с собой было; ты вынудила меня купить её, помахав той запиской под пачкой. Важная, чёрт возьми, там содержалась информация!

Эстелла невинно улыбнулась:

— В самом деле, Эдди?

— А может, и в самом деле. Лучше уж получить от тебя «Привет», чем наблюдать, как ты беседуешь с тучей моих знакомцев.

За эти слова Эстелла вновь одарила меня улыбкой, а затем села, всё так же положив свой поднос на пол.

— Оги велел мне малость тебя поразвлечь. Сказал мне, Эдди, что ты ему понравился.

— Это замечательно, — ответил я; тут и оркестр заиграл. — Потанцуем? Это сойдёт за развлечение меня?

— Сойдёт, Эдди, только, знаешь ли, во время танца я не люблю разговаривать. Так что скажи мне сперва: не сказал ли тебе Оги чего-нибудь важного? Такого, что бы тебе помогло?

Хотел бы я сам это знать!

— Тогда это казалось мне важным, теперь же просто не знаю... Оги полагает, что имеется связь между исчезновением дядюшки Эма и числовым рэкето́м.

— А почему он так думает?

Я рассказал ей, почему, и пока я рассказывал, сама эта связь стала казаться мне весьма зыбкой. Использование номера, где проживал Бергман, всё так же виделось простым совпадением, но, так сказать, не вполне случайным. А как неслучайность, это имело смысл лишь если сам дядя Эм оказался вовлечён в числовой рэкет. Более глубоко, чем как простой участник разговора в конторе Старлока. А дядюшку не могли настолько в него вовлечь, иначе он бы мне сказал.

Эстелла выглядела слегка разочарованной.

— Я думала, будет что-нибудь посерьёзнее. Оги так настойчиво желал тебя видеть! Я думала, у него есть для тебя настоящая зацепка. И он вроде бы так заинтересовался тем, что я ему рассказала, особенно когда я упомянула Ричарда Бергмана. Не может ли это Бергман оказаться этим... похитителем?

Я объяснил ей, почему это не Бергман.

К этой минуте мы пропустили два из трёх танцевальных номеров, и поспешили присоединиться к третьему. Танец был медленный, вальс в блюзовом стиле, и музыка приятная. Вообще оркестр Гарри Норта славился своим умением исполнять блюзовые вальсы. Правда, я более вслушивался бы в музыку, не прижимайся ко мне Эстелла так ласково и будь у неё вечерний костюм с закрытой спиной.

Когда мы вернулись за столик, я спросил Эстеллу, когда она заканчивает.

— Ещё не знаю, Эдди. Забыла спросить. Думаю, когда клуб закроется, но забыла спросить, когда это будет. Ты меня лучше не жди. Небось, весь день провёл на ногах?

— Поспал пару часиков в задней комнате нашего агентства, — сказал я.

— Тогда лучше ступай домой и хорошенько выспись. Мы, возможно, ещё увидимся, когда я вернусь.

— Возможно?

— Возможно.

Я не спорил. Эстелла, конечно же, была права в том, что сон мне необходим, а ведь скоро будет два. Итак, нужно было идти. Следовало поразмышлять над тем, что рассказал мне Оги Грейн, решить вопрос, существует ли связь между числовым рэкето́м и исчезновением дядюшки Эма. Я не переставая размышлял над этим, но чем больше думал, тем тоньше эта связь мне виделась.

Вот что единственное хоть как-то походило на правду: дядю Эма могли перехватить безвыборочно, просто при попытке дискредитировать Ричарда Бергмана либо подвести Бергмана под арест, тем самым устранив его с дороги того, кто покусился на банк Оги Грейна. Нет, смысла было тут немного, и если мотив всё же был таковым, временная привязка получалась неважная. Похититель должен был выбрать время, когда у Бергмана не было хорошего алиби, коли уж он вознамерился повесить преступление на него.

Я направился в агентство; оно находилось всего за квартал в стороне от дороги домой, и мне хотелось, чтобы там задокументировали всё то, что рассказал мне Оги. Каким бы маловажным это ни казалось, а уж пусть ляжет на бумагу. Размышлял я и над тем, что же именно не позволило Карлу Деллу поделиться со мной своими догадками, а вместо этого привело его к смерти. Старлок с Бассетом сейчас, должно быть, спали, а эти сведения не казались особенно важными, чтобы броситься будить кого-либо из них.

Когда я вошёл в офис, Джейн читала журнал любовной беллетристики. Она тут же сложила его и вопросительно взглянула на меня. Я покачал головой.

— Ничего серьёзного, Джейн. Просто, думаю, надо отчёт составить на случай... на случай, если утром я поздно освобожусь. — Я хотел было сказать — на случай, если со мной что-то случится, но это прозвучало бы по-дурацки.

— То есть, мне застенографировать?

— Если ты не против.

Блокнот у Джейн был наготове, и я надиктовал ей о том, что со мной происходило с тех пор, как я покинул агентство. Даже об убийстве Карла Дела. Я уже рассказал Старлоку всё, что мне было об этом известно, — за исключением числа четыреста двадцать, про которое Бассет спросил меня по телефону позднее, — но мне подумалось, что надо бы и в обычный отчёт это же всё занести, пока подробности свежи в моей голове.

Когда я заканчивал докладывать о разговоре с Оги, из служебного помещения вышел Эмиль, жмурясь от света.

— Услышал, вот, голоса. Что-то новое, Эд?

Я уже хотел ответить «Нет», но тут вспомнил, что ему неизвестно произошедшее с Карлом, а потому я кратко рассказал и добавил, что он сможет прочесть мой отчёт, когда Джейн его отпечатает.

Покидая агентство, я решил, что уже достаточно обдумывал всё, что мог обдумать сегодня, а потому взял до дому такси. Я смертельно устал, к тому же выпивка, которую я влил в себя в «Голубом крокодиле», хоть слабо да чувствовалась. Я об этом не жалел, поскольку, как я знал, это поможет мне уснуть. Домой я прибыл в без четверти три.

Вступив на лестницу, я услышал шаги над головой: то был ожидавший меня на моей лестничной площадке полицейский детектив, мне не знакомый. Дверь в комнату Карла была открыта, там горел свет, из чего следовало, что детектив разместился там на ночь и следил за всеми проходящими.

Я назвал себя, и он кивнул.

— Капитан мне о вас говорил. Вы ведь работаете над этим делом вместе с нами. Есть что-нибудь новое?

Мне подумалось, что он, должно быть, не настолько в курсе событий, чтобы пересказывать ему свой разговор с Оги, а потому я просто покачал головой. Спросил только, не говорил ли ему Бассет также и об Эстелле Бек.

— У меня есть список жильцов, и это имя в списке. Она — единственная, кто ещё не дома, а мне поручено спрашивать каждого, почему он явился поздно.

— Она допоздна на работе в ночном клубе, и я за неё ручаюсь. До утра ещё вернётся.

— Ладно, тогда допрос третьей степени к ней применять не будем. Чертовски скучно сидеть здесь одному. Зайдём, поболтаем?

Я ответил, что рад бы, но мне завтра рано вставать, и лучше выспаться.

— Ладненько, — ответил он. — Ну что ж, спокойной ночи. — Полицейский вернулся в комнату Карла, оставив дверь приоткрытой, чтобы слышать входящих с улицы.

Мне стало любопытно, как Эстелла выкрутится, если её «возможно» означало то, что означает «возможно» в устах женщины. Может, стоило позвонить ей и сообщить, что местечко под наблюдением?

Нет, не стоило.

Я вздохнул к себе и бросился на кровать. Должно быть, я заснул тотчас же, как моя голова коснулась подушки.

Но сон мой не был глубок, и голоса в коридоре — голос Эстеллы и голос детектива — меня пробудили. Я взглянул на светящийся циферблат своих наручных часов; было почти пять. Тусклый серый свет раннего утра просачивался сквозь два больших окна, выходящих на улицу.

Со стороны двери послышался шуршащий звук; я повернулся на спину и приподнял голову. На полу под дверью лежал сложенный лист бумаги. Дотянувшись до него, я услышал шаги Эстеллы, удаляющиеся по лестнице на третий этаж.

С листом бумаги я подошёл к окну, чтобы прочитать не зажигая света. Там значилось: «Привет, Эдди! Оги сделал мне предложение. Принять?»

Я накинул халат, сунул ноги в тапочки и вышел в коридор. В ту секунду, как я распахнул свою дверь, в дверях Карловой комнаты появился тот детектив; увидев меня, он усмехнулся.

— Кажется, в записке нечто важное по поводу этого дела, что тебе захотелось поговорить с ней, а?

— Вполне возможно, — ответил я. — Отметишь в рапорте, что я отправился наверх?

Он помотал головой.

— Ранее ты был слишком уставший для разговоров. Со мной поболтать не захотел.

— Я и так очень уставший для разговоров.

Он только прыснул, отправляясь назад в комнату Карла. На этот раз он закрылся, хотя я услышал, когда поднялся на один пролёт, как он снова приотворил дверь.

Глава 12

Старлок не велел приходить раньше восьми, а потому я появился в конторе лишь за пару минут до этого срока. Сам Старлок был на месте, и, по меньшей мере, уже минут десять, поскольку заканчивал читать мой отчёт. Увидев меня, он отложил бумаги в сторону.

— Хорошо поработал, Эд.

— И всё же, боюсь, это никуда нас не ведёт, — сказал я. — Чем больше об этом думаю, тем меньше у меня мыслей.

— Пусть так. Но я собираюсь ещё раз потянуть за эту ниточку. И поговорить с этим Ричардом Бергманом.

В свой отчёт я включил также то предложение, которое сделал мне Грейн, — пять тысяч долларов, если выясню, что не так с его числовой лотереей. И я спросил Старлока, что он об этом думает.

— Единственное, что тут плохого, это что тебе и впрямь захочется начать это выяснять. Если Оги прав, и тут действительно заключается часть ответа на вопрос, что случилось с Эмом, то ты и без специальных усилий это выяснишь. Вся трудность в том, что я не вижу такой связи. Или она слишком уж тонкая.

— И я так теперь считаю. Так мне отменить десятичасовую встречу с Тоби Дэгоном?

Старлок скорчил гримасу.

— Будь у нас другие зацепки, я сказал бы — да, отменить. А так — ведь нет же у тебя ничего лучшего.

Я согласился, что нет.

— А что касается денег, — продолжал Старлок, — то не вижу ничего предосудительного в том, чтобы тебе их взять, если они окажутся таким побочным продуктом решения той задачи, над которой мы сейчас работаем. Только заранее не пускай на них слюну.

— Не стану, — заверил я. — А как насчёт того, чтобы проверить алиби Дэгона в Гэри?

— И опять же: поскольку других дел у нас пока нет, можно и проверить. Я пошлю туда Эмиля. Он здесь неплохо выспался, — говорит, что просыпался лишь единственный раз, когда ты приходил. Я недавно отослал его вниз позавтракать. Вот сейчас вернётся, и ты дашь ему описание внешности Тоби.

— Фотография будет лучше. Может, у Бассета окажется одна?

Старлок покачал головой.

— Фрэнк говорит, что Тоби Дэгона никогда ни в чём не обвиняли. Арестовывался он довольно часто, но пришить ему что-либо никогда не удавалось. Так что ни фотокарточки, ни отпечатков пальцев, — ничего.

— Будет мне чем заняться до десяти?

— Здесь посиди. Вот-вот придёт Бассет. Сначала он отправился в Управление, но с минуты на минуту будет здесь.

Бассет и в самом деле пришёл минут через пять. Первым делом он прочёл мой отчёт, пропустив первую часть, где речь шла о том времени, которое я провёл в его обществе, но внимательно изучив то, что я выяснил в «Голубом крокодиле».

К тому времени, как он закончил, появился Эмиль Кразка. Старлок велел ему подождать с минуту и рассказал Бассету о деле, которое намеревался поручить Эмилю, спросив, не будет ли у Бассета каких предположений.

— Вчера вечером я звонил в ту гостиницу в Гэри, — сказал Бассет. — Их список звонков показывает, что некий мистер Дэгон, хотя они всё время называют его «Дрэгон»¹, сделал звонок в четыре-двадцать пять. После этого он приставил посыльного к телефону, дав ему какое-то поручение; посыльный запомнил всё из-за этой фамилии «Дрэгон», как они все его зовут. На звонок ответили, но описанию этого человека, полученное от посыльного, просто прелесть: между двадцатью и шестьюдесятью и этак пять-шесть футов ростом; без ни костылей и даже без тросточки. Хотя, если вам угодно залезать в эти дебри, могу подсказать, как поступить лучше.

¹ Дракон.

— И как?

— Несколько лет назад у Дэгона были неприятности, и одна из вечерних газет, забыл какая, поместила его фотографию. Не постановочный снимок; какой-то их собственный фотокорреспондент тайком сфотографировал. Не думаю, что это стоит трудов, поскольку у Дэгона нет никаких мотивов, чтобы быть замешанным в наше дело, но если пошлётё сотрудника просмотреть газетные подшивки, то в чьём-то архиве этот снимок и отыщется. Тогда посыльный в Гэри сможет идентифицировать снимок, и словесное описание ему не понадобится.

— Эмиль, — произнёс Старлок, — ты ведь читал отчёт Эда и владеешь информацией?

— Разумеется.

— Тогда отправляйся.

Эмиль отправился. Бассет же сказал, что собирается начать с «Гаррисон мьючел», осмотреться на территории, закреплённой за Карлом Деллом, и попытаться отследить звонки Карла начиная с того часа, как он покинул меня вчера утром, и до того времени, как вернулся домой, — то есть, до пяти. Бассет признал, что многого не ждёт, поскольку события, относящиеся к Карловой смерти, случились, вероятно, уже после того, как мы виделись с ним в пять. Но таков был порядок, и следовало исполнять. С тем Бассет и ушёл.

Я вновь заинтересовался у Старлока, не будет ли и мне чем заняться до назначенной встречи с Тоби Дэгоном.

— Нечем, — ответил Старлок, — если тебе не хочется вновь просмотреть все эти дела, над которыми работал Эм. Правда, я уж и так их как решето просеял, и ты также их изучал. Да, кстати, — Бассет навёл справки на тех двух ребят, сидящих в тюрьме, — единственных, кто мог реально иметь зуб на Эма, поскольку он тому и поспособствовал. Они всё ещё отбывают срок.

— Ясно, — сказал я. — Поубиваю время над этими делами. Но — после встречи с Тоби? Я имею в виду, — если не получу от него никакой стоящей зацепки?

— Я уйду почти в одно время с тобой; собираюсь в «Грешам», потолковать с этим Ричардом Бергманом. Сейчас слишком рано, но если он не встаёт раньше десяти, так я его подниму. А после — давай вновь встретимся здесь. Вместе ходим на ланч и, если не представится ничего лучшего, вдвоём отправимся в городской суд и там убедимся, что алиби Бергмана для четырёх вечера среды стопроцентное.

Я взял папку с делами в служебное помещение и с час их изучал — как и предсказывалось, с минимальным успехом. Подошло время, и я отправился в «Голубой крокодил». Там было, разумеется, заперто, но я отыскал служебный вход и позвонил. Спустя минуту мне открыли; я объявил, что у меня встреча с Тоби Дэгоном. Открывший спросил моё имя, а услышав его, произнёс: «Верно, мистер Дэгон вас ожидает. Знаете, как пройти в его кабинет?»

— Я знаю, где кабинет мистера Грейна. Тоби сидит там же?

— Нет, следующая дверь.

Открывший не стал меня провожать. Я нашёл нужную дверь и постучал. Тоби отозвался из-за двери, и я вошёл. Его кабинет был шикарнее, чем у Оги; сам Тоби Дэгон восседал за большим столом красного дерева. В кабинете были ещё двое; оба стояли перед его столом. Я решил, что это распространители билетов, и сейчас они сдают билеты и выручку.

Тоби поднял на меня взгляд и произнёс:

— А, Хантер; одну минуту. — Вновь обратившим в стоящим перед ним, он проговорил: — Это, Джо, тебе зачтётся. А ты Слим, если хочешь, чтобы мы покончили и я расплатился сегодня же, подожди там, в зале. Или поди к Оги, можешь там посидеть.

На меня распространители не обратили ни малейшего внимания. Один из них вышел в ту же дверь, через которую я вошёл, а другой — в дверь, соединявшую оба их кабинета — Оги и Тоби.

— Ну вот, Хантер, присаживайся, — сказал Тоби. — Итак, что же ты, собственно, хочешь знать?

— Идея была Грейна, не моя, — ответил я. — Он думает, что между потерей денег вашим тотализатором и тем, что случилось с моим дядей, Амброзом Хантером, имеется связь.

— Ты тоже так считаешь?

— Честно говоря, нет.

— Так не трать ли ты время понапрасну?

Я согласился, что трачу. Но лучшего способа тратить время у меня не было. Грейн ведь мог оказаться и прав, почём знать.

— Вот именно — почём знать. — Дэгон даже плечами пожал. — Чёрт меня возьми, если я знаю, при чём тут твой дядя, но я и в самом деле ума не приложу, отчего мы теряем денежки. Разве что кто-то принимает ставки в обход нас. А ведь непохоже, чтобы это так долго происходило вопреки процентному соотношению. Не отрицаю, что это меня тревожит.

— И всё же вы не согласны с Грейном?

Тоби провёл рукой по волосам.

— Нет, не согласен. Думаю, что мысль обратиться в детективное агентство была безумием. И ещё более сумасшедшая мысль — это детально рассказать о нашем бизнесе частному детективу. Но тут Оги хозяин. Велел быть с тобой откровенным! Так что ты хочешь знать?

— Да просто весь механизм. Как билеты передаются в руки и как производятся выплаты. Как они выглядят, эти билеты. Возможно, проще всего мне будет купить такой билет. Вы их продаёте? Здесь, в розницу?

— Как сказать, — и да, и нет. Я лично их на руки не выдаю, но многие наши завсегдатаи — те, что заглядывают в «Голубой крокодил», — знают, чем я занимаюсь; пожелают получить билетик, и я продам. Но такое случается лишь изредка, и я не получаю комиссии, как прочие распространители, просто долю в чистом доходе. Так ты говоришь, что желал бы немедленно купить билет и посмотреть, как всё происходит?

— Да, желал бы.

— Тогда Слим в соседней комнате. Я скажу ему, чтобы продал. — И Тоби позвал: — Слим!

Человек, ранее удалившийся в кабинет Оги Грейна, вернулся, и Тоби предложил ему продать мне билет.

— Охотно, — сказал тот. — На какую сумму?

— Какие номиналы в ходу?

Слим пристально посмотрел на Дэгона, и Дэгон кивнул в ответ.

— От двадцати пяти центов до двадцати долларов, — сказал тогда Слим. — Больше всего у меня в полдоллара и в доллар, есть в два и в пять долларов. Выше пяти — совсем немного.

Я вынул из бумажника пятидолларовую банкноту.

— За пять долларов, пожалуйста. И если я угадаю, это принесёт мне две тысячи пятьсот, верно?

— Совершенно верно. По пятьсот к одному для любого номинала. — Слим вынул из кармана билеты и выбрал один, на котором было отпечатано «Пять долларов». Я увидел, что билет двойной, подложен прикреплённой по верхнему краю копировальной бумагой. На билете значился также серийный номер и дата — сегодняшнее число.

Слим взял мои деньги, мне же протянул билет.

— Впишите вот здесь любой номер от трёх нулей до девятьсот девяносто девяти. Или я за вас впишу.

— Впишите вы, — сказал я. У меня появилось желание назвать то «счастливое число», которое принесла Карлу Деллу его астрология. Захотелось увидеть выражение лица Тоби Дэгона. Ведь должно же было это число указывать на что-то или на кого-то, раз из-за него, возможно, Карла Делла и убили. Я даже приготовился, случись что, мгновенно сунуть руку за пазуху, к кобуре, которую предоставил мне Старлок. Разделять судьбу Карла, когда можно было этого избежать, я не собрался.

Я притворился, что затрудняюсь с выбором числа наугад. Поводил взглядом по сторонам, затем вновь взглянул прямо перед собой и поймал взгляд Тоби.

— Ну, пусть будет четыре — два — ноль. Четыреста двадцать.

И ничего не случилось, — только карандаш проскрипел о бумагу. Ни малейшего проблеска удивления или иного чувства в глазах Дэгона, ни движения мускула него лице. Что бы о Дэгоне ни говорили, а данное число ничего для него не значило.

Слим разорвал билет по сгибу, квитанцию протянул мне, а вторую часть, корешок, спрятал в карман; теперь у нас обоих была запись, на которой значились — в печатном виде — дата, величина ставки и серийный номер, а также — рукою Слива, хотя могло быть и моей — выбранное мной число.

— Ну, вот, Слим, — проговорил Дэгон. — Ступай теперь к Оги. Я приду через пару минут.

— Спасибо и на том, — сказал я, когда Слим удалился. — И что теперь?

— Когда будет подходить срок, Слим сдаст корешки мне — но чтобы оставалось ещё время до закрытия Нью-Йоркская фондовой биржи. Он вернёт как нераспроданные билеты, так и корешки от проданных. Я же дам ему пачку билетов на следующий день. Он сдаст и деньги — кроме своей доли — за те, что продал.

— А если четыреста двадцать выиграют, как мне поступать?

— И вот, если ты покупаешь билет обычным путём, то нужно идти к Слиму; если ты один из его постоянных покупателей, то знаешь, где его найти. И он устраивает выплату.

— Не сам её производит?

— Не сам, если ставка превышает пятьдесят центов. Большинство наших людей имеют при себе достаточно денег, чтобы выплатить ставку в четверть доллара, что составляет всего лишь сто двадцать пять долларов — и даже ставку в пятьдесят центов. Когда же доллар и более, что означает выплату суммы от пяти тысяч, — они назначают особую встречу. И тогда мы с распространителем вместе отправляемся на встречу с везунчиком и платим ему. Проверяем его квитанцию по корешку, который распространитель ранее вернул; они должны друг другу соответствовать. Распространитель убеждается в соответствии серийного номера квитанции таковому на корешке, и мы оба сверяем вписанное число. Если всё в порядке, я плачу деньги.

Лично мне всё тут казалось простым и ясным. Способ, которым это проделывалось, для обжуливания тотализатора требовал соучастия троих: покупателя, распространителя и Тоби. Это можно было проделать разок-другой при больших суммах, но не постоянно на малых. Три двадцатидолларовых ставки как раз выливались в тридцать тысяч долларов, на которые был обчищен числовой кон Оги Грейна. Я задал вопрос про десяти- и двадцатидолларовые ставки.

— Так уж вышло, — сказал Тоби, — что за последний месяц нам не приходилось выплачивать двадцатидолларовых ставок. Мы не продали таковых много. Двадцать долларов — это крупная ставка при пяти тысячах к одному. Мы выплатили три десятидолларовых за месяц — но это в рамках закона больших чисел; мы продали чуть ли не тысячу пятьсот десятидолларовых билетов, так что... в общем, теоретически выпасть должно было полтора из них, и выпало три. Такое часто бывает. А в следующем месяце, возможно, и вовсе десятидолларовых не выпадет.

— Вот вы говорите, что большая часть ваших потерь — либо, значит, недополучение прибыли — случается вследствие того, что оказываются выигрышными слишком много малых ставок?

— Это так. Главным образом, номиналы в один, два и пять долларов. И Оги, возможно, уже тебе сказал: большинство — не от одного и того же распространителя. По всей линии.

— А выполняет ли Оги Грейн сам какие-либо платежи напрямую? Или ходит с вами на встречу по выплате?

— Он в этом не участвует. Но когда дела наши пошли наперекосяк, я предлагал ему сходить на пару таких встреч (выборочная проверка, я имею в виду, и пусть бы сам выбрал, с кем из распространителей идти) или даже отправиться платить вместо меня.

— И он соглашался?

— Частенько, в последние пару недель.

А это означало, подумал я, что Оги не столь уж и доверяет Тоби, как это казалось. Оги мне об этом не рассказывал.

Я попытался вспомнить ещё что-то, о чём следовало бы спросить, но ничего не придумал. Во всяком случае, ничего такого, на что можно было получить прямой ответ.

А потому я встал и поблагодарил за разговор. Заодно и сунул в карман сложенную квитанцию. Она ведь, возможно, стоила две с половиной тысячи долларов. С математической же точки зрения, куда котировки Нью-Йоркской фондовой биржи на сегодня ещё только обозначаются, цена ей была два доллара с половиной.

Без каких-либо особых причин, — разве что было слишком рано, чтобы отправляться на ланч со Старлоком, я остановился в ожидании на другой стороне улицы и несколькими подъездами далее, пока не увидел Дэгона и Слива, выходящих из служебного входа «Голубого крокодила». Пойди они пешком и недалеко, я бы за ними проследил. Однако они сели в автомобиль, который тотчас тронулся с места. Старая колымага, должно быть принадлежащая Слиму, поскольку именно он сел за руль, да и вообще имей машину Дэгон, то наверняка уж новую и щегольскую. Драндулеты не для таковых. Наше агентство располагалось всего в нескольких кварталах, так что я пошёл пешком. Прибыл я в самом начале двенадцатого, опередив Старлока. Я справился у Мод,

дневной стенографистки, не звонил ли кто, не произошло ли чего, а затем направился было в заднюю комнату, когда зазвенел телефон — Эмиль Кразка звонил из Гэри. Я бросил Мод, что сам поговорю, поскольку Старлока ещё нет.

— Тут, Эд, всё без вопросов, — объявил Эмиль. — Посыльный признал фотографию, так что мне думается, что Тоби Дэгон был в Гэри в тот час, когда Эма похитили.

— Ясно, Эмиль, — сказал я. — Полагаю, что самое верное для тебя сейчас — это возвращаться. А тот парень уверен?

— Верняк. Выбрал нужную фотографию из полудюжины. Мне ведь всё равно надо возвращать это фотографию Тоби Дэгона, так что я набрал фоток побольше. Слушай, — раз уж я здесь, то не выяснить ли мне, чем Дэгон занимался в Гэри?

— Не думаю, что это имеет значение, раз мы знаем, что он там был.

— Ладненько. Но вначале я верну фотографии в газету, а уж после — сразу в контору. Ну, возможно, поем, прежде чем засесть за отчёт. Скажи Бену, что буду я к часу либо к полвторого.

Я пообещал, что скажу, и отправился в заднюю комнату. Там был Джо Стрейтор, он раскладывал тот самый пасьянс, на котором и мы со Старлоком пробовали свои силы, то есть просматривал те дела, которыми некогда занимался дядюшка Эм.

— Вот и Эд, — проговорил Джо. — Слушай, а ведь тут не хватает по меньшей мере одного дела. Из тех, что остались незаконченными. У Эма не хватило времени написать отчёт о том, над чем он работал в среду. Он отсутствовал весь день, пока не отметился около четырёх, тогда-то Бен и послал его в «Грешем», почти сразу же, как тот объявился в конторе.

— Старлок сказал, что дядя Эм доложил всё на словах и что ничего ценного там не было. Но я его ещё расспрошу, конечно, — в полдень мы вместе идём на ланч. Всё равно там вряд ли будет зацепка.

— Может, и не будет, но почему, всё же?

— Потому что Старлок не глуп. Он знает, чем занимался дядя Эм, и если бы там была какая-либо опасность, он бы первым о том подумал. Но я поговорю со Старлоком. Спасибо за мысль.

Оставив Джо просматривать дела, я вернулся в приёмную, желая поговорить с Дейном Эвансом, старшим клерком, про числа. Я порасспросил его, как и где он покупал свои билеты и как происходили сделки. Это не была точь в точь система Грейна — Дэгона; отличия бросались в глаза. Дэйн играл почти каждый день, но обычно всего лишь на четвертной или на полтинник. Изредка и на доллар, если появлялось «чувство», что число верное. Было, однако, очевидно, что его чутьё подводит; он выиграл единственный раз и по ставке в четверть доллара. По моей просьбе он произвёл подсчёт, и выяснилось, что за последние пару лет в числовую лотерею он просадил примерно двести пятьдесят долларов, а вернул в точности сто двадцать пять.

Дэйн бодро объявил, что это полностью соответствует вероятности два к одному в пользу тотализатора, а затем добавил с ухмылкой:

— Ты не забудь, Эд, что у меня за эти сто двадцать пять долларов все два года было обеспечено возбуждение!

Я показал ему пятидолларовый билет, который приобрёл на число четыреста двадцать; он присвистнул.

— Азартно играешь, Эд! Но я тебя не виню. Я ведь и сам отдал за это число два доллара, и это в первый раз, когда я более чем на доллар раскошелился.

В эту секунду меня вдруг бросило в жар: появилась уверенность, что нечто меня осенило, но затем я вспомнил, что то, «вычисленное» Карлом Деллом, счастливое число фигурировало в отчёте, который я надиктовал Джейн этой ночью; Дейн, естественно, прочёл копию отчёта. И как мне было винить его за то, что он поставил два доллара на число Карла, когда я сам поставил на него пять? У меня, конечно же, было то оправдание, что мне понадобилось купить билет лишь для того, чтобы выяснить, как действует вся система, но ведь я мог столь же просто купить и двухдолларовый билет.

Старлок пришёл почти точно в двенадцать, и я рассказал ему о звонке из Гэри. Джо Стрейтору он приказал оставаться на месте, пока Эмиль не отпишется, и мы отправились на ланч. По выходе из конторы он мне сказал:

— Поедим, Эд, как следует. Я чувствую себя отвратительно, и хорошая жратва, возможно, меня взбодрит. Что-нибудь интересное от Дэгона услышал?

— Ничего, что могло бы помочь.

— Как и я от Бергмана. Должно быть, Грейн приказал ему ничего от нас не скрывать, если мы к нему заявимся. Как бы то ни было, на вопросы он отвечал охотно, и всё сказанное им, в общем, совпадает с тем, что мы узнали о нём и об Оги, а также о числовых лотереях. И ведь всё достойные люди, чёрт бы их побрал! Если бы хоть один сообщил нам нечто такое, что не совпало бы с тем, что сказал нам кто-то другой, чтобы стало ясно, что один из них врёт и нечто попало к нам в зубы. А, кстати говоря, как насчёт стейка?

Мы вошли в ресторан, в котором вечером накануне с Бассетом почти что поужинали, то есть к «Жийяру».

История не повторилась; мы заказали ланч, получили его и съели, — всё беспрепятственно.

— Бассет обещал заскочить в контору около пяти. Приведём его сюда на обед, после того как всё обсудим. И к слову: ты выставил агентству счёт за те гамбургеры, которые этой ночью покупал, да и за то, что потратил в «Голубом крокодиле»?

— А в «Крокодиле» мне и не дали ничего потратить. Всё было за счёт заведения. Что же до гамбургеров, то я думаю покрыть их стоимость вот этим выигрышем.

Я показал Старлоку купленный мной билет, и он рассмеялся.

— Пару баксов я бы на это ещё оторвал от сердца, а вот тебя и впрямь охватил азарт. Дейн спустил от моего имени два доллара, да два от своего, и другие, я думаю, не отстали. Да, денёк для числового тотализатора выдался бы чёрный, если бы Карл Делл знал, что говорит. Неужто в каждом из нас ещё живут суеверия, а? У меня на два доллара, а у тебя и на все пять.

Я пытался защититься против такого предположения, объясняя, что хотел сделать свою ставку повнушительнее с целью увидеть на Дэгоновом лице реакцию на «загаданное» мной число. Старлок хмыкнул.

— Толковый ответ. Но я докажу, Эд, что ты врёшь мне в глаза: хочешь, сейчас предложу тебе три доллара за этот пятидолларовый билет? Ведь ты окажешься даже в прибыли, а в лицо Тоби ты уже взглянул, коли купил этот билет лишь с этим видом.

Я убрал билет назад в карман и признал, что лгу ему в глаза. Собственно, этому факту я и сам подивился; а ведь не шутя полагал, что не суеверный.

Я спросил Старлока, всё ли мы собираемся отправиться в суд проверять алиби Бергмана. Старлок скорчил гримасу.

— Глупо, Эд, хотя и можно. По Бергману было видать, что он не плутует. Но что нам ещё остаётся? Если только Бассет не явится с чем-то или, если это окажется чем-то горячим, он раньше нам не позвонит; а до пяти часов нам о том не узнать. Я лучше пойду в суд и потрачу время там, чем останусь киснуть в конторе.

Я сказал, что того же мнения. Но тут я вспомнил то, о чём упомянул при мне Джо Стрейтор, и спросил Старлока, над каким делом работал дядя Эм до четырёх в среду, в день своего исчезновения.

Старлок покачал головой.

— Пустое, Эд. Я покажу тебе то дело — всего одну страничку, — как придём в контору. Но это пустое.

Глава 13

Старлок вновь позвонил в контору — проверить, нет ли новостей; их не было. Мы отправились в здание суда; там-то Старлок и показал мне, что такое подсобная, чёрная работа по сличению показаний. Мы разыскали тех четверых, кто, по нашим сведениям, должен был разговаривать с Бергманом в среду после полудня, и все они подтвердили, что такой разговор происходил уже под конец дня. Но Старлок упорствовал, покуда мы не нашли также и того, кто был способен назвать нам точное время, — во всяком случае, в пределах пяти минут. Названное им время — четверть пятого, так-то вот.

Мы вернулись в контору; там всё было по-прежнему. Двое — Эмиль и Джо — бездельничали в задней комнате; остальные трудились над другими заданиями. Поисками дядюшки Эма не занимался никто; для таких поисков не осталось ни единой зацепки. Нельзя же, в самом деле, сыщикам просто слоняться взад и вперёд по городу в надежде повстречать пропавшего на улице. Я сказал Бену, что раз уж мы оба в конторе, он мог бы поручить Эмилю и Джо другую работёнку, но Старлок отказался.

— Прорыв, Эд, рано или поздно обязательно случится, — сказал он. — Не может человек взять и пропасть, а другой оказаться убитым, чтобы и ряби на воде не появилось. Уж круги пойдут, и нас они обязательно достигнут. Мне нужно побольше людей, чтобы они могли тотчас ринуться по всем направлениям, как только отыщутся какие-нибудь следы.

— Мне чем заняться? Я хочу сказать, — теперь?

— Ступай к Джо и Эмилю да сыграй с ними в «пьяницу». Если чего-то не случится раньше, ничего нам всем не остаётся, как ждать до пяти, когда Бассет придёт. А сейчас уже половина четвёртого.

— О'кей, — сказал я. — И всё же расскажите мне о том задании, над которым работал дядя Эм в среду до четырёх. Вы обещали, когда мы сюда придём.

Со вздохом Старлок произнёс:

— Тогда садись. То было всего лишь дело об угоне для кредитной компании Бартлетта. Парень по имени Томас Рейнал пришёл к ним восемь месяцев назад с заявлением о предоставлении кредита на покупку машины. Нужно ему было всего три сотни баксов, а это значит, что машина стоила не более пяти сотен, пару сотен из которых он заплатил наличными (цифры они нам предоставили, но я их не помню точно).

Выплачивал Томас Рейнал по четверному в месяц плюс проценты на остаток задолженности, и за год расплатился бы полностью. Платил он уже восемь месяцев, так что оставалась какая-то сотня да проценты. Но вот он сбегает на машине из города, и от Бартлетта приходят ко мне с просьбой отрядить для них сотрудника на один рабочий день, — посмотреть, сможем ли мы выйти на след. Для них это, в основном, дело принципа: не любят они, когда от них бегают.

— У него могли быть и другие причины для бегства, — сказал я, — не обязательно ради машины: ведь тогда он исчез бы раньше.

— Именно это и выяснил Эм. Дело заключалось в оставлении жены. Грубо говоря, парень просто сбежал из дому, а машина — она лишь подвернулась под руку. На ней он и дёрнул.

— А банковский счёт?

— Такового не оказалось, по словам Эма. Но накануне побега он назанимал у разных людей. И забрал с собой практически весь свой гардероб в двух чемоданах, — жена в это время была на работе.

— Есть ли хоть какая-то возможность, — спросил я, — что это не просто случай оставления?

— По словам Эма, это всего лишь оставление. На выяснение он потратил весь день — вплоть до четырёх пополудни. Сперва он поговорил с женой Рейнала, затем опросил массу его близких и знакомых; в результате объявил мне, что никаких закавык тут нет.

— Его жена подала заявление?

— Нет, она сочла, что это и лучше. Заявила, что и так хотела уже с ним разводиться, так что ну его.

— С работы он уволился?

— Эд, ничего на этом не возвести, — сказал мне Старлок. — Нет, ни с какой работы он не увольнялся. Вот уже месяц, как он вообще не работал.

— А когда работал, то где?

— Да не знаю. Полагаю, что Эм это выяснил и указал бы в своём отчёте, если бы имел время его написать, а мне он не говорил. К заданию он приступил в восемь-тридцать, а вернулся в четыре — ну, или за несколько минут до. Пришёл он, значит, в контору, и я его спросил: «Что-нибудь удалось?» А он ответил: «Нисколько» — и рассказал мне всё то, что я пересказал сейчас тебе. После этого он прошёл в заднюю комнату, собираясь до пяти закончить свой отчёт. Но тут почти сразу позвонил этот Амброз Коллекционер, я вновь вызвал Эма, и он так и не приступил к отчёту.

— Точно ли он даже не начинал?

— Когда я вызвал его, желая отправить в «Грешам», я спросил, начал ли он свой отчёт, и он ответил отрицательно — дескать, его авторучка не писала, он трудился над тем, чтобы её заправить, и ничего написать не успел.

— А каких-нибудь заметок не оставлял — чего-нибудь такого, на основании чего собирался писать отчёт?

Бен покачал головой.

— Если у него и были какие-либо заметки, то остались у него в кармане.

— А вы разве не отчитывались потом перед компанией Бартлетта? — спросил я. — Они же не заплатят вам за рабочий день без детального отчёта.

На это Старлок сказал:

— Хорошо, что ты мне напомнил. Я, Эд, совершенно про то забыл, но ведь я могу позвонить им и пересказать всё услышанное от Эма. Расскажу, что у меня тут произошло, и не стану требовать платы за день труда, поскольку не смогу вручить им отчёт, написанный рукой моего сотрудника. Но, поддерживая дух добросовестного сотрудничества, я задаром изложу им всё выясненное.

— А это срочно?

— Не думаю. Вряд ли, из-за сотни-то баксов.

— Тогда не звоните им пока что, Бен. Вы даже сможете истребовать эти деньги, поскольку я сам собираюсь проделать ту же работу завтра с утра. И пока у нас нет другой зацепки, я собираюсь начать в то же самое время, что и дядя Эм, и проделать всё в том же порядке: сперва поговорить с женой беглеца, выяснить, какие она назвала моему дяде имена и адреса, затем обойти их всех, как обошёл дядя Эм. Нужно лишь узнать, в каких местах он побывал и в котором часу.

Старлок с минуту размышлял.

— Что ж, терять нам всё равно нечего. Если только, как ты сам сказал, к утру не выяснится что-нибудь ещё. Вероятно, мне и самому следовало о таком подумать. Да я бы и подумал, не доложи мне Эм на словах, к тому же с уверенением, что никакого другого криминала за беглецом не числится. Да неужели же задание найти человека, недоплатившего всего сотни баксов за машину, на которой он сбежал из города, вылилось в... в то, что произошло!

— Да, в это трудно поверить, — признал и я. — Дело кажется простым, любителю под силу, всё так. Но предположим, что занимаясь им, дядя Эм столкнулся с чем-то, что было не в пример серьезнее.

Старлок взглянул на меня с сомнением.

— В таком случае Эм рассказал бы мне об этом. Ведь пару минут мы же с ним разговаривали! Ну да ладно, Эд: если не будет новых зацепок, то завтра ты пойдёшь по следам этого Томаса Рейнала. Действуй, конечно, как сочтёшь нужным, но я бы рассказал тебе, как бы принялся за дело я.

— Как?

— Я бы не искал твоего дядюшку Эма, а просто занялся поисками Рейнала. Ты им скажи, — когда встретишься с его женой или прочими, с кем ещё там встречался Эм, — дескать, да, другой оперативник уже вас расспрашивал, но он бросил работу; ни отчёта не оставил, ни расчёта не потребовал, так что тебе приходится проделать всё заново. В случае, если они ещё помнят, что фамилия того сотрудника тоже была Хантер, назовись по-другому и притворись, что интересуешься одним лишь Томасом Рейналом. Именно так — если Эм в действительности на

нечто натолкнулся — ты, скорее всего, и натолкнёшься на то же самое, а не бродя с расспросами, куда мог подеваться твой дядя.

Звучало убедительно, и я согласился. Я спросил Бена о папке по Томасу Рейналу, чтобы переписать себе в блокнот все те сведения, с которыми и дядя Эм начинал работу утром в среду. За ней Старлок отправил меня к Дейну Эвансу.

С этой папкой я прошёл в заднюю комнату. За одним из двух столов Эмиль и Джо играли там в «пьяницу»; я уселся за второй стол и принялся переписывать из папки в записную книжку. Писать особо было нечего. В папке находился всего один лист писчей бумаги, из тех, что Бен держал на своём столе, чтобы делать пометки в ходе телефонных переговоров, происходивших в те минуты, когда рядом не было Джейн, которая бы их застенографировала. Пара строк рукою Бена, и значилось там вот что:

«Бартлетт — Томас Рейнал, Бривик-стрит, 682, кв. 7 — посл. место раб. бар «Конура», Кларк-стр. Трансп. ср-во шевроле 38, сер. номер 1987-B6729, гос. номер 341-294; стоим. 500 кред. 300. Долг 100 плюс проценты да пеня; обращаться к Джас. Дженнингсу, адрес тот же, кв. 2, шурин В-м Демминтон, повер-й в суде, Корвин-билднг. Уполномоч. на 1 день».

Вот и всё; я списал слово в слово, все сокращения. Дядюшка Эм, скорее всего, поступил так же в среду утром.

Я отнёс папку Дейну. Через дверь, ведущую в кабинет Старлока, я заметил, что тот сидит в своём кресле неподвижно, уставившись в потолок, а потому я вошёл в нему и сказал:

— Переписал всё в точности. Больше ничего нигде не было? Что-нибудь такое, что вы не озаботились записать, а сообщили дяде Эму устно, когда давали ему эти заметки?

— Да вроде бы нет; ты уже вернул папку?

— Здесь у меня всё, что и в ней. Только что моей рукой записано, а не вашей. — И я предъявил Старлоку страничку своего блокнота; тот внимательно её просмотрел.

— Пожалуй, единственное, что я не записал, так это что тот парень не внёс последнего платежа и они ему позвонили. Ответила его жена; она сказала, что он удрал из города, что она не знает, где он, и знать этого не хочет. Думаю, что рассказал об этом Эму; ничего другого сверх того, что значилось в тех заметках, Эм не имел.

— Ясно, — сказал я и сунул блокнот в карман. — Полагаю, нет ничего такого, чем мне следовало бы заняться от сей минуты и до прихода Бассета?

— Ничего, Эд, такого. И не докучай больше мне. Иди, сразись в картишки с Джо и Эмилем.

Тон его был настойчив; вероятно, я и вправду чересчур засыпал его вопросами. Предложение перекинуться в картишки было ничуть не хуже любого другого, а потому я прошёл в служебное помещение и велел Джо с Эмилем сменить «пьяницу» на нечто для трёх игроков, чтобы и мне можно было к ним подсесть.

Спустя несколько партий случилось так, что Эмиль, сдавая карты, взглянул на свои наручные часы.

— Двадцать минут пятого, — проговорил он. — Подождите-ка, я должен нечто выяснить.

Он бросил так и не сданную полностью колоду на стол и вышел из комнаты. Джо Стрейтор объяснил мне:

— У Дейна есть приятель в газете; всегда можно позвонить и узнать. У тебя ведь билет на число четыре-двадцать, верно?

Я кивнул.

— Эмиль поставил один доллар, я присоединился с половинной долей. Ему пять сотен достанется, если выпадет, так что мне перепадёт двести пятьдесят. Самое интересное, что ни он, ни я не верим в астрологию. Я — так вообще не ожидаю выигрыша. Это просто... ну что такое пятьдесят центов, — жалко, что ли? А вот двести пятьдесят баксов в случае выигрыша... ведь чёртова уйма денег, а?

— А тем более две с половиной тысячи.

Джо присвистнул точь в точь как и Дейн Эванс давеча, когда я рассказал ему о своём пятидолларовом билете.

— Ишь как ты размахнулся! Но если подумать, почему бы мне... — Но тут вернулся Эмиль и покачал головой.

— Нет, ну если задуматься, — продолжал Джо, — то я даже рад, что не вышло. Близко мы подобралась, Эмиль?

— Как бы не так. Девятьсот тридцать два. Промах всего лишь в... это... в пятьсот двенадцать. Но видит Бог, парни, сейчас я отыграю у вас мой доллар.

Он вернулся за стол и завершил раздачу. Я не торопился подбирать свои карты со стола, поскольку меня вдруг посетила одна мысль и мне захотелось её обдумать. Все мы смотрели на четыреста двадцать как на некоторое число и подсознательно связывали его с числовой лотереей, поскольку она непрестанно присутствовала в наших рассуждениях о том, что могло случиться с дядей Эмом. Но ведь четыре-двадцать могло оказаться также и временем, наподобие «двадцати минут пятого».

А двадцать минут пятого могло оказаться тем самым временем, когда нечто произошло с дядюшкой Эмом. Ведь именно к этому времени он должен был оказаться поблизости от «Грешема», если отправился туда из нашего агентства пешком.

Карлу это, должно быть, пришло в голову, когда он записывал это число, пусть даже он не отделил час от минут дефисом или точкой, или хотя бы небольшим промежутком между цифрами.

Но даже если это так, мне было непонятно, каким образом число четыреста двадцать в качестве указания на время должно было нечто значить для Карла, отчего он кинулся звонить мне по телефону и столь возбуждённо тараторил о том, что у него имеется нечто важное. Да ещё прибавил: «Это не астрология, точно». А то бы я просто решил, что он вычислил это время как такое, в которое с дядей Эмом случилось то, что случилось. На том бы дело и кончилось. Но всё оказывалось не так, поскольку вот предупредил же Карл...

Тут мысль моя пошла по кругу, а потому я взял со стола свои карты и попытался сосредоточиться на игре. Но для себя я положил обдумать как следует возможность того, что четыреста двадцать — это всё же время, а не просто число, и обсудить эту возможность со Старлоком и Бассеттом за ужином.

Играл я до четверти пятого, когда явился Бассетт; тогда я отправился в кабинет к Старлоку.

По лицу Бассетта судя, мне не было нужды спрашивать его, есть ли новости; он выглядел усталым и подавленным. Проведя рукой по своим вылинявшим рыжим волосам, Бассетт начал:

— Я всего лишь выяснил, какие места Карл вчера посещал. Обход клиентов он предпринял согласно своему списку; при этом все те, к кому он заходил, утверждали, что Карл словно бы торопился. Он механически собрал положенные взносы и даже не пытался, как это обычно бывало, продать дополнительные страховки. Вероятно, ему не терпелось вернуться домой, чтобы пораньше заняться своей астрологией.

Я выяснил даже, где он обедал и ужинал. Там он должен был получить один взнос — в ресторане на Холстед-стрит, так подгадал это к определённом часу после полудня, чтобы поужинать заодно. Наскоро; человек там сказал, что в ресторане Карл пробыл не более пятнадцати-двадцати минут, заодно и пожирая заказ и взимая платёж. И твоё предположение, Эд, было верным, — насчёт того, где он поел во второй раз. В гриль-баре на Кларк-стрит, где раньше работала Эстелла, примерно в полпятого. Съел сандвич с жарким да кофе, а значит домой мог попасть к пяти, как раз когда ты заметил его входящего. Весь день его проследил. Мы знаем всё, что он делал вплоть до того часа, как позвонил сюда, в агентство, в двадцать пять минут шестого, после чего ты перезвонил ему в шесть-тридцать.

Это вновь подвело меня к вопросу о Карловом числе; я рассказал, что пришло мне в голову, — не может ли «четыре-двадцать» оказаться временем, а не обычным числом.

— Думаю, так оно и есть, — проговорил Бассетт. — Мы откопали одного астролога и дали ему бумагу с выкладками Делла. Тот сказал, что методы Делла неортодоксальны, что Делл, вероятно, разработал собственную систему, отличную от общепринятой. Астролог не мог выяснить существование этих выкладок, но полагал, что эти выкладки подвели Делла к моменту времени, когда нечто произошло, и что «четыре-двадцать» означает, скорее всего, четыре часа двадцать минут пополудни.

— Среды? — задал вопрос Старлок.

— Он не стал бы в этом ручаться. Сказал, что не может вычленить какой-то день недели или месяца. Ведь система Делла, объяснил он, всё же необычна. Этот астролог записал дату рождения

Эма и сам стал составлять гороскоп. Сказал, что попытается что-нибудь для нас сделать. Это ж надо, собирается поработать вместо меня! Ведь мне больше не над чем тут работать. Вот вы, ребята, имеете занятие помимо того, чтобы сосать палец?

Мы отозвались, но звучало это неважно.

Хмыкнув, Бассетт сказал, что неплохо поработали мы лишь над тем, чтобы отсеять те возможности и подозрения, которые были у нас первоначально.

— Я тоже подумывал об этом, — объявил он, когда я рассказал ему, что планирую завтра пойти по следам дяди Эма. И всё же Бассетт мрачно добавил: — Ведь то же я проделал сегодня в отношении Карла Делла. Много же это мне дало!

Мы отправились к «Жийяру» и получили там отменный ужин, но никому из нас он не доставил особой радости. Поев, мы расстались, причём Старлок велел мне отправляться домой и в кои-то веки выспаться, да и он собирался сделать то же. Что ж, занятие было не хуже прочих.

Но когда я добрёл до дому, было только восемь часов; мне не хотелось ложиться так рано, как и читать книжку. Вспомнилось, что у Эстеллы раз в неделю выдаётся свободный вечер, и не исключено, что это сегодня, а потому я поднялся к ней. Но дома её не оказалось.

Вернувшись на этаж ниже, я заметил, что дверь в комнату Карла Делла заперта, и из-под щели не пробивается света. Полиция, видимо, больше её не охраняла.

Зато свет пробивался из-под двери Честера Хемлина, и я постучал к нему. Большой симпатии я к Честеру не испытывал, но не хотелось мне сидеть у себя в одиночестве.

Честер, казалось, обрадовался моему приходу; он пригласил меня войти.

— Вот, Эд, взгляни-ка на те два снимка, где ты играешь на тромбоне. Отлично вышло!

Снимки и впрямь получились ничего себе, а один так даже весьма занятен. Раструб тромбона на нём полностью скрывал моё лицо, и почти всё, что от меня оставалось, это ноги, руки, кулиса тромбона и раструб.

— Ручаюсь, Эд, что смогу эти снимки продать. Ты не против, если я попробую, а? Твоё лицо ведь скрыто, так что никто тебя не узнает.

Я ответил, что не возражаю.

— Всё ещё нет вестей о дяде?

Когда я подтвердил, что известий действительно нет, он захотел узнать, не может ли чем-нибудь пригодиться. Я поблагодарил его.

— А ты не думаешь, Эд, что столь долгое отсутствие вестей — это хорошая новость? Я хочу сказать, что если бы с ним что-нибудь случилось, то ты бы уже давно об этом узнал?

— С ним что-то случилось, — сказал я. — Вопрос только — что, Честер.

— А вот у меня предчувствие, Эд, что с ним всё в порядке. Я никогда тебе этого не говорил, но я немного того... ясновидящий. Ты, наверно, в такое не веришь, правда?

Я покачал головой. Даже удивительно, сколько людей рехнулось на таких вещах. Карл Делл со своей астрологией, теперь вот Честеру Хемлину взбрело в голову, что он ясновидящий.

Полусерьёзно, я произнёс:

— Лучше, Честер, не настаивай на этом. Видишь, что с Карлом Деллом случилось. Или тебе известно, отчего, по нашему мнению, он был убит? — Мне припомнилось, что полиция не докладывала об этом газетчикам. Газетные полосы давали понять, что Карл был убит лишь при попытке ограбления — «хотя полиция продолжает отслеживать и иные возможные мотивы».

— Я подумывал, что тут может быть связь, Эд. Тут прошлым вечером был сотрудник полиции, про Делла расспрашивал. Да про твоего дядю тоже вопросы задавал, а потому и ясно было, что они усматривают связь; но это и естественно, поскольку оба жили на одном и том же этаже в одном и том же доме. Или тут ещё что-то?

Я подтвердил, что тут имеется нечто большее, но сказал, что мне не хочется об этом говорить. Раз полиция не поделилась с газетами, то она, видимо, не желала разглашения информации.

Чтобы сменить предмет, я взял фотоснимки, на которых Честер меня запечатлел, и вновь принялся их разглядывать.

— Если я вот этот продам, — сказал мне Честер, — то поставлю тебе выпивку, за то что послужил мне моделью. И потом, почему бы мне вообще не поставить тебе выпивки? Не пройись ли нам, знаешь ли, до Стейт-стрит?

Я собирался отказаться, но передумал и согласился. Было ещё слишком рано, чтобы пытаться заснуть, а от стаканчика-другого, вероятно, потянет в сон. Но нет, этого не произошло. Во всяком случае, не сразу. Я всего лишь опьянел. Возможно, потому, что я был переутомлён и сильно перевозмужался за эти два дня. Раньше я мог выпить гораздо больше и при этом не опьянеть так сильно.

Мне не вспомнить, во сколько мест мы тогда заглянули, хотя все они были на Стейт-стрит и не далее дюжины кварталов от заведения, с которого всё началось.

Мы не разговаривали ни о Карле Делле, ни о дяде Эме, мы говорили про игру на тромбоне и про фотографирование, и когда Честер начал слегка пьянеть, он заговорил о ясновидении; при этом выяснилось, что астрология его интересует ещё меньше, чем меня. Вспоминаю, что, хотя мы избегали текущих вопросов, один раз всё же вступили в спор о преступлениях вообще, и Честер вроде бы рассказывал, как сильно он ненавидит убийство — начал даже что-то о своём брате, но скоро съехал в сторону.

Оказалось, что Честер отличный парень, если узнать его ближе. Немного, правда, помешанный на определённом предмете. Ему даже захотелось вдруг заглянуть в магический кристалл, который где-то у него был — а я не припоминал у него в комнате такого предмета, — и попытаться рассмотреть в нём нечто такое, от чего бы я успокоился насчёт дядюшки Эма. Помнится, я ещё предложил ему использовать для этого лысую башку какого-то господина, сидящего в своём киоске через дорогу от нашего бара, но Честер ответил, что это не сработает.

Да, Амброз Коллекционер, оказывалось, был отличным парнем! Он проводил меня домой и уложил в постель — не исключено, что даже разул меня, поскольку я не припомню, чтобы сам разувался.

Глава 14

Я пробудился среди ночи: нечто натирало мне плечо и грудь с одной стороны. Я перекатился на другую сторону и осознал, что лежу на кровати, лежу полностью одетым, а беспокоит меня автоматический пистолет тридцать второго калибра в кобуре. На нём-то я и лежал.

Встав, я включил свет. Было два часа ночи, а потому я не мог проспать долго; мне не было известно точное время прихода домой, но едва ли это случилось до полуночи. Правда, костюм на мне был так сильно измят, словно бы я провалялся в нём не два часа, а все двенадцать; утром мне предстояло надеть другой, а этот отправить в чистку.

Голова побаливала, а вот желудок не подавал признаков расстройства. Я разделся, чтобы облачиться в пижаму и вернуться в постель; кобуры с пистолетом я на этот раз с собой не захватил.

Было немного совестно, что я напился, но сделанного не вернёшь, а выспаться ещё можно. Целых пять часов сна, — и в офис к восьми успею! Это, то есть, если Эстелла не постучится ко мне по пути к себе наверх, когда вернётся домой через два или три часа.

Я лежал, мечтая об Эстелле. Хочу ли я, в самом деле, жениться на ней? — спрашивал я себя. Ответ был — и да, и нет. Я её любил, просто не был уверен, что уже готов к браку. Интересно, какая доля шутки заключалась в её словах насчёт того, что вот Оги Грейн совсем не прочь на ней жениться. Раньше я бы сказал, что изрядная доля, а потому не упомянул об этом, когда этим вечером поднимался к ней по прочтении той записки, которую она сунула мне под дверь. Теперь же пришло опасение, что её слова могли оказаться правдой. Да, вдруг это правда? Разумеется, Оги, с его-то деньгами, имел в женщинах широкий выбор. Да только красавиц, как Эстелла, вряд ли было много на его пути, и ещё меньше столь же свежих, прелестных и достойных. В такую можно влюбиться по уши, да и предложить ей честный брак, а не просто шуры-муры! Ведь кто-то, кажется Бассет, рассказывал мне, что Оги вдовец.

Что ж, если Эстелла говорила не шутя, то серьёзно она всё равно к этому не относилась. Чёрта с два, если верить тому, что сказала мне миссис Брэйдли, — да и свидетельство моих собственных чувств за парочку последних ночей.

И так лежал я, гадая, постучится ли она, — и надеясь, что постучится, — пока не заснул.

А в семь меня разбудил будильник.

Под дверью лежала сложенная записка, которую я схватил ещё до того, как будильник успел отзвенеть. В ней значилось: «Спокойной ночи, Эдди. Коли не разбужу тебя, просовывая листок под дверь, так лучше уж спи».

Я рассердился на себя — зачем спал так крепко. Всё проклятое спиртное, ведь обычно сон мой легок.

Но других расстройств ночные возлияния не оставили. Чувствовал я себя хорошо, голова была ясна. Правда, сушило во рту, пришлось водички попить.

Я оделся и был готов начать третий день поисков дядюшки Эма. То был последний день, но я того не ведал.

Затянул ремни кобуры. Проверил магазин и зарядную камеру, да чтобы пистолет был на предохранителе — ведь я поспал на нём, — и сунул его в кобуру. Не люблю пистолетов, так что проделал всё это с чувством неловкости. Я просто не ждал, что мне предстоит стрелять — и убить — из этого пистолета ещё до наступления вечера.

Я вообще многого не ждал.

Старлока ещё не было в конторе, но он появился вскоре вслед за мной.

— Ишь, какой бодренький, — бросил он мне. — Вот что значит долгий здоровый сон. Как настроение?

— Норма. Вам, Бен, случайно не известно, с чего Эм начал в среду утром? Жену он сперва повидал или как?

Старлок на минуту задумался.

— К жене он оправился погодя, поскольку позвонил ей отсюда, чтобы договориться о встрече. А его звонок поднял её с постели: выяснилось, что она работает по ночам, а утром поздно встаёт. Но она всё восприняла с пониманием и согласилась встретиться позднее, не помню точно, когда.

— Нужно будет постараться застать её, — сказал я. — Не знаете ли часов её рабочей смены или как поздно она встаёт?

Старлок покачал головой.

— До одиннадцати, мне кажется, не стоит. Эм звонил ей около девяти. Тогда же он и приступил к заданию; у тебя есть ещё час.

— Ещё куда-нибудь он после неё звонил? Перед тем как уйти?

— Не припоминается. Мог отправиться к прочим из списка, не уславливаясь о встрече. Ты тоже можешь так поступить, это всё рядом.

Я вынул свой блокнот и просмотрел сделанные вчера записи. Помимо жены этого беглеца и места его предыдущей работы — бара «Конура» — у меня имелось всего две фамилии. Первая — его шурина вместе с адресом этого последнего: квартира в том же доме, где и квартира жены; другая — юриста в Корвин-билдинг, что всего за пару кварталов. Сегодня была суббота, а это значило, что юрист либо придёт к себе в контору, либо нет; пятьдесят на пятьдесят.

— Вы не знаете, разговаривал дядя Эм с ними от имени агентства? — спросил я у Старлока. — Или назывался сотрудником кредитной компании?

— Вероятно, сотрудником кредитной компанией, Эд. Мне думается, что так он всегда поступал в случаях бегства на автомобиле, если не было причин поступить как-то иначе. По делам Бартлетта, во всяком случае; они разрешают нам пользоваться их именем.

Отправляться было ещё рано, но я знал, что покоя мне не найти, а потому вышел в приёмную, чтобы не действовать Старлоку на нервы и разузнать об Уильяме Демминтоне, юристе, по телефонной книге. В ней значился адрес и домашний номер, вот только адрес был чёрт-те где; оставалось надеяться, что он придёт-таки к себе в контору и мне не нужно будет переться в такую даль.

Я попытался дозвониться в эту контору, но, как и следовало ожидать в самом начале девятого, ответом было молчание. Я позвонил по домашнему, надеясь, что он уже встал и не будет мною разбужен. Какая-то женщина — наверняка его жена — сняла трубку и сказала, что мистер Демминтон недавно отправился к себе в контору и будет там к половине девятого или чуть позже.

Это означало, что можно было выходить раньше намеченного. Покинуть агентство следовало минут через десять, и я задумался над тем, как убить это время. Позвонив Бассету, я поинтересовался, не поручал ли он кому-нибудь выяснить, есть ли у них дела, где фигурирует Томас Рейнал.

— Поручал, Эд, — ответил Бассет. — Ты подождёшь на линии, или мне перезвонить?

Я сказал, что подожду на линии, и минут пять трубка молчала. Затем вновь раздался голос Бассета.

— Есть такие дела, Эд. У него четыре судимости. Шесть месяцев за половую связь с несовершеннолетней в 1942 году. Условное наказание и штраф в 1944 за мелкую кражу. Условное перешло в настоящее, когда через месяц он был арестован сразу по двум обвинениям — пьяный дебош и принудительное содержание в публичном доме. В борделе, чтоб ты понял. Больше ничего, но лишь до этого месяца. У него отобрали лицензию бармена — и один Господь Бог ведает, как он вообще получил её с таким-то послужным списком; должно быть кому-то здорово дал на лапу; — да плюс штраф в сотню баксов. Это всё.

— Приятный парень, — отозвался я. — Премного благодарен, Фрэнк.

— А это над бегством в автомобиле Эм работал в среду?

— Ага. И ведь кредитной компании ещё повезло. Две сотни из трёх, которые она под это дело ссудила, к ней вернулись. Дело, видимо, было невеликое, как это и бывает с кредитованием покупки авто, иначе бы они получше проверили голубчика.

— Подавать заявление они не собираются?

— Возможно, ждут отчёта от нас за тот единственный день труда, который собирались нам оплатить. Ну, Фрэнк, спасибо.

— Не забывай держать меня в курсе дела.

Пообещав, я направился в Корвин-билдинг, не особенно торопясь, и прибыл туда ровно в половину девятого. Демминтона мне пришлось прождать ещё несколько минут. Когда он отпер дверь своей конторы, я взшёл за ним и объяснил, кто я и что мне нужно.

Юрист взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Но ведь один из ваших побывал тут всего пару дней назад. Не то чтобы я возражаю, но вы, случаем, там у себя не напутали?

Я рассказал ему историю, которую держал наготове: дескать, тот дознаватель, что побывал у него в среду, бросил службу никого не предупредив и не сдав отчёта; мы очень сожалеем, но всё приходится проделать заново.

— Пожалуйста, проходите. Сегодня я пришёл рано, поскольку накопилась некоторая работа, но, думаю, смогу уделить вам пару минут, как и тогда тому человеку. — Мы прошли через приёмную в рабочий кабинет; взмахом руки юрист указал мне на стул перед своим рабочим столом, а сам прошёл за стол.

— Я всё вам повторю. С Рейналом я был знаком приблизительно три года, но не слишком близко. Когда я впервые с ним познакомился, он держал бар в одном месте на Дерборн-стрит близ Гётевского института. А я жил от института за углом, тогда ещё холостяк. Это был приятный маленький бар, в котором я провёл много-много вечеров. Мы с ним частенько беседовали, и он мне нравился.

Мы довольно хорошо знали друг друга — насколько могут узнать друг друга бармен и завсегдатай, не встречаясь больше нигде, помимо барной стойки, — в течение примерно года. Потом, два года назад, я женился и покинул тот околоток. Томми я не видал в течение года, а потом тот явился ко мне в контору — он, понятное дело, знал, что я юрист, — с тем желанием, чтобы я решил для него один мелкий правовой вопрос. Его автомобиль столкнулся с другим автомобилем, второй водитель предъявил ему иск, а Томми утверждал, что это была вина того водителя, и попросил меня завести дело.

— А вина-то была чья? — спросил я.

Демминтон развёл руками.

— Обычная вещь: слово одного против слова другого да отсутствие свидетелей. По его просьбе я подал встречный иск, — не потому, что надеялся его выиграть, но просто ради переговорной позиции, пока не дошло до суда. На том всё и кончилось: адвокат второго водителя согласился отменить свой иск, если мы отменим наш. Нет победителей, нет проигравших, нет и юридических ошибок.

— И тогда вы видели Рейнала в последний раз? — спросил я.

— Да, в последний. Как я и сказал, шесть месяцев назад. Столько же продлилось то дело, которое я для него возбудил. Я не хочу сказать, что оно отняло много времени, — в общей сложности я не потратил на него и полного рабочего дня, — но тянулось оно шесть месяцев, пока мы... ну, назовём это «ничья».

— Он хоть заплатил вам?

— Да нет... Я послал ему счёт на пятьдесят долларов — разумная сумма, мне ведь было известно, что он всё равно стеснён в средствах, — но он так и не заплатил.

— Вы не истребовали?

Демминтон пожал плечами.

— Такую сумму — не стоило труда. Когда-нибудь, возможно, я бы и продал этот долг коллекторскому агентству — которое долги выбивает. Теперь же, когда он покинул город, даже такое агентство мне гроша ломаного не даст.

— А вы знали, что он покинул город, до того как мой... другой наш представитель побывал здесь?

— Нет, не знал. Он меня впервые о том уведомил. Около шести месяцев назад я послал Рейналу счёт на пятьдесят долларов. Затем слал напоминания по первым числам каждого месяца вплоть до нынешнего. Ничего от него не получал и ничего о нём не слышал, с тех пор как то дело было закрыто.

— И, однако, вы дали о нём благоприятный отзыв?

Демминтон нахмурился.

— Я всего лишь сказал правду, как вы сами поймёте, если справитесь с вашими записями. Я сказал, что знал его два или три года, что в то время он был моим клиентом и высказать против него мне нечего.

— Нет ли у вас предположений, куда он мог направиться, покинув город?

— Нет, разве что он часто заводил речь о Калифорнии; побывал там разок и говорил, что хотел бы пожить там снова. Но определённого города, насколько я помню, не упоминал. Вот и всё, молодой человек, что я могу вам о нём сообщить. У нас не было общих друзей, вообще ничего общего, кроме той болтовни за прилавком, о которой я уже рассказал, и того дела о столкновении, которое я возбудил для него, когда ему пришлось обратиться ко мне за юридической помощью.

Я поблагодарил и поднялся на ноги. Затем произнёс, словно бы нечто вспомнив:

— Чуть не забыл, мистер Демминтон. Начальник просил меня спросить вас, как себя вёл наш второй дознаватель — тот, что был здесь в среду. Ничего странного не было в его поведении?

— Странного? Что вы имеете в виду? И какая вам разница, если он с вами порвал?

— Разница будет, если когда-нибудь нас попросят дать о нём отзыв. Забавная вещь: он работал у нас три года, а тут вдруг, в среду, позвонил и сказал, что увольняется, уезжает из города и чтобы мы выслали ему чек почтой в Нью Йорк до востребования. А сам так и не послал нам отчёта — отчего я и должен теперь проделывать ту же работу — и не дал никаких объяснений. Понятно, почему все у нас так удивлены.

— Гм-м... Отвечу, раз так. Ничего в его поведении странного не было. Весьма приятный человек, я бы сказал.

— Свой день он начал с вас, если я не ошибаюсь. Нет ли у вас предположений, куда он намеревался двинуться отсюда, к кому?

Демминтон покачал головой.

— Не имею представления. Помню, он пришёл рано, почти точно в девять. Я рассказал ему то же, что и вам. Вот и всё; куда он потом отправился — не имею понятия.

Я поблагодарил и оставил Деммингтона в покое. Ничего не получив, я знал лишь, что следую по стопам дядюшки Эма с опережением в полчаса.

Оставалось три пункта: жена Рейнала, шурин, живший в том же доме, и бар, бар «Конура» — последнее место работы Рейнала. Правда, благодаря Демминтону появился ещё пункт — тот факт, что от трёх до двух лет назад Рейнал работал в баре на Дерборн-стрит возле Гётевского института. Но новость не казалась горячей. Когда то ещё было; я не думал, что дядюшка Эм ею озабочился, — по крайней мере, не раньше, чем разобрался с первыми тремя пунктами.

Жена пока отодвигалась: дядя позвонил ей и условился о встрече позже; а потому оставался шурин и бар на Саут-Кларк-стрит. Я решил в пользу бара, — не потому, что он был ближе; дядя наверняка пожелал убить двух птиц одним камнем: отложил встречу с шурином в том многоквартирном доме до того или почти того часа, когда планировал и с женой встретиться.

Я рассудил, что он прошёл до Кларк-стрит, а там сел на трамвай в южную сторону — двенадцать кварталов всё-таки, — и решил поступить так же.

На место я прибыл в девять с четвертью; бар был ещё закрыт. Я зашёл в небольшую тошнiловку по соседству и спросил человека за кассой, не знает ли он, в котором часу обычно открывается этот бар, что рядом с ними.

— Обычно — в десять, — ответил тот. — А вот в соседнем квартале обычно — раньше, если хотите выпить. Думаю, уже открыт.

— Да нет, обожду здесь, — сказал я. — Чашечку кофе ведь дадите?

— Разумеется. — Человек обратился к электрокофейнику и нацедил. Я сел на стул у конца прилавка, ближайшего к кассе, и кофе было подано мне туда.

Вынув из кармана фотографию дяди Эма, я положил её на прилавок.

— Встречали такого?

Человек склонился над фотографией.

— Лицо словно знакомое. Кажется, недавно он сюда заходил.

— Не в среду? Третьего дня, и в такое же время.

— Верно. Задал тот же вопрос, что и вы. Насчёт соседнего бара. Я сказал ему, что открывается в десять, а он попросил чашку кофе, всё-всё как вы. Только ему не пришлось ждать долго; и так уже было почти что десять. Не уверен, правда, что в среду.

Зато я был уверен, так что не о том была забота. Я всё ещё шёл след в след, только временное преимущество перед дядей Эмом утрачивалось. До этих десяти часов, когда открывался бар «Конура», ждать мне приходилось дольше.

— Знали там бармена по имени Томми Рейнал?
— Был там один по имени Томми, не знаю как по фамилии. А что? Вы коп или в том роде?
— Частный детектив. Что вы знаете об этом Томми?
— Немного, только что он — да и тот бар — попали в передрагу месяц назад; кажется, продали спиртное малолетним. Оштрафовали и Томми, и заведение, а Томми вдобавок потерял лицензию или что там у него. Ещё и Перри волновался, что лишится лицензии на свой кабак, но обошлось. И это правильно. Его же не было, когда это произошло.

— И всё же, — проговорил я, — по закону хозяин отвечает за поступки своих подчинённых.

— Так Перри выплатил штраф. Но я не думаю, чтобы и Томми был сильно виноват. Столько подростков за год или два до совершеннолетия выглядят старше своих лет! Слушайте, а не работаете ли вы на лицензионную комиссию или что-то в этом роде?

Казалось, его отношение к Томми Рейналу было доброжелательным, а потому я счёл, что добьюсь большего успеха, если притворюсь, что тоже симпатизирую Томми. И я сказал:

— Что вы; я из частного агентства, а Рейнала мы разыскиваем потому, что у юридической конторы, на которую мы работаем, имеются для него новости, весьма ему выгодные. Только вот он в отлучке, и они не могут с ним связаться.

— Имеете в виду наследство или что-то в этом роде? Деньги ему, что ли, причитаются?

Ему явно не верилось в нечто столь простое, и я решил слегка усложнить для него легенду.

— Это не наследство, хотя они — по имущественной части. Это по поводу продажи собственности; нужна его подпись, чтобы претензий потом не возникало.

Я не сказал, какова цена этой подписи — несколько долларов либо несколько тысяч. Пусть включит воображение.

— Что ж, — сказал он, — кажись, говорите правду. Почти то же самое рассказал мне и тот, другой, которого вы мне фотку показали. Только зачем они посылают вас двоих с одним и тем же вопросом?

— Так ведь, — отозвался я, — тот пропал. А наши решили сделать ещё попытку: вдруг мне попадётся такая зацепка, которую он просмотрел.

— Тогда чего вы показываете мне его фотку и спрашиваете, на побывал ли он тут?

На этот раз мне потребовалась передышка, чтобы всыпать ложечку сахара в свой кофе.

— По сути дела, — сказал я, — наш человек уже окончательно порвал с нами, а потому меня просили проверить, точно ли он повидал всех тех, о которых утверждал, что повидал, или просто сварганил красивый отчёт. Ну и попросили меня заново провести расследование, поскольку он в нашем агентстве новичок.

— А! Да нет, он со мной поговорил. Только я ничего не смог ему сообщить, потому что я-то знал Томми лишь постольку-поскольку: заходил иногда по соседству выпить пару рюмочек. А как он перестал там бывать, так я и не слыхал о нём, — с месяц или около того.

— Если он уехал из города, вы не знаете, куда он мог отправиться?

— Ни малейшего понятия. О своих личных делах он никогда не распространялся, — за те несколько раз, что мы с ним болтали языками. Я даже фамилии его не знал.

Вошёл посетитель, и владелец заведения отправился к центру прилавка его встретить. Я потягивал кофе и размышлял — можно ли как-то с пользой провести ещё полчаса до открытия «Конуры»?

Наверно, всё-таки можно. Я отправился к телефонной кабинке у дальней стены заведения и поискал в справочнике номер этого шурина, проживавшего в том же здании, что и жена нашего беглеца. В девять-тридцать ей звонить было ещё рано, но для звонка ему время было подходящее.

Когда шурин поднял трубку, я назвал себя и сказал, что представляю кредитную компанию Бартлетта, так нельзя ли нам встретиться и поговорить про его свояка?

— Можно, — ответил тот. — Только я уже рассказал всё, что знаю, тому другому человеку, которого ваша компания посылала пару дней назад.

Я же ответил, что всё равно желал бы с ним встретиться, а почему — объясню, как приду. Ещё я спросил, как поздно встаёт его сестра; он ответил, что обычно около десяти. Тогда мы условились, что встретимся в десять-тридцать, вдобавок я попросил его, что если он увидится со

своей сестрой ранее этого срока, то пусть уговорит её оставаться дома и принять меня часов в одиннадцать. Он обещал.

Мне подумалось, что за оставшиеся до открытия «Конуры» двадцать минут можно успеть сделать кое-что ещё, а потому я раскрыл указатель кабаков и провёл пальцем по их адресам, отыскивая тот, что находился на Дерборн-стрит к северу, в районе 1300-х номеров. Список заведений занимал порядочное количество страниц, но мне повезло: на третьей странице я отыскал один с верным, как мне показалось, адресом. Я позвонил туда и понял, что попал правильно.

Под нехитрым предлогом выяснения кредитоспособности я узнал, что Томми Рейнал действительно некогда там работал, год или полтора. Точных дат мой собеседник не помнил, но было это, вероятно, полтора-два года назад. На вопрос, почему Рейнал уволился, ответили уклончиво: «Мы просто не ладили», — и я не стал настаивать; возможно, тот человек заподозрил, что Рейнал чересчур много тягал из кассы, но доказать этого не мог, и теперь не смел мне говорить определённо и бездоказательно.

Но это уже меня не интересовало. Я поблагодарил, словно это было всё, что мне требовалось знать, а затем приступил к тому, что меня интересовало на деле.

— Извините, что мы вынуждены побеспокоить вас вторично. Просто наш человек, который разговаривал с вами в среду, забыл спросить у вас о причине увольнения Рейнала.

— А? — не понял мой собеседник. — Какой-то человек?

— Один из наших дознавателей. Я звоню, просто чтобы проконтролировать. Один из наших людей позвонил вам в эту среду ради плановой проверки. — Я посмеялся. — Возможно, он рассказал вам иную историю, зачем он расспрашивает, но таковы, знаете ли, правила игры.

— Да никто не расспрашивал про Томми в среду. Давно уже меня про него не расспрашивали. Последний раз это было... почти год назад. Одна кредитная компания. Он покупал машину, и они проверяли его послужной список.

— Вы уверены? — спросил я недоверчивым тоном. — Если это так, то придётся мне вызвать нашего дознавателя на ковёр за ложный отчёт. Он сказал, что побывал у вас; нельзя приучать сотрудников так поступать.

— Не хочу, чтобы у человека были из-за меня неприятности. Только сюда он не звонил. Знаю точно, поскольку в понедельник я лишился своего бармена, новым до сих пор так и не обзавёлся и вынужден самолично тут управляться. С девяти утра до часу ночи; в собственном баре перекусить некогда.

Я поблагодарил его и повесил трубку; было ясно, что дядюшка Эм ни ходил туда, ни звонил. Собственно, у него и причин на то не было, однако мне всё же требовалось в том удостовериться.

Было без десяти десять, когда я подошёл к соседней двери проверить, не открылся ли нужный мне бар раньше срока. Нет, не открылся, а потому я вернулся в первое заведение и заказал новую чашку кофе. Когда я вновь подошёл к соседней двери, там было открыто.

Глава 15

Бар «Конура» своё название оправдывал. Все стены были увешаны картинками собак. В одном из углов поставили собачью будку, не иначе как для датского дога — во всяком случае, человек способен был проползти в неё на четвереньках, и возможно, что не один пьяный такое уже проделывал. Даже старую шутку использовали: по картинке с собачкой на каждой из двух дверей в уборные — пойнтер на одной да сеттер на другой. Но собственник, скорее всего, всё же не был уверен в познаниях своих посетителей в собаках, как и в каламбурах, поскольку одновременно двери несли и общепринятые обозначения М и Ж. Будь это заведение моим, уж я бы навесил более соответствующие обозначения: КОБЕЛИ да СУКИ. И пусть бы ещё посетители лакали своё пойло из собачьих лоханок.

Но заведение принадлежало не мне, а тому крупному лысому мужчине за прилавком; он, по крайней мере, так мне сказал, а сомневаться у меня причин не было. Я спел ему ту же песенку, что и юристу Демминтону, сделав вид, что первым делом меня интересует Томас Рейнал. Да так оно и было, с тем лишь условием, что ни одна зацепка, которую мог получить здесь дядюшка Эм, не должна была от меня ускользнуть.

Но ни зацепки, ни ниточки здесь мне не досталось. Да, Рейнал работал тут месяца четыре вплоть до прошлого месяца, но с тех пор хозяин не видал Томми и не имеет ни малейшего понятия, где он и что с ним; вряд ли работает где-то барменом, разве что без лицензии.

Я перешёл ко «второму нашему дознавателю», побывавшему тут третьего дня и в то же время суток, и напел ту же историю о том, что он бросил и это дело и вообще работу в нашей компании, покинул город, и сотрудники гадают, с чего бы это.

Лысый пожал плечами.

— Не могу сказать о нём ничего дурного; задавал мне все те же вопросы и получил те же ответы.

— Выпивал во время своих расспросов? — Такой вопрос выглядел вполне логичным.

— Выпил рюмку да меня одной угостил. И только.

Прозвучало намёком, так что я проделал то же, стараясь держаться предмета разговора, — авось ему ещё нечто припомнится.

Но я зря потратил деньги. Лысый ничего не знал ни о жене Рейнала, ни о его друзьях или занятиях в те часы, которые тот не проводил на работе, за стойкой бара. Отзывался лысый о Томми доброжелательно, но лично он его совсем не знал. Ни от него, ни о нём лысый не получал известий с того дня как Томми уволился — по крайней мере до той минуты, как сюда зашёл представитель кредитной компании и сообщил, что Томми сбежал из города.

Нет, он не знал, куда отправился отсюда тот второй дознаватель, но скорее всего прямо к Томми домой, поскольку это всего в паре кварталов отсюда. Нет, лысый там никогда не бывал, но адрес, коли он мне нужен, у него где-то записан. Он знал, что это рядом, поскольку Томми всегда приходил на работу пешком.

Я задал ещё один-другой наводящий вопрос, но ответы ни на что меня не навели. Было ясно, что и дядюшка Эм не набрёл здесь на след.

Было лишь четверть одиннадцатого, когда я покинул «Конуру», а потому к номеру 682 по Саут-Бривик отправился пешком. То было четырёхэтажное строение, первый этаж которого занимал магазин сантехники. Лестница к квартирам наверху находилась в конце отдельного коридора. Двенадцать почтовых ящиков в узком тамбуре, где начиналась лестница, показывали, что на каждом из трёх верхних этажей располагалось по четыре квартиры. Номер два, — это, значит, квартира шурина, — должна быть на втором этаже, а номер семь, где проживали Рейналы, на третьем.

Я поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру номер два. Дверь открыл коренастый мужчина со всклокоченными волосами, не бритый со вчерашнего дня и в майке.

— Вы тот человек из кредитной компании? Заходите.

Он провёл меня через прихожую мимо кухни, где какая-то женщина мыла посуду, в гостиную с мебелью в потрёпанной мягкой обивке. Сам он уселся на подлокотник софы, а мне указал на стул.

— Я рассказал тому, другому, человеку всё, что знаю, но так и быть: спрашивайте снова. Надеюсь, вы поймаете этого сукина сына.

Я сказал, что сожалею, но дело тут не в том, чтобы узнать нечто дополнительное; мне всего лишь придётся повторить работу, уже проделанную тем дознавателем. И я рассказал ему ту же сказку, которой угостил и Деммингтона, и владельца «Конуры».

— Человек как человек, — начал шурин про дядюшку Эма в том же духе, что и те двое. — Здесь никто ничего такого ему не сделал, чтобы он поступил так, как вы говорите. Даже отчёта не оставил, а?

Казалось, он был весьма озадачен, и мне подумалось, что я могу поговорить про приход дяди Эма даже до того, как мы перейдём к Томасу Рейналу. И я сказал:

— Мы у нас в компании тоже удивляемся, потому-то я и пытаюсь повторить его маршрут — ну, заодно с выполнением его работы. В котором часу он сюда пришёл?

— Да об этом часу. Пробыл здесь с полчаса, а потом пошёл наверх повидать Мэдж. А уж куда он пошёл от неё, я и не знаю. Он не говорил, если только Мэдж не предоставила ему сведения, которые он и пошёл выяснять.

— Она уже проснулась?

— Проснулась, завтракает. Я заскочил к ней как раз перед вашим приходом и предупредил, что вы придёте ко мне, а от меня собираетесь подняться к ней. Она просила, чтобы это было не позже одиннадцати; ей надо выйти до полудня.

Я почти ужаснулся тому, насколько один в один я повторил и маршрут дяди Эма, и временной расклад этого маршрута. Лишь усилием воли я заставил себя отбросить эти мысли и перейти к вопросам о Рейнале, притворяясь, что его-то я и ищу, а потому стал задавать те же вопросы, которые должен был задать дядюшка Эм, в надежде получить те же зацепки. Не то чтобы я ожидал отыскать Рейнала. Дядя Эм — знаток своего дела; если он доложил Старлоку, что Рейнал на самом деле сбежал, не оставив за собой никаких концов, то найти его за единственный рабочий день было невозможно.

Дженнингс рассказал мне, что Рейнал был тот ещё прощелыга; много пил, хотя не страдал алкоголизмом, а напившись — бузил, и что большинство заработанных денег, когда ещё работал, он проигрывал.

Связь была слишком уж отдалённой, но я наострил уши:

— Числовые лотереи?

— Понятия не имею. Да, возможно он и покупал билетик, там, на четвертак или десятицентовик, когда чувствовал удачу или во сне цифры видел. Верил в такие вещи. А так — больше скачки, лошадаками увлекался.

— Он, что же, лично посещал бега? Похаживал туда, где они сейчас бегают или бегали месяц назад, когда он пропал?

Дженнингс потёр подбородок.

— Сомневаюсь. Смотреть, как они там бегают, он не смотрел, просто делал ставки. Никогда не видал, чтобы он ходил на бега.

— Знаете, где он делал ставки?

— Табачный ларёк где-то на Петле, но не знаю, где именно. Предлагал мне с ним сходить, но лошадаки никогда меня не заводили. Ну, вот вернуться ко времени, когда они с Мэдж только поженились и мы были дружны. Иногда я позволял ему делать за меня ставку, когда он обещал, что дело верное. Доллар или два, когда заводились лишние.

— Хотелось бы знать поточнее, где именно он делал ставки. «Табачный киоск на Петле» звучит слишком расплывчато. Может, ваша сестра знает?

— Может, и знает. А что такого? В чём тут дело?

— Можно было бы выяснить, не убил ли он кого, перед тем как сбежать. Обычно, когда человек бежит из города, то это значит, что либо он сделал деньги, либо же наоборот — набрал долгов выше крыши. Но всегда существует нечто, что заставило его так поступить в некий данный момент. Возможно, его длительное время разыскивали, и тут случается нечто такое, отчего он понимает, что его вот-вот накроют, либо что ему необходимо улизнуть подальше.

Дженнингс вновь потёр подбородок.

— Верно, верно, но чёрт меня возьми, если я знаю. Долгов у него было не больше чем обычно. Мэдж работала, так что на еду хватало. Он, конечно, недавно потерял работу и лицензию, и это могло его подкосить. Но есть и другие способы заработать на жизнь, помимо барменства, — и здесь, и везде.

— А вы не думаете, что он мог выиграть по крупной ставке?

— Откуда у него деньги на игру по-крупному... Всегда ставил не более десяти долларов, а это не принесло бы ему богатства, даже поставь он на лошадь, не имеющую шансов победить. А такие, как он, так не поступают.

— Но можно выиграть большую сумму по малой ставке в числовую лотерею. Даже пять долларов могли бы принести ему две с половиной тысячи.

— В числовой лотерее у тотализатора двойной перевес. Делаете одну попытку из тысячи, а выплачивают только пять сотен к одному. Он это знал, все эти процентные соотношения. Числовые лотереи хороши по мелочёвке, чувства пощекотать, но кто ставит на такое по пять долларов — тот идиот.

— Да, кажется... — отозвался я. — А вы говорите, что идиотом он не был?

— Нет, этого про него не скажешь. Ушлый типчик.

— Помимо той возможности, что он выиграл по ставке, какую сумму мог он иметь при себе в минуту бегства?

— Уж не состояние, конечно. Сотни долларов не наберётся. Я как простофиля одолжил ему полтинник. Он сказал мне, что подыскал хорошую работу, и чтобы получить её, требуется пятьдесят баксов.

— А может, он их поставил на бегах и выиграл. И это принесло ему капитал.

Дженнингс покачал головой.

— Не-а: с этой полтиной он и дёрнул. Не было времени сделать ставку и забрать выигрыш. Ко мне он заявился около восьми вечера. Я как раз вернулся с работы — у меня смена с двенадцати до семи, — так он и рассказал мне про эту работу. Был день выплаты, и у меня был заработок за две недели, так что наличность имелась. Знал он об этом, конечно.

Взял он их и сказал, что пошёл договариваться насчёт работы. Мэдж пришла домой почти сразу после этого: у неё был отгул, и она выходила, но не по работе. Вошла она в квартиру и увидела, что нет мужниной одежды. Должно быть, та уже лежала у него в машине и он собирался сбежать, когда просил у меня полтинник. Да прибавьте двадцатку, что лежала у Мэдж в буфете для уплаты за квартиру; её тоже хватились.

Дженнингс взглянул на меня и усмехнулся.

— Вот что вам скажу. Под Чикаго он не ошивается. Знает, что эту полтину я из его шкуры сварганю, только попадись он мне. Пусть даже настоящей полтины из него уже не выбить. Подумайте над этим; правду сказать, те пятьдесят долларов оказались хорошим вложением.

Нечто в манере, в которой он это произнёс, заставило меня спросить:

— Вы что же, заподозрили, что деньги нужны ему, чтобы дёрнуть из города?

— Знаете, немного вроде того. Уж так он убеждённо рассказывал о том, как ему необходим этот полтинник для получения работы; убеждать он умеет. И тут мне подумалось: а не надумал ли сукин сын смыться? — а раз так, то, может быть, даже и лучше. Мэдж убедилась, какой он был скотиной, и намерена добиться развода. Да, это стоит пятидесяти долларов.

— Конечно, это не моё дело, — сказал я, — но если вы и впрямь так считаете, — и я вас не виню, — то почему помогаете нам искать его?

Лицо Дженнингса приобрело твёрдость.

— Потому что надеюсь, что вы засадите его в тюрьму за автомобиль. Мэдж не хотела писать заявления. А вот я попытался, — ради этих пятидесяти долларов; но мне сказали, что если он их занял, то всё, что мне остаётся, это подать иск. А вот ваша кредитная компания его-таки засадит. Но даже при этом я не желал бы его поимки, если бы всё ещё беспокоился за Мэдж. Однако теперь с ней всё в порядке: она не передумает, разведётся с ним, даже если он приползёт к ней на коленках.

Звучало разумно, и я решил, что лучше перейти к существенным деталям, а потому спросил его о приятелях Рейнала, попутно вытащив свой блокнот и карандаш, чтобы записать имена — и адреса, если он их знал.

— По-настоящему близких друзей у него не было, — сказал Дженнингс. — Знакомых было много, — естественно, он же бармен. Мне известны имена кое-кого, с кем он приятельствовал, но ручаюсь, что никому из них он не сказал, куда направляется. Не настолько глуп. Если хотите, то дам вам фамилии тех, кого он знал. Но проку не будет.

— А сколько фамилий записал тот второй дознаватель?

— Три. Я назвал ему троих.

— Тогда и мне их, пожалуйста, пусть даже проку не будет. То есть, если даже они ничего не расскажут мне про Рейнала, нужно будет выяснить, повидал ли их тот дознаватель. Мы ведь также желаем выяснить, что с ним-то случилось и почему он так внезапно покинул город.

Дженнингс назвал мне троих, а также адреса двух и место работы третьего.

Я спросил, не говорил ли Дженнингс тому дознавателю нечто такое, чего не сказал ещё мне, что-нибудь вроде не приметного следа. Покачивая головой, Дженнингс встал.

— Не хочется вас прогонять, но уже одиннадцать; мне нужно бриться да сваливать. Смена моя в двенадцать, а ведь ещё нужно дойти.

— О, разумеется, — согласился я. — И премного благодарен. — Я направился к прихожей, но на полпути обернулся. — А второй человек из нашей компании разговаривал с миссис Дженнингс?

И вновь Дженнингс потёр подбородок.

— Не то чтобы он с ней разговаривал. Я позвал её разок, чтобы она дала ему имя гадалщика, к которому ходит и к которому Томми тоже разок заходил, когда узнал о нём от неё. А может, и больше, чем один раз, не знаю. — Он махнул рукой в сторону кухни. — Сами её спросите, ладно? А я буду собираться.

Я прошёл через прихожую на кухню. Миссис Дженнингс, вытирая руки, повернулась ко мне от раковины, а я остановился в дверном проёме. Я рассказал ей, что мне было нужно.

— Ах, да, — отозвалась миссис Дженнингс. — Его зовут Рама Сингх. Он чудо. Стоило мне к нему прийти — в первый же раз! — как он мне всё обо мне рассказал. Даже не знаю, как он это делает, вот чудо!

— Индус? — спросил я.

— Э-э... не знаю. Выглядит не похожим, но носит тюрбан такой. Отлично говорит по-английски, но, кажется, говорил мне, что учил его в Индии или ещё где-то там.

— Рейнал тоже ходил к нему?

— Сказал, что ходил. Я нашла его — это я о мистере Сингхе — через одну приятельницу месяца три назад. Он живёт отсюда в десяти кварталах, на Барр-стрит. Не помню номера дома, но это сразу за углом от Польша, ещё нужно перейти мост, что по Польша-стрит. Я и Джиму предлагала сходить, и Мэдж, но они не пошли. А вот Томми обещал, что пойдёт, а потом сказал, что ходил. Но он так и не сказал мне, что говорил ему мистер Сингх, и я не знаю, ходил ли он туда снова.

Тут, казалось, мне взять было нечего, кроме того что дядюшка Эм, возможно, тоже посетил этого Сингха. Хотя на него это не было похоже. И всё же я спросил:

— А тот второй дознаватель записал имя и адрес?

— Кажется, нет. Пока я с ним разговаривала — ничего не записывал.

Я поблагодарил и покинул квартиру Дженнингса; поднявшись на следующий этаж, позвонил в квартиру номер семь.

Женщине, отворившей дверь и пригласившей меня войти, было около тридцати, то есть гораздо меньше, чем её брату. Она и выглядела не столь интеллигентно. Глупой, может, и не была, но в умственном смысле далеко не продвинулась. Лицо было бы привлекательным, будь в нём поболее одухотворённости и печать мысли. Да и весила она уже на двадцать или тридцать фунтов сверх необходимого, а лет через десять посрамит любую корову.

Для разговора она ввела меня в гостиную, и она-таки заговорила. Мне не оставалось возможности вставить хотя бы пару фраз; даже не пришлось объяснять, почему за одним дознавателем к ней прислали второго. И мне было легче, и ей приятно было выложить всё снова.

Я выслушал то же, что узнал уже от Дженнингса, и сверх того множество домашних и интимных подробностей. Но ничего такого, что помогло бы определить местоположение Томми Рейнала — и дядюшки Эма.

Спустя три четверти часа я приложил усилия к достижению истинной цели моего прихода, то есть получению тех или иных зацепок, которые она могла дать дядюшке Эму, а тот счесть

достойными дальнейшего исследования. Теперь я знал, что до полудня он посетил всех тех, кто значился в записке Старлока. До четырёх он в агентстве не показывался, а потому три часа мог потратить на то, чтобы идти по следам, на которые его навели миссис Рейнал и её брат.

Миссис Рейнал с трудом отвечала на конкретные вопросы; она тарахтела обо всём подряд, но я продолжал наседать и в результате разжился двумя отправными пунктами. Во-первых, я узнал имя и адрес какого-то весьма близкого приятеля Томми, которого Дженнингс не упоминал. Женщина была твёрдо уверена в том, что тот второй дознаватель записал его имя и адрес.

Во-вторых, оказалось, что у Томми был дядя, — единственный родственник, о котором он когда-либо при ней упоминал — по имени Чарльз Рейнал, торговавший недвижимостью где-то в Джексонвиле. Женщина полагала, что Томми направился либо в Калифорнию, либо во Флориду, поскольку погода в Чикаго всегда была ему ненавистна. И если он избрал Флориду, то там мог войти в сношения со своим дядей. Она полагала, что рассказала это тому дознавателю из кредитной компании, но не уверена. У меня было чувство, что она-таки рассказала, поскольку дядя Эм обязательно спросил бы её о родственниках Рейнала, где они живут, и все те же факты стали бы ему известны.

Это уже было нечто такое, что я мог предоставить кредитной компании за оплату ею нашего дня работы. А уж им останется написать полиции в Джексонвиле, чтобы там искали автомобиль или самого Томми Рейнала.

Было немного за полдень, когда я покинул миссис Рейнал. Вряд ли и дядюшка Эм выбрался от неё раньше, я не опережал его. Теперь он, возможно, съел ланч, и я проделал то же. Вероятно, и в том же ресторане, который встретился мне всего лишь в квартале от дома миссис Рейнал. Это можно было бы установить точно, покажи я фотографию дядюшки Эма, но мне было не принципиально. К тому же я бы встревожился, окажись, что он тут всё же не завтракал.

Ещё не заказав ланча, я направился к телефонному аппарату и позвонил в агентство. Бен сообщил мне, что новостей не поступало и ничего не произошло. Он пожелал узнать, как мои хождения. Я сказал, что побывал везде, где побывал и дядюшка Эм, но нигде, кажется, не встретил никакой зацепки и не нашёл никакой связи с тем, что произошло после того, как он вернулся в агентство.

— Не останавливайся, — велел мне Старлок. — Чем больше об этом думаю, тем больше признаю твою правоту. Я имею в виду — проследи все его передвижения до того часа, в котором он отчитался. Нам раньше следовало так поступить.

Покинув телефонную будку, я, вместо того чтобы усесться прямо у стойки, занял одну из боковых кабинок. Мне хотелось просмотреть свои записи, все имена и адреса, и распланировать работу на послеполуденное время. Дядюшка Эм, несомненно, тоже занялся этим за ланчем.

У меня, как, несомненно, и у дядюшки Эма, были записаны четыре фамилии. Если ни Дженнингса, ни миссис Рейнал не подвела память, других у него не могло быть.

Трое из четырёх находились недалеко в южной части города, все в радиусе мили или близко к тому. Этих троих дядюшка Эм сумел бы повидать лично, по крайней мере — попытаться. Четвёртый адрес располагался значительно западнее, почти что в Сисеро, в пригороде.

Покончив с едой, я вернулся в телефонную будку и поискал номер Харви Шпенглера, — того самого, что жил так далеко на западе. В телефонной книге его не оказалось, поэтому я позвонил в справочную, назвал им адрес и получил в ответ номер телефона — у них он имелся. Я позвонил по этому номеру.

Скорее всего, я попал в дом с меблированными комнатами; Шпенглера там не оказалось, но они полагали, что он просто вышел позавтракать и скоро вернётся.

Я выбрал ближайший из оставшихся адресов и направился туда, к человеку по имени Альберт Бургонн. Там выяснилось, что по субботам он работает после полудня, вот почему его не было дома. Мне дали адрес галантерейного магазина и сказали, что по средам он тоже работает во вторую половину дня. Галантерея была недалеко; трамвай, ходивший по Кларк-стрит, доставил бы меня туда в пять минут.

Но сначала я завернул в аптеку и вновь попытался связаться по телефону со Шпенглером. Теперь мне это удалось.

По телефону легенда о кредитной компании звучала бы совсем иначе. Если вы не разговариваете с людьми лицом к лицу, они замыкаются в себе. А потому я произнёс:

— Это говорит Джей Уилер. Не подскажите ли, где можно найти Томми Рейнала?

— Не подскажу. Томми я не видел больше месяца. А вы кто?

— Джей Уилер. Я как-то видел вас вдвоём с Томми. У меня для него есть деньжата. Не много, но их надо отдать и вычеркнуть из списка.

— За что деньги-то?

— А выигрыш. Чуть больше месяца назад он давал мне пять баксов на одну клячу, ну и выиграл. Тридцать четыре доллара шестьдесят центов. И всё не приходит их забрать, — может, и не знает, что выиграл. Не люблю, когда в моём списке невыплаченные выигрыши, хоть сам их всучивай. Так не скажете, где он?

— Я слышал, что он дёрнул из города. Так что, скажу вам, возьмите денежки себе. Если только не желаете отделить двенадцать баксов мне. Он их мне должен.

Я рассмеялся. — И вы не знаете, куда он мог отправиться? — Я почувствовал, что это не лучший вопрос, не для моего образа. Но Альфред не заметил.

— Не знаю, разве что в Калифорнию. Но теперь и сам удивляюсь: точно ли он сбежал? Пару дней назад мне звонил ещё другой букмекер, и у него, чёрт подери, тоже имелся выигрыш для Томми. Побольше вашего. Чего ж тогда Томми не стал дожидаться результатов, не подсобрал тех денежек, что навыйгрывал?

Я поблагодарил и повесил трубку. Ну не смешно ли! — дядюшка Эм использовал тот же предлог, что и мне пришёл в голову. Смешно, да только смеяться не хотелось. Во всяком случае, одно имя из списка долой.

К галантерее меня привёз трамвай. Была половина второго; мне сказали, что Альберт Бургойн вышел на ланч и назад его ждут к двум.

Я решил, что лучше мне подождать поблизости, чем отправляться по оставшимся двум адресам, а потому я направился в заведение на углу и скоротал полчаса за бутылкой пива. Ну, и позвонил в агентство узнать, нет ли чего нового.

В два я вернулся в галантерею. Бургойн только что пришёл. Я поведал ему ту же историю с кредитной компанией и спросил, не знает ли он, где сейчас Томми Рейнал.

Нахмурившись, Бургойн несколько секунд колебался. Наконец он произнёс:

— Да, я знаю, где сейчас Томми.

Глава 16

Вот уж чего я не ожидал, так не ожидал! Да и в тупик стал: неужто дядюшка Эм не побывал тут? Ведь сказал же Дженнингс, что дядюшка записал имя Бургойна. Вообще-то, где находился Томми Рейнал, мне было плевать. Захотелось закрыть эту тему и перейти прямо к дядюшке. Но требовалось выдержать роль, так что я обуздал нетерпение и спросил Бургойна, так где же Рейнал.

— В Луисвилле, что в Кентукки. Остановился в Кентукки-хаусе под именем Том Рейнольдс; имя несколько изменил, но не сильно. Вчера я получил письмецо.

— От него? — изумился я.

— Чёрт, нет. От моего двоюродного брата, он живёт в Луисвилле — занимается доставкой от большого винно-водочного магазина. Он провёл здесь в Чикаго парочку недель примерно год назад и познакомился с Томми. И вот он написал мне, что несколько дней назад ему нужно было подвезти кое-что из спиртного некоему Тони Рейнольдсу в Кентукки-хаус. А это имя якобы напомнило ему, что в Чикаго он знал некоего Томми Рейнала, и когда он доставил свои бутылки в номер заказчика, тот и оказался Рейналом. Про его словам, Рейнал его не признал, — они только раз встречались, да и сам он не был бы в уверенности, что тот точно Рейнал, если бы не фамилия, такая близкая к настоящей. В любом случае мой брат ничего не сказал ему насчёт смены фамилии, лишь мне написал.

— Вы говорите, что получили письмо только вчера?

— Да, и я всё пытался вспомнить название вашей компании. Тут побывал другой человек — пару дней назад, кажется в среду. Или то была другая организация, которая тоже его ищет?

Я объяснил Бургойну, что представляю ту же самую компанию, и напел всё то же про второго дознавателя и почему мы так удивлены его поведением. Под конец я спросил, в котором часу тот здесь побывал и как себя вёл.

— Да в такое же время или чуть позже. Нормально себя вёл, без выкрутасов, если вы это имеете в виду. Я бы рассказал ему про Рейнала, если бы знал тогда. Но он не оставил визитки, а я не мог вспомнить его имени или названия той кредитной компании. А что вы сделаете с Рейналом? Вернёте его назад?

— Это будет решать руководство, — ответил я. — Не знаю, потребуют ли они его передачи нам, но уж машину точно отберут.

— Пусть бы они отобрали у него ещё и мои двадцать пять долларов, с которыми он улизнул. Вот почему я так охотно даю вам эти сведенья. Я думал, он мне друг, но тут не то, чтобы человек занял у вас деньги и пошёл домой. Тут дело хуже. Занял накануне побега, значит задумал не отдавать. Так он, вероятно, у всех позанимал, у кого сколько мог, и заранее знал, что отдавать не собирается.

— Вероятно, — согласился я. — В письме вашего брата не было каких-то иных подробностей?

— Нет, только это. Но я знаю Кентукки-хаус; я в Луисвилле жила. Вполне себе местечко. Не шикарно, но для него, коли он там останется, лучшее, что он заслужил. Это не гостиница для проезжих; там сдают помесечно, мебелирашки для холостяков. Так что коли он был там несколько дней назад, значит и сейчас там. Вот и всё, что могу вам сказать.

Я поблагодарил и, вернувшись к теме моего дядюшки, спросил Бургойна, в котором точно часу тот побывал здесь, объяснив, что мы пытаемся отследить все его хождения в тот день.

— Он приходил сюда, когда я отсутствовал, — завтракал, примерно в полпервого. Знаю точно, поскольку, когда я вернулся, начальник сказал, что полчаса назад некто пришёл со мной повидаться, и он посоветовал тому человеку подойти после двух. Он подошёл, я бы сказал, в два с четвертью: я уже работал в течение пятнадцати или двадцати минут, когда он вернулся.

— Не знаете ли, куда он направился отсюда?

— Он спросил, знаком ли мне Текс Уилкинс, — это ещё один приятель Рейнала; когда я сказал, что знаком, он спросил, не знаю ли я, где Том будет работать после обеда. Ему нужен был лишь адрес той забегаловки, где Том вроде буфетчика, да часы его рабочей смены.

— Ясно, — ответил я. Это было одно из двух оставшихся у меня имён. — И Том Уилкинс тогда был на работе? И сейчас тоже?

— Да, до четырёх часов. Он работает с семи утра до четырёх вечера, ежедневно кроме воскресенья.

Я вновь поблагодарил Бургойна и мы распростились. Текс значился в моём списке следующим, как и в списке дядюшки Эма, и всё же сперва я вернулся туда, где ранее убил полчаса времени с бутылкой пива, и позвонил оттуда в агентство.

— Слушаю тебя, Эд, — ответил Старлок. — Что-нибудь выяснил?

— По дяде Эму — нет. Но напал на след Томми Рейнала. Вот и решил сразу же вам позвонить, чтобы вы связались с компанией Бартлетта, пока след горячий. Им, наверно, захочется немедленно позвонить в полицию Луисвилла.

И я пересказал Старлоку всё то, что услышал от Бургойна, а затем объяснил, что это не дядина вина, что это Бургойну только вчера стали известны все эти подробности.

— Хорошо поработал, Эд, — похвалил меня Старлок. — Я позвоню к Бартлетту. Но я бы предпочёл, чтобы ты узнал что-нибудь про Эма, а не по этого Рейнала.

— Мне бы этого тоже хотелось. В общем, остаётся ещё заскочить по двум адресам. Прибуду к пяти.

Ресторан, в котором работал Текс Уилкинс, находился на Саут-Стейт-стрит. На трамвае, доставляющем пассажиров вдоль Кларк-стрит, я достиг нужной широты, после чего добрался до Стейт пешком.

К Уилкинсу я применил тот же подход, что и к прочим, ничуть не показывая, что уже знаю, где скрывается Рейнал. Мне не хотелось пропустить не единого следа, который он мог дать в своё время дяде Эму, и которым дядя Эм мог в тот день воспользоваться.

Но Уилкинс ничего не ведал о Рейнале; они вот уже два месяца не видались. Он слышал, что Рейнал сбежал из города, но и только. Да, другой дознаватель побывал тут пару дней назад, но Уилкинс ничего не смог ему сообщить. Нет, он не называл никаких особенных контактов или персон, которыми другой дознаватель мог бы заняться; Уилкинс был в этом уверен.

Уилкинс полагал, что второй дознаватель побывал у него примерно в три пополудни, но не совсем был в том уверен, — могло оказаться и немного раньше.

Мне подумалось, что три пополудни — вполне верное предположение: в галантерее я опережал дядю Эма на четверть часа, а теперь было как раз без четверти три.

Остался всего один адрес и человек по фамилии Гейнс. До него было более дюжины кварталов, а потому я взял такси.

Гейнса дома не оказалось, но мне удалось поговорить с его женой и задать ей все необходимые вопросы. Это не помогло.

В среду мистер Гейнс так же был за городом, когда другой представитель кредитной компании зашёл его повидать. Он ведь странствующий торговец и почти половину времени проводит вне Чикаго. Жена его о Томми Рейнале знала меньше чем ничего, — слыхала, как её муж упоминал о нём, и знала, что они приятели, но вряд ли близкие друзья, вот и всё. Этого Рейнала она не встречала и не упомнит, чтобы её муж называл эту фамилию в последнее время. Она даже не знала, что Рейнал покинул город, пока другой дознаватель, задавая те же вопросы, сам об этом не упомянул. И она не разговаривала о том со своим мужем, поскольку со среды тот ещё не возвращался: сейчас он в торговой поездке по Миннесоте и будет отсутствовать ещё два или три дня.

Помимо того факта, что случилось это во вторую половину дня, женщина не могла сказать, в котором часу заходил к ней другой дознаватель, пока я немного не подстегнул её память, спросив, не было ли это примерно в половину четвёртого. Тогда она и вспомнила, что произошло это, когда она вернулась из ежедневного похода за покупками, так что время было по меньшей мере не ранее названного мной.

А я знал, что такое не могло случиться и позже, поскольку ещё до наступления четырёх дядюшка вернулся в агентство.

Я поблагодарил женщину.

До Кларк-стрит я возвращался медленно, пытаюсь найти во всём слышанном хоть малейшую зацепку, которую мог упустить. Противно было возвращаться в агентство ни с чем; там мне тоже нечего было делать.

Взглянув на свои наручные часы, я увидел, что ещё только три. Вернись я сейчас, я приду за полчаса до тогдашнего прихода дяди Эма. Я побывал везде, где побывал и он, насколько мне это представлялось, и с десяти часов утра я шёл с ним чуть ли не минута в минуту, за исключением той четверти часа форы, которые предоставила мне встреча с Бургойном в два вместо двух с четвертью, и ещё четверти часа, сэкономленных благодаря такси между двумя последними визитами, в то время как дядя, скорее всего, шёл пешком или ехал на трамвае.

Эти вторые четверть часа объяснить было просто, но вот что произошло в первые пятнадцать минут? Дядя Эм достиг галантереи точно как и я, примерно в полвторого, и обнаружил, что Бургойн ушёл завтракать и вернётся в два. Но вернулся дядя только в два с четвертью либо в двадцать. Чем он занимался почти три четверти часа?

Я-то убил свои полчаса между половиной второго и двумя в заведении на углу, попивая пиво. Не исключено, что и дядюшка Эм проделал то же самое, но было не похоже на него, чтобы он задержался и провёл там на четверть часа дольше, если только на то не было какой-то причины. У него имелись наручные часы, и за временем он следил.

Эти четверть часа продолжали изводить меня. Не решив их загадки, я не мог двинуться назад в агентство; вместо этого я повернул стопы по Кларк-стрит к северу. Теперь я был всего в двух кварталах от галантереи и от той забегаловки, где потратил полчаса, ожидая возвращения Бургойна.

Я миновал эти два квартала и вновь зашёл в заведение на углу. Когда я показал бармену фотографию дяди Эма, тот не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь видел такого, хотя и утверждал, что во вторую половину дня в среду был здесь, на своём рабочем месте.

Я прошагал ещё несколько кварталов по Кларк-стрит в том же направлении, делая те же попытки в трёх других забегаловках и двух ресторанах. Полный ноль. Я даже в аптеке спросил о дяде, если вдруг он остановился там выпить кофе или колы. А поскольку эта аптека была, похоже, самым крайним пунктом, в который ему удалось бы заглянуть, я заказал колы и присел всё обдумать.

Если дядя Эм никуда не заходил ради того, чтобы убить время в ожидании окончания обеденного времени Бургойна, значит у меня имеется в общей сложности три четверти часа его времени, а не одни только пятнадцать минут. И если он всего лишь убивал время, то должен был куда-нибудь да зайти. Не в его духе было просто бродить сорок пять минут по улицам. Не настолько мой дядюшка Эм ходок.

На стеллаже я заметил карту чикагских улиц. Я купил её и наполовину развернул, чтобы рассмотреть Петлю и ближайшую к ней южную часть города; при этом карту я разложил на аппарате с газировкой. Карандашом я прочертил свой маршрут от нашей конторы до того места, где находился сейчас. Маршрут дяди Эма должен был в точности с ним совпадать вплоть до той точки, где он поговорил с женой странствующего торговца. Оттуда ему полагалось вернуться в контору.

Но где же он пробыл в течение этих сорока пяти минут с половины второго до двух с четвертью? Не набрёл ли он на след, который я просмотрел?

Крестиком я пометил расположение галантереи, изучил это место и всю округу. В нескольких кварталах от моего крестика Кларк-стрит пересекалась с Польш-стрит, которая уходила к мосту. Кто это говорил мне: «Нужно перейти мост, что по Польш-стрит»?

Миссис Дженнингс, когда упомянула то «чудо», того предсказателя судьбы, Раму Сингха. На Барр-стрит, сразу как сходишь с Польш.

Вряд ли это было стоящим занятием — отыскивать этого предсказателя, у которого и Рейнал побывал однажды. Разве дяде Эму могло что-то у него понадобиться? Но туда ходу было лишь десять минут. И возможно, дядя Эм решил туда пройтись, когда узнал в галантерее, что ему придётся некоторое время прождать.

Я сунул карту в карман и вышел из аптеки. Пройдя по Польш-стрит, я миновал мост. Когда я достиг Барр-стрит, то начал рассматривать почтовые ящики на зданиях, начиная от угла. На

третьем же здании я увидел ящик с именем «Рама Синх» и номером «6». Ничто не указывало, что то был провидец, значилось только имя.

По шаткой лестнице я поднялся на второй этаж и отыскал там дверь под номером «6». На ней не было никакого имени, только белая картонка в одном уголке матового стекла гласила: «Входите», и я вошёл.

То была приёмная, в дальней стене которой виднелась ещё одна дверь. У одной стены стоял истёртый диван, ещё несколько предметов мебели, включая этажерку с книгами, находились у стены напротив. Я подошёл к этажерке и взглянул на книжные корешки; все книги были на оккультную тематику.

Из-за дальней двери доносились слабые голоса; я подошёл поближе и прислушался, но не смог различить слов, только понял, что голоса принадлежали мужчине и женщине, что говорил, главным образом, мужчина, а женщина, скорее всего, лишь задавала вопросы или соглашалась.

Я вернулся к этажерке и снял книгу наугад. Взглянув на название — «Геометрия души», — я вернул книгу на место. Я просмотрел прочие названия, стараясь найти хоть одну из книг Чарльза Форта, но таковые отсутствовали. Все названия звучали для меня одинаково курьёзно, а потому я вновь снял книгу наугад и раскрыл на форзаце. Толстым карандашом там было надписано «Рама Синх», но под этим именем когда-то значилось другое, ныне стёртое. Я слабо подивился, каким же было настоящее имя Рамы Сингха, и снял с полки ещё книгу в надежде, что там это имя стереть забыли. Но форзац этой книги был вырван — вероятно, надписано там было чернилами и не поддавалось затиранию. Я вернул книгу на полку и не стал интересоваться прочими. Пройдя через комнату, я уселся на диван.

И почти в ту же самую минуту дальняя дверь открылась и из неё вышла женщина. Она не была мне знакома. Я и сейчас не смог бы припомнить её лица, но после беглого взгляда на него — просто чтобы убедиться, что раньше я её не встречал — я перевёл взгляд на человека в тюрбане, появившемся в дверном проходе, как только женщина его освободила.

Это был Честер Хемлин.

Казалось, что он совсем не удивился, увидав меня тут. Не знаю, сильное ли удивление отразилось на моём лице, но Честер подмигнул мне из-за спины вышедшей женщины, явным образом выразив просьбу ничего не говорить, пока та не ушла. Я выждал, пока уходящая не закроет за собой внешнюю дверь, но Честер опередил меня, произнеся:

— Входи, Эд. Я так и думал, что ты придёшь.

Он отступил во внутренние покои, и я последовал за ним. Внутренняя комнатка была поменьше приёмной и более скудно освещена. На полу лежал ковёр, но из мебели там находился только маленький столик, стул с прямой спинкой позади него да более удобное кресло перед ним. Стол был накрыт чёрной скатертью, и магический кристалл — стеклянная сфера диаметром в три дюйма — возлежал на подушечке чёрного бархата в центре столика. Какие-нибудь иные аксессуары отсутствовали, если не считать тюрбана на голове Честера, а помимо тюрбана одет он был самым обыкновенным образом, опрятно.

Эта простота производила даже большее впечатление, чем самая изысканная обстановка.

Честер сел за стол — на стул с прямой спинкой, но глядел он не на свой кристалл, а на меня.

— Присаживайся, Эд. Знаю, о чём ты хочешь меня спросить, и расскажу всё без расспросов. Имей это какое-либо значение, я рассказал бы и раньше. Я всё время порывался, но тогда у меня возникли бы трудности, а тебе не было бы проку. Ты его и не жди, и всё же... — Честер пожал плечами, — ты ведь всё равно здесь.

— Дядя Эм побывал здесь в среду вечером.

— Верно. Он пришёл расспросить меня о Томми Рейнале, который тоже заходил как-то сюда... из-за моей профессии. Я рассказал Эму, что знал, но не думаю, чтобы это ему много помогло.

— А ваш магический кристалл вы не использовали?

Честер воспринял мои слова всерьёз.

— Я предлагал ему. Вполне можно было что-нибудь в нём и увидеть, но дядя твой только посмеялся — ну точно ты прошлой ночью, когда я предложил воспользоваться моим ясновидением в помощь твоим поискам своего дяди. Я и сейчас могу попытаться — здесь и сейчас, — если ты окажешься способен войти в соответствующее состояние сознания, чтобы

действовать вместе со мной, во взаимной связи. А коли будешь сидеть со скептическим видом, то извини, — ничего не выйдет.

Прав он был в одном пункте: связи с ним я не чувствовал. Мне было немного холодно и слегка подозрительно. Нельзя было сказать, что именно вызывало во мне подозрение, но я старался это понять.

— Ясновиденью, Эд, я посвятил всю свою жизнь, — продолжал Честер. — Я не пытаюсь действовать с тобой обманом. Кажется, у меня и возможности иной нет, как рассказать тебе всё без утайки. Я занимаюсь этим... ну, назови хоть предсказанием судьбы, как кончил школу. Девять лет, если точно. И, чёрт меня возьми, у меня получается! Я самый настоящий ясновидец, всё вижу в этом кристалле. Реально помог множеству людей.

Признаю, что и прилгну иногда. Это не есть нечто такое, что можно открыть и закрыть подобно крану с горячей водой; частенько ни черта не увидишь, так что приходится присочинить что-нибудь безобидное, потому что надо же что-нибудь сказать человеку. Да ещё назваться кем-нибудь вроде Рамы Сингха, потому что кто же станет верить предсказаниям какого-то Честера Хемлина?

У меня дюжина имён, Эд, потому что в отношении ясновидения существует одна печальная вещь: как правило, зарабатывать этим деньги — незаконно. Настоящий ты ясновидец или шарлатан, — а большинство из них шарлатаны-таки, как и я сам иногда, если вынуждают. Но за эти девять лет я понял одну вещь: следует постоянно отстраняться от того себя, кого все знают под профессиональным псевдонимом. В любой день сюда может заявиться полиция и велеть мне двинуть вон, и я вынужден буду закрыть это место и начать на новом и под новым именем. Но им не известно, что я — это Честер Хемлин, так что не всё мне приходится начинать сначала: некая база всегда сохраняется.

Честер пожал плечами.

— Полагаю, ты им теперь всё расскажешь. И я, Эд, кажется, не стану тебя винить.

— Честер, давай на минутку вернёмся к дяде Эму. В каком часу он сюда пришёл? — Сам-то я знал, в каком часу, но мне хотелось услышать, что Честер скажет по этому поводу.

— Это было как раз когда я выходил пообедать — вернее, когда я вернулся с обеда. Обычно я начинаю чувствовать голод в час. Кажется... дай-ка вспомнить... в среду я вернулся примерно в без четверти два. Эм был уже здесь — в приёмной, я хотел сказать, сидел на диване. Я пригласил его сюда для разговора, и проговорили мы, думается мне, пятнадцать — двадцать минут. Я рассказал ему то небольшое, что знал о Томми Рейнале; мог бы рассказать и больше, да он не захотел. То есть, то, что можно было бы увидеть в этом кристалле. Ещё я попросил его не рассказывать среди жильцов нашего дома, чем я занимаюсь; мы это обсудили, и он согласился.

Всё сходилось. В частности — время. Чтобы дойти отсюда до галантерейного магазина, требовалось десять минут. Дяде Эму пришлось немного подождать здесь, если Честер вернулся в без четверти два, и если они проговорили примерно двадцать минут, то к галантерее повидать Бургойна дядя вернулся в четверть третьего. Всё верно.

— Надо было рассказать мне, — проговорил я.

— Чёрт возьми, Эд, я бы рассказал, если бы это помогло. Но как это поможет? Твой дядя объяснил мне, почему он разыскивает Рейнала: тот сбежал из города на автомобиле, и кредитная компания обратилась в ваше агентство с просьбой его найти. И какое это могло иметь отношение к тому, что потом случилось с твоим дядей? А уж мне-то известно, что приход сюда твоего дяди никак с этим не связан!

Я решил копнуть глубже.

— А чего ему вздумалось приходить сюда?

— Он мне объяснил. Это Рейналова свояченица сказала ему, что Рейнал сюда приходил; она-то ему и советовала. К слову, всё, что ему здесь было надо, так это подсказка на какую лошадь ставить.

— И вы ему подсказали?

— В нашем деле, Эд, — если человек зарабатывает себе этим на жизнь, — ты говоришь человеку всё, что он хочет услышать. Но — если только это не нечто такое, в чём ты действительно уверен, что это правда, — ты говоришь это не напрямую, чтобы он не мог тебя впоследствии упрекнуть. Нет, правда, я и в самом деле не помню, что сказал тогда Рейналу, — так, что-то

сообразил тогда. Не понравился он мне.словно жулик какой-то. Всё равно я ничего не смог бы для него высмотреть, так что слегка припудрил ему мозги. Вероятно, он решил, что сказанное мной в первый раз отлично сработало, так как пришёл за новой подсказкой. И больше уж не являлся — вероятно, потерял-таки денежки, неправильно интерпретировав ту болтовню, которой я угостил его во второй раз.

— А когда был второй раз?

— Точно не помню. Кажется, два месяца назад. Вспоминаю, правда, что этот второй раз был всего через пару дней после первого. И после он здесь не бывал.

Честер углубился в некоторые подробности своей тогдашней беседы с Томми Рейналом, но те меня не интересовали. Я ведь разыскал уже Рейнала, и нужен мне был только дядя Эм. А дядя Эм не получил здесь никакой зацепки, по крайней мере такой, которую отправился бы проверять. Теперь я знал все его передвижения за тот день вплоть до того часа, как он вернулся в контору. И я сказал:

— Помолчите, Честер. Мне нужно подумать.

Думал я, думал, но проку в том не было. Ничего нового не выявилось, кроме простого совпадения. Оно заключалось в том, что Честер Хемлин оказался ясновидящим и что, пытаясь установить местонахождение беглеца на автомобиле, дядюшке Эму случилось поговорить с Честером, поскольку Честеру заглянул в магический кристалл, чтобы подсказать нужную лошадь тому человеку, которого дядюшка разыскивал, — да так и не разыскал.

И ничего большего из этого было не извлечь. Дядя Эм пообещал не выдавать Честера; по крайней мере Честер сказал, что дядя пообещал ему это; и я не видел причин подвергать это сомнению. Уж дядюшка Эм точно бы пообещал, если бы его попросили. Некогда дядюшка и сам подрабатывал предсказаниями — в один из ярмарочных сезонов.

Но к этому, когда я останусь один, следовало вернуться; может быть, тут ещё что-нибудь всплывёт. Я встал.

— Всё ясно, Честер.

— Ты же не собираешься раскрывать меня, Эд?

— И нет, и да, — ответил я. — Старлоку я, естественно, расскажу. Ну, и Бассету — именно он занят этим делом от отдела убийств. Но его только убийство интересует; предсказателей он допрашивать не станет. Я попрошу его не передавать сведения о вас по всей линии до того отдела, который мог бы вами заинтересоваться. Он хороший парень и не станет на этом заморачиваться. Ну, а миссис Брэйди и прочим в доме я рассказывать не стану.

— Спасибо, Эд. Большое спасибо.

Не спеша, раздумывая, я вернулся на Кларк-стрит. Весь день дядюшки Эма был прослежен мной до конца. Ничего существенного мне выяснить не удалось; даже то, что он повидал Честрера Хемлина, он же Рама Сингх, не имело значения. Никаких тут не было оснований для произошедшего в дальнейшем.

И всё-таки, решил я, следует выяснить ещё нечто. Этак, шито-крыто, пока Честер не вернулся домой.

Я поймал такси и назвал водителю адрес наших меблированных комнат. Попасть к Честеру я решил при помощи своего собственного ключа, и только если не получится, просить миссис Брэйди дать мне запасной. Помнилось, что все наши ключи были очень схожи: ещё Эстелла без труда отперла дверь Карла Делла своим ключом.

Мой ключ столь же легко подошёл к двери Честера.

Я прикрыл за собой дверь и огляделся, гадая, что же именно ищу и с чего начать. Стоило бы, конечно, с чулана, на который Честер навесил замок из-за находившихся там химикатов, но тогда пришлось бы отвинчивать петли, чтобы попасть внутрь, либо же срывать накладку с замком гвоздодёром.

Начать следовало с чего-то попроще. В глаза мне бросилась этажерка, и я вспомнил про такую же в приёмной у Рамы Сингха; я бросился просмотреть корешки. Тут не было книг по оккультным наукам, всего лишь обычный набор книг как у всякого в меру образованного человека: исторические романы, пьесы, несколько детективов да ряд нехудожественных книг различной тематики.

Я взял одну книгу и раскрыл её на форзаце, как проделал то же с двумя или тремя книгами в приёмной у Рамы Сингха. На этот раз надписано было «Честер Хемлин», однако, подобно тем книгам в приёмной, — поверх какого-то стёртого имени.

Каким же ещё именем он пользовался? Мне даже интересно стало. Он же не свой профессиональный псевдоним вроде Рамы Сингха затёр, чтобы вместо него написать настоящее имя: ни в одном из своих рабочих кабинетов он, по всей вероятности, не стал бы держать другие книги помимо оккультных. Признался же, что всегда у него профессиональное и персональное разделено.

Я поднял книгу на свет, пытаюсь прочесть затёртое слово, но мне не удалось.

Я поставил книгу на место и принялся методично просматривать книгу за книгой, начиная с левой стороны верхней полки, в поисках той, где имя не было изменено. Просмотрев несколько книг, в которых прежнее имя всё же было затёртым, я переворачивал каждую вверх тормашками и как следует её тряс, прежде чем ставить на место. Бывает, что человек положит нечто в книгу да забудет о том.

Честер оказался из таких.

Где-то на восьмой попытке из книги выпал старый конверт, служивший закладкой; когда-то он скользнул внутрь книги за край страниц и не был виден, когда книгу закрывали. Но стоило мне потрясти книгу, держа её вверх тормашками, как он выпал и лёг на пол.

Я подобрал конверт. Мне так и не пришлось увидеть адрес отправителя, почтовую марку и даже тот адрес Честера, куда пришло ему это письмо. Я впери́л взгляд на имя адресата: «Честер Дэгон».

Секунды хватило, чтобы я выронил и конверт, и книгу и ринулся к двери чулана, готовый вышибить её голыми руками, но за эту секунду много чего пронеслось в моей голове. Тоби Дэгон, убийца. Честер, как-то обмолвившийся под влиянием выпитого, что у него есть брат, который...

Я заставил себя стать смирно и провести следующую секунду в трезвом размышлении — благодаря чему и вспомнил, как наблюдал за Честером до той минуты, когда тот отложил отвёртку и молоток в сторону, приладив, наконец, накладку под висячий замок. Шурупы были не длинны; я был уверен, что с помощью отвёртки и молотка тоже смогу освободить накладку, удалив шурупы из гнезд.

Инструменты я вынул из нижнего ящика комода. Приладив отвёртку над верхним краем накладаки, я принялся вонзять её в щель между металлом и деревом с помощью молотка.

Из-за производимого мной шума я не слышал, как дверь в коридор открылась и вновь закрылась. Голос, раздавшийся за моей спиной, дал мне понять, что в комнате я не один.

— Продолжай, — произнёс голос.

Я обернулся. Тоби Дэгон, ближайший помощник Оги Грейна, стоял на расстоянии всего в несколько футов от меня с пистолетом в руке. Сорок пятый калибр, походивший на артиллерийское орудие, был направлен мне прямо в солнечное сплетение.

В руке я держал молоток, им можно было замахнуться, его можно было метнуть, но курок всё равно оказался бы спущен гораздо раньше, а с четырёх футов невозможно было промахнуться.

— Продолжай же, — велел Тоби. — Выломай замок, чтобы мне не пришлось.

Глава 17

Я осторожно развёл руки в стороны.

— А ключом не легче будет?

— Ключа с собой нет. Действуй. У тебя хорошо получается.

Словно бы он был доволен мной! Но его лицо выражало совсем другое. Особенно его глаза. Такие глаза вы видите в любом рыбном ряду, если только я справедлив по отношению к дохлой рыбе. И всё же проникнуть в чулан мне требовалось даже более настоятельно, чем ему. Минуту назад я только догадывался, теперь же знал точно.

Я вновь принялся действовать молотком и отвёрткой. Теперь можно было не бояться шума, наоборот — я старался производить его как можно больше в надежде привлечь внимание людей. Надежда не оправдывалась. Когда вы забиваете гвоздь в стену, чтобы картинку на него повесить, никто не станет вызывать полицию, а именно столько шума я и производил, никак не больше.

Вот острый отвёртки вошло в дерево по-за накладкой, и я попытался вырвать эту последнюю. Не смог; тогда вогнал под ручку торчащей отвёртки головку молотка плоской стороной и начал орудовать его рукояткой как рычагом; шурупы начали выдвигаться из гнёзд. Я выронил молоток, надеясь что теперь он загремит как следует, а шурупы вытащил, отодвинув накладку от дерева лишь одной отвёрткой. Прodelав это, я выронил и отвёртку, а дверь распахнул. Дядюшка Эм был внутри, живой. Это первое, в чём я уверился. У него колыхалась грудь.

Он был связан и с кляпом во рту, только это было лишнее, поскольку он был накачан наркотиками. Но живой.

Теперь ситуация частично для меня прояснилась — не полностью, но достаточно, чтобы понять: стоило мне выйти от Честера, как тот позвонил Тоби, и последний отправился сюда прикончить дядю Эма и удалить его из Честеровой комнаты, пока я не собрался с мыслями. А я думаю быстро, потому-то и голову в крысоловку всунул незамедлительно. Теперь, несомненно, прикончат и меня. Имелся у меня, правда, туз в рукаве — та кобура с револьвером... Тоби явно этого не подозревал, иначе отобрал бы моё оружие ещё до того, как велел продолжать и удалить накладку. Да только у него-то пистолет был в руке, а не в кобуре, и нацелен мне в кострeц.

— Вот ты его и нашёл. Вытаскивай, да тащи в свою комнату.

Дальнейшее мне не надо было расписывать. Стоит мне затащить дядю в нашу с ним комнату, — это чтобы Честер Дэгон оказался ни при чём, — как пистолетная рукоятка опустится мне на голову и убьёт меня — так убили Карла Делла, — а затем та же участь постигнет и дядю Эма.

Тоби полностью владел положением. Я ведь имел возможность развернуться, одновременно вытаскивая пистолет, и попытаться выстрелить раньше, чем это сделает Тоби. Только шанс был один из тысячи. Правда, если я вынужу его выстрелить сейчас, ему уже не преуспеть в том, что он задумал.

От сорок пятого калибра будет ого-го сколько шума. Тут уж много чего воспоследует. После выстрела из подобной пушки Тоби не отважится тратить время на то, чтобы таскать нас обоих, меня и дядю, из комнаты в комнату. И ему, вынужденному бросить нас в комнате Честера, терять будет нечего, — дядю Эма он прикончит. Будет ли хуже Честеру с двумя трупами в своей комнате, чем лишь с одним-единственным да с человеком в бессознательном состоянии?

Чтобы рассудить подобным образом на словах, требуется чертовски много времени, но когда все эти мысли проносятся у вас в мозгу, да в подобном положении, времени им не требуется. И почти одновременно со всеми этими мыслями я сумел осознать, что если мне предстоит поучаствовать в этой игре, то не худо бы использовать свою голову, чтобы уменьшить плохие шансы насколько возможно.

Я взошёл в чулан и начал склоняться над дядей Эмом, протягивая к нему одну лишь левую руку, но стараясь, чтобы снаружи выглядело так, словно я тянусь к нему обеими руками. Правый локоть я прижал к боку, кисть просунул за отворот пиджака и нащупал пистолет.

Большим пальцем я тронул предохранитель, но двигать его не отважился, поскольку мог послышаться щелчок, а спустить курок я не был ещё готов. Но я извлёк пистолет из кобуры, а сам склонился ещё ниже, широко расставив ноги над дядюшкой Эмом; моя рука легко скользнула ему

за пазуху, под мышку, поскольку его пиджак не был застёгнут пуговицами. Тоби мог заметить блеск пистолета, пока я это проделывал, но, кажется, пронесло. Свет в чулане был тусклым, пистолет чёрным, а руку я просунул быстрым и естественным движением, прикрываясь собственным туловищем.

И вот, широко расставив ноги, с руками, засунутыми дяде под мышки, я немного приподнял его за плечи и наполовину перетащил через порог чуланной двери, пока не оказался лицом к лицу с Тоби Дэгоном. Теперь мне оставалось лишь вытащить руку да выстрелить из пистолета, попутно снимая его с предохранителя, и у меня был значительный шанс, даже при том, что пистолет Тоби всё ещё был направлен в меня.

Но мне подвернулась даже лучшая возможность. Тоби произнёс: «Стой. Подержи так», — и направился к двери, желая приоткрыть её левой рукой. Он явно желал убедиться, перед тем как мы будем переправлять дядю Эма из комнаты в комнату, что в коридоре никого нет, что никто не поднимается и не спускается по лестнице.

Он слегка приотворил дверь. Головы в проём не высовывал, но замер, прислушиваясь. Пистолет его всё ещё был направлен в меня, но голова Тоби слегка повернулась, ухом по направлению открывшейся щёлки. Взгляд сместился в ту же сторону.

Лучшего момента быть не могло. Возможно, это не совсем в традициях Одинокого Рейнджера — палить в противника, который ещё даже не посмотрел на вас, просто в эту секунду я был больше озабочен спасением жизни дядюшки Эма и своей собственной, чем исполнением спортивного кодекса.

Я распрямился, и я выстрелил. Всё-таки Тоби глядел на меня, когда я спускал курок; щелчок предохранителя предоставил ему на это время. А вот времени спустить курок своей сорокопяти у него уже не осталось. Возможно, он собрался это сделать, но умер и передумал.

Я не хочу сказать, что у меня получился добрый выстрел, но он подействовал. Я вообще первый раз в жизни стрелял от бедра, а потому попал высокомерно. Целился-то я в грудь, но пуля вошла Тоби аккуратно под левым глазом. Хотя убила его будь здоров, — даже, возможно, быстрее, чем если бы я попал, куда целился.

Тоби рухнул с тяжёлым стуком, от которого, казалось, содрогнулась вся комната.

Стараясь смирить дрожь, я открыл было рот, чтобы позвать миссис Брэйди, но тут услышал множество приближающихся шагов — выстрел прогремел как взрыв бомбы, — а потому просто склонился над дядей Эмом, вынул кляп у него изо рта и принялся его развязывать.

Правда, мне пришлось подойти к двери, чтобы помочь её отворять, поскольку Тоби Дэгон, истекавший кровью на пол комнаты своего братца, прижал её своим телом. Я оттащил его в сторону, и только тогда дверь смогли открыть. На пороге появилась миссис Брэйди, за ней виднелись другие.

— Дядя Эм нашёлся, — объявил я миссис Брэйди. — Развяжете его до конца, хорошо? И не обращайтесь на этого второго парня. Он вас не побеспокоит. Я пойду вызову скорую.

Миссис Брэйди справится, я это знал. Дипломированная медицинская сестра в прошлом, она не завопит при виде трупа, а для дяди Эма сделает больше моего.

Я сбежал по лестнице и позвонил Бассету. Сначала я попросил его сходить отправить к нам полицейскую санитарную машину, затем, когда он вернулся к аппарату и заверил меня, что машина послана, я кратко поведал ему главные подробности.

— Нужно сейчас же объявить Честера в розыск, — сказал я. — Вам лучше оставаться там и создавать движуху. По моему мнению, он где-то ждёт Тоби. Ваши его приметят, вы прекрасно сможете его им описать. Пошлите за ним автомобиль группы быстрого реагирования.

— Да, инспектор, — откликнулся Бассет. — Тотчас этим займусь, так что тебе лучше позвонить своему боссу, если не отзвонился ещё. Хорошая работа, Эд.

Я позвонил Старлоку и всё ему вкратце изложил. Он сказал, что сейчас будет. Я ответил, что здесь он меня может не застать, поскольку я собираюсь ехать с дядей Эмом в полицейской санитарной машине, если они мне позволяют, в противном случае последую за ними на такси.

Вернувшись к подножию лестницы, я крикнул миссис Брэйди, как там дядя. Она отозвалась:

— Норма, Эд. Без сознания, но дыхание и сердце в норме. Его только побрить не мешало бы.

Я хмыкнул и вернулся к аппарату. Подходило время выяснить, не врал ли мне Оги Грейн, обещая пять тысяч долларов за нужные сведения. Я позвонил ему и назвал себя.

— Это Тоби Дэгон обжуливал вас, Оги, — сообщил я ему. — С помощью своего брата Честера, который под именем Рамы Сингха подвизался местным предсказателем. Честер подбирал для Тоби паразитов, подробности позже.

— А где Тоби?

— Тоби мёртв. Я его пристрелил. А Честера сейчас ищут.

— Тогда, Эд, даю наводку. Полчаса назад Тоби сюда позвонили. Он сразу же ушёл, но перед этим сам позвонил куда-то. Разговора я не слышал, но случайно расслышал номер, который он назвал телефонистке. Звонил он в муниципальный аэропорт. Если они собирались вместе дать дёру...

— Спасибо, — бросил я. Пяти тысяч я не упоминал — пусть сам решает теперь, когда я сообщил ему всё, что он желал знать. Не мог же я потребовать эти деньги по закону; тут было бы просто-напросто слово против моего, так что вымогать у него эти деньги я не собирался.

Послышалась сирена; это, должно быть, подъезжала скорая помощь из полиции, но телефонного аппарата я не оставлял: нужно было звонить Бассету. Я сказал ему, что есть высокая вероятность схватить Честера Дэгона в зале ожидания муниципального аэропорта.

Повесил трубку я как раз вовремя, чтобы увидеть, как санитары поднимаются в комнату Честера с намерением забрать дядюшку Эма. Они позволили мне ехать в госпиталь вместе с ними.

Там, в вестибюле, я прождал, кажется, годы, пока врач не вышел и не сказал мне, что они постепенно приводят его в чувство, но пока он ещё не вполне в сознании, хотя оно скоро к нему вернётся. По словам врача выходило, что, поскольку дядя уже у них, его здоровью ничего не грозит, просто он в течение нескольких дней будет слаб от воздействия наркотиков, которые ему вводили на протяжении трёх дней. Возможно, мне разрешат повидать его на некоторое время, как только он полностью придёт в себя, а случится это не позднее чем через час.

Ещё до истечения этого часа прибыл Бассет, а с ним и Оги Грейн. Улыбаясь, Оги протянул мне конверт.

— Тут те билетики, которые я обещал тебе, Эд. Фрэнк позволил мне послушать, что поёт Честер. Теперь мне всё известно. А тебе расскажет Фрэнк. — Объяснив, что не станет здесь задерживаться, Оги с нами простился.

— Мы взяли Честера в аэропорту, — приступил Бассет к объяснениям, — и он заговорил. Много чего наговорил, желая обелить себя и взвалить вину за убийство Карла Делла на Тоби; утверждал, что не желал убийства Карла. Но он был соучастником и признает иск и за это, и за похищение твоего дяди. И знаешь что, Эд; я думаю — не исключено, что он спас Эму жизнь. Тоби бы его убил. А вот как вся каша заварилась.

Тоби долгое время обжуливал Оги — по маленькому. Его система была вполне надёжна, правда действовала лишь при небольших объёмах. Числовые билеты у него печатались в двух экземплярах (под одним и тем же номером) — печатник думал, что это часть бизнеса. Один набор Тоби сохранял у себя. Время от времени он вызывал какого-нибудь своего приятеля, — кого-нибудь, кто обязательно впоследствии поделился бы с ним, — купить билетик средней стоимости. Не имело значения, у какого распространителя его покупали или какое число вписывали. Главное, чтобы этот приятель позвонил Тоби и назвал серийный номер купленного билета, понимаешь?

И когда на следующий день в газетах появлялись числа, Тоби доставал дубликат того билета и вписывал туда выигрышное число. Он подменял корешок, эту копиру, которую распространитель сдал ему накануне, своей новой. Затем отдавал оригинал — с выигрышным числом — этому приятелю. Приятель относил квитанцию распространителю, тот видел по серийному номеру, что продал этот самый билет, и когда начинались выплаты, число на квитанции сходилось с выигрышным числом на корешке, который, как казалось распространителю, он самолично вернул Тоби. Получив деньги, приятель делился с Тоби. У тебя тоже сложилась такая картина?

— Примерно, — ответил я. — Только удивительно было, как срабатывало при единичном экземпляре. Дубликаты — вот ответ. Продолжайте.

— Так что единственная загвоздка была в том, что такие дела годились для малых ставок, а желалось ему большого куша. Загвоздка, собственно, — в наборе нужных людей — и в достаточном количестве — которые подставлялись бы вместо него и потом делились. И он

додумался привлечь своего братца-предсказателя. Честер открыл заведение в том же околотке, где действовал и возглавляемый Оги тотализатор. А для подбора нужных людей в этом оказалась весьма счастливая возможность. Предсказатель, к которому приходят пооткровенничать готовые на всё жулики, притом — мелкие! Склонные к подобным делишкам да способные помалкивать. Честер проводил время в отборе таких и ни в одном не ошибся.

И вот они начали разворачиваться и приготовились сорвать большой куш. Выстроив цепочку из полудюжины лучших из тех, кого набрал Честер, они собирались приобрести полудюжину или более дорогих билетов — долларов по десять или по двадцать, за которые и выплачивают помногу, — все на выигрышное число одного и того же дня. Оги пришлось бы выплатить сполна, даже пусть бы ему пришлось закрыть свой тотализатор. Он так бы никогда и не узнал, что именно нанесло ему ущерб. Цепочка выстроилась, и был назначен день — понедельник, то есть послезавтра. Тем временем Честер пристраивал к цепочке всё новых проходимцев в преддверии решающего дня и большого куша.

А Тоби действовал сообща с Оги над выяснением того, куда уплывают денежки последнего. И держал Честера в курсе всего, что они с Оги предпринимают. Честер всё знал про Ричарда Бергмана, знал также о походе Оги и Тоби в агентство Старлока и с кем они там разговаривали. Поэтому Честеру было известно, что Эм встречал Тоби и знал, что Оги водят за нос.

— И тут, — продолжил я сам, — в среду после обеда Эм приходит в предсказательную лавочку к Честеру, пытаюсь собрать сведенья о Томми Рейнале, который дал дёру на автомобиле. Рейнал был одним из Честеровых проходимцев; получив свою долю от выигрышного билета, он бросил жену и сбежал из города. Вот только не пойму, почему визит моего дяди к Честеру так того напугал. Ведь напугал же?

— Потому что когда Эм пришёл, Честер отсутствовал. И когда Честер вернулся, то увидел, что Эм читает книгу с этажерки и как раз книгу этого Чарльза Форты — не полное издание в одном томе, а просто одну из его четырёх книг. «Книгу проклятых».

После ухода Эма Честер забеспокоился, заглянул в эту книгу и увидел, что забыл изменить на титульном листе имя владельца. Книга была надписана «Честер Дэгон». Он понял, что раз Эм узнал, что его фамилия «Дэгон» — а это не вполне обыденная фамилия — и поскольку Эм беседовал с Оги и с Тоби Дэгоном, значит Эм может в любую минуту сложить два и два и получить результат — понимание того, что происходит с деньгами Оги. И если он сходит к Оги, то много чего выудит из этого небольшого фактика. И Честер вывел — из чего-то там, что он мог услышать от Эма, пока они разговаривали, — что Эм увидел-таки имя в книге, которую читал в приёмной.

Поэтому он придумал план. Полностью его собственный; он понимал, что если поставит в известность Тоби, тот просто убьёт Эма. А Честер говорит, что ненавидит убийства.

— Да, он мне сказал так однажды, — подтвердил я. Проговорив это, я вспомнил, что слышал это Четстерово признание лишь прошедшей ночью, только мне казалось — уже очень давно.

— И ему подумалось, что если на пяток дней вывести Эма из обращения, до вторника, они с Тоби сорвут свой большой куш и сбегут, так что уже не будет иметь значения, решит ли Эм их загадку. И он придумал, как изъять Эма из обращения на пять дней. Далее тебе почти всё известно, кроме одной вещи.

— Продолжайте, — сказал я. — Таких вещей две.

— Он выскочил из своей конторы, арендовал машину и припарковал её поблизости от здания, в котором располагается агентство, ожидая увидеть, как Эм входит внутрь. Честер дал ему время подняться в контору и затем, из телефонной кабинки там же в здании, у лестницы на первом этаже, он позвонил и позвал Старлока; подробности разговора тебе известны. И вот...

Я прервал Бассета.

— Но отчего он всё это так обставил? Трюк с Амброзом Коллекционером да номер Бергмана в отеле?

— Номер Бергмана он использовал потому, что Бергман трудился вместе с Оги над загадкой потери им денег. Он решил, что если рассорит Бергмана с полицией, у первого окажется меньше шансов выйти на что-либо, что можно начать раскручивать.

А дело с Амброзом Коллекционером он затеял, потому что книга, которую, как он приметил, читал Эм, это была книга Чарльза Форты — правда, не та именно, в которой говорится про коллекционера Амброзов, так что Эму о таковом ещё не было известно, — а про Чарльза Форты

они немного поговорили, пока Эм был там; я полагаю, Честер пытался выяснить, увидел ли Эм надписанную фамилию, и Эм мог сказать нечто такое, из чего Честер заключил, что видел.

В общем, поскольку Чарльз Форт уже высунул голову (из той книги с надписью), у Честера, вероятно, пробудилось чувство юмора: захотелось самому начать коллекционировать Амброзов, используя для этого соответствующие имя и фамилию. Он, правда, утверждает другое: не поразвлекся он хотел. По его словам, он надеялся, что мы подумаем на какого-нибудь сумасшедшего изверга — в любом случае на ненормального, — а использование этой идиотской зацепки лишь быстрее наведёт нас на такую мысль. Умным оказался, чёрт его дерит.

— А теперь одна вещь, которая мне не понятна, — сказал я. — Как он завладел дядюшкой Эмом, когда тот вышел из здания?

— Это для него оказалось проще всего. Как только Эм появился на улице, Честер вышел из машины и кинулся к нему, сделав вид, что только что подвернул к тротуару. Он сказал, что с тобой произошёл несчастный случай — машина сбила — и тебя отнесли домой, поскольку это случилось рядом с вашим домом, а у тебя имелось при себе удостоверение личности с адресом, и там теперь врач, и... В общем, он усадил Эма в машину и повёз домой, скормивая разными подробностями, звучащими вполне правдоподобно, так что Эм не заподозрил подвоха.

Некоторые детали, возможно, звучали и сомнительно — например, почему он приехал за Эмом на машине, вместо того чтобы просто позвонить, — но мне кажется, что Эм слишком встревожился, слишком торопился к тебе, и не увидел в том, что скормил ему Честер, никаких прорех.

— А когда они поднялись на наш этаж, — продолжил я, — Честер, надо полагать, стукнул дядю обтянутой кожей дубинкой.

— Верно. Временно припрятал его под кроватью и только потом, вечером, как раз когда ты забеспокоился отсутствием Эма, он с твоей помощью навесил замок на дверь своего чулана, где собирался продержать Эма все пять дней, на которые следовало Эма устранить.

— Чувство юмора у него и впрямь дьявольское, — сказал я. — Попросить меня помочь ему с замком!

— Честер сказал, что дело в другом. Ему просто нужно было, чтобы ты видел этот его чулан, пока тот стоит пустой, и чтобы потом не думал про запертый на замок чулан в связи с Эмом, после того как обнаружишь, что тот действительно пропал, а не просто запоздал с приходом домой.

— Я и в самом деле не думал. И всё это время, пока дядя считался пропавшим, я спал от него в шести футах! — Тут я вспомнил нечто худшее и хлопнул себя по лбу. — Под кроватью! У Честера, пока я смотрел, как тот прилаживает накладку! И я сидел тогда на этой кровати. На нём!

Бассет усмехнулся.

— Переходим к Карлу Деллу. Удалось тебе разгадать, что с ним произошло?

— Знаю, что, но не знаю, как. Расскажите.

— В среду Карл вернулся домой с головной болью, как и сказал тебе, и прилёг вздремнуть. Было около четырёх. В четыре-двадцать — это предположительно, поскольку Карл уже об этом не расскажет — он услышал, что пришли Эм с Честером. Он признал голос Эма и...

— Четыре-двадцать! — воскликнул я. — Это число стоило мне пять долларов.

Бассет рассмеялся. — А мне лишь полтинник. Наверно, я не столь азартен, как ты. А Старлоку сколько?

— Два доллара. Но что дальше? Лучше не вспоминать, как мы сглупили с этим числом.

— Это что касается среды; Карл, кстати, забыл про это. Всё со средой, переходим к четвергу, ко времени сразу после полудня, когда Карл сидел в своей комнате и выяснял с помощью астрологии, что приключилось с Эмом. Некоторые выкладки — неортодоксальные, если верить тому астрологу, которому мы их показали, — дали ему четыреста двадцать. Возможно, то было время, и возможно он решил, что именно в четыре-двадцать нечто и произошло с Эмом — что ведь очень близко к истине.

Но думая о четырёх-двадцати вчерашнего дня, Карл внезапно вспомнил, что когда он лежал у себя, то приблизительно в четыре с четвертью или в четыре-двадцать слышал голос Эма — Эм тогда поднимался по лестнице. Карл понял, что Эм вернулся домой из конторы и был не один. Астрология астрологией, но Карл осознал, что у него для тебя чертовски важная новость, а потому он бросился вниз к телефону и позвонил Старлоку. А тут и ты отзвонился Старлоку от «Жийяра».

Тем временем у Честера находился Тоби; они совещались. Я к тому времени уже повидался с Тоби, и тот знал, что нечто затевается; ему захотелось выяснить у Честера, известно ли тому, что происходит, потому он и пришёл. Честер признался ему в том, что он сделал; говорит, что сперва Тоби захотел убить Эма, но Честер не отдал ему ключа от чулана, и в конце концов он убедил Тоби, что Эм и так больше не стоит у них на пути, устранён таким способом, который даже лучше убийства и труп на руках.

— И пока они там разговаривали, — продолжил я за Бассета, — то слышали, что Карл сбежал вниз, как будто что-то случилось. Они приоткрыли дверь или даже подошли к лестнице и слышали, что он говорил по телефону.

— Верно. У него всплыло это «четыре-двадцать», а они понимали, что это то самое время, когда Честер привёл Эма домой и ударил его дубинкой, при этом Честер знал, — потом ему стало это известно, — что Карл тоже был дома, у себя в комнате, в то же самое время. Они поняли, что Карл обладает чем-то таким, что приведёт нас к Честеру, как это и случилось.

— Честер показал, что Тоби спустился вниз, и как только Карл, поговорив с тобой, повесил трубку, Тоби сунул ему в рёбра дуло пистолета и повёл его наверх, в комнату к Честеру. На сей раз Честер был напуган до смерти и позволил Тоби командовать собой — но клянётся, что не знал, что Тоби собирается убить Карла. Как бы то ни было, Тоби велел Честеру угнать машину и поставить её у дверей. Когда Честер выполнил, они свели Карла вниз; при этом Тоби с рукой в кармане, держащей пистолет, шёл позади. Тоби велел Честеру сесть за руль, а сам вместе с Карлом сел назад. Они проехали один-два квартала, когда Тоби велел Честеру найти где припарковаться и стать там. Честер подчинился; затем он оглянулся назад и увидел, что Карла нет. Он посмотрел вниз — Карл лежал на полу под задними сиденьями. По его словам, он думал, будто Карл всего лишь оглушён, хотя тот, скорее всего, уже был мёртв.

Тоби велел Честеру отправляться домой и заручился алиби — стакнуться с теми, кто поручится за него, и оставаться у них на глазах. А о Карле он позаботится. Честер отправился домой, по пути купил двух окуней на рынке, которых и предложил миссис Брэйди, рассчитывая, что она пригласит его отужинать с нею. Она так и поступила. Вот почему Честер ужинал с миссис Брэйди в то время, как автомобиль с Карлом внутри оказался брошен за десять миль отсюда.

— И тогда, — опять продолжил я за Бассета, — Тоби умышленно вдавил кнопку звукового сигнала. Так Честерово алиби оказалось незыблемо.

— Верно. Пришлось ему рискнуть покинуть автомобиль с трупом внутри, после того как он просунул руку через окно и как следует вдавил кнопку звукового рожка, зато он был теперь уверен, что автомобиль обнаружат почти тотчас, и на это время Честер будет обеспечен алиби.

— Да, он-таки провёл нас.

— Провёл. Послушай-ка, Эд. Тот конверт, что дал тебе Оги. Он и впрямь решил не отлынивать от...

Я вынул конверт из кармана и раскрыл его. В нём лежали пять новеньких долларовых банкнот — банкнот с тремя нулями после, собственно, доллара. Прекрасные образчики гравировального искусства.

Я взял одну банкноту и протянул её Бассету.

— Возможно, они фальшивые. Пусть-ка сперва какой-нибудь полицейский чин пустит одну в обращение; он скорее избежит проблем, если появятся.

Бассет посмотрел на билет, а затем на меня, словно бы не мог поверить в существование нас обоих. Секунду спустя мне показалось, что он сейчас заплачет.

— Господи Иисусе, а я места себе не нахожу из-за того, что моя жена нуждается в операции стоимостью в шесть сотен долларов. Но Господи Боже, ведь это ты, Эд, раскрыл дело. Я отсиживал задницу в кабинете, когда ты позвонил и просветил меня. Нечего нам с тобой делить.

— Назовём это взяткой, — сказал я. — Мы с дядей Эмом вскоре собираемся организовать собственное агентство. Нам нужен друг в головном управлении полиции.

Бассет вновь промолвил «Господи Иисусе», что отнюдь не прозвучало молитвой. Он сунул банкноту в карман. Затем он достал сигарету и закурил; при этом его рука едва заметно дрожала.

— Осталась лишь одна вещь, которую я не могу встроить в общую картину, и Честер не может. Зачем Тоби вернулся в комнату Честера? Игра в любом случае была окончена, ему не светило

ничего сверх. Честер ожидал в аэропорту, и стоило Тоби туда прибыть, они сели бы на первый же самолёт. Почему он вернулся? Убить Эма забавы ради?

— Не совсем, — ответил я. — Честер не преступник, а вот Тоби — прирождённый. Он ещё не сдался. Когда Честер позвонил и доложил ему о моём приходе в его логово, сказал, что игра проиграна и лучше им сматываться, Тоби, вероятно, сказал «О'кей» и велел Честеру отправляться в аэропорт и ждать его там.

Но Тоби ещё не отступил. Он подумал, что я могу предпринять то, что я на деле и предпринял — отправлюсь домой обыскать Честерову комнату. Он подумал, что если застанет меня там, то ему удастся убить и дядю, и меня, перетащить нас в нашу же комнату, и тогда ничто не наведёт нас на след Честера, как и его самого. Если бы задуманное им сработало, — а всё к тому и шло, — он бы отправился в аэропорт и вернул Честера, вместо того чтобы им вдвоём смываться. А затаись они ещё на два дня, то сбежали бы с капиталом в четыре или пять раз большим того, что имели.

Бассет вздохнул.

— Мне, Эд, следовало об этом подумать. Ну вот, я немного с тобой задержался. Сейчас справлюсь у дежурной наверху и заодно позвоню оттуда. Постой-ка здесь.

Через пару минут он вернулся.

— Врач просил дать ему ещё полчаса. Но мне надо бежать; передай Эму, что я навещу его завтра утром.

— Конечно, Фрэнк.

— Да, и забыл сказать. Старлок велел передать тебе его приязнь и признательность. Он присутствовал, когда мы допрашивали Честера. Сказал, что ему нужно вернуться в контору и начать нагонять кое-какую работёнку, которую до поры задвинули в сторону; ты уж сам перезвони ему, как только удастся поговорить с Эмом. Он также собирается вечером заглянуть сюда проведать Эма.

Бассет ушёл, а спустя полчаса — уже было слегка за шесть — мне передали, что я могу подняться наверх и повидать дядю Эма. Что его состояние стабильное, но он ослаблен, а потому оставаться с ним мне надлежит лишь полчаса, но не дольше.

Врач выходил из той палаты, когда я поднялся на этаж, и я с минуту поговорил с ним перед дверью. По словам врача, дяде Эму придётся остаться в госпитале на четыре или пять дней, после чего ещё неделю пролежать дома, перед тем как он сможет вернуться к своей нормальной деятельности.

Дядюшка Эм поднял взгляд и усмехнулся мне, когда я вошёл. Его ещё не побрили; дядино лицо покрывала трёхдневная щетина, а кустистые усы торчали пуще прежнего. Но взгляд да улыбка у него остались теми же.

— Вот и Эдди, — проговорил дядя. — Что, чёрт возьми, произошло? Мне сказали, что ты мне объяснишь.

Я хмыкнул в ответ.

— Да ничего особенного. Всего лишь тебя похитили. Мы добрались до парня, который имел на тебя виды. Мне пришлось пристрелить его, но это был не тот, который тебя похитил. Правда, он убил другого человека. Мы потеряли три дня, зато будем с прибылью в три тысячи долларов, после того как я выдам кусок Старлоку.

Дядя Эм прикрыл глаза, затем вновь их открыл.

— Теперь всё понятно. За исключением того, что произошло и где я был.

— Большую часть времени в двух футах от нашей комнаты. Один раз я даже присел на тебя, но ни один из нас об этом не догадывался.

Но тут, взглянув ему в глаза, я понял, что лучше рассказать всё напрямую. Я постарался сделать свой рассказ как можно более кратким, и всё-таки он занял у меня почти все отведённые полчаса. Несколько раз дядюшка перебивал меня вопросами, а один раз я сам прервался, чтобы спросить его:

— Дядя Эм, так ты видел надпись на форзаце той книги в приёмной Честера?

— Видел, Эд. «Честер Дэгон». Эта часть, «Дэгон», показалась мне знакомой, но ни за какого чёрта я не мог припомнить, где недавно её слышал. Совершенно выпало из памяти имечко этого громилы, который сопровождал Оги Грейна в наше агентство. Поэтому тогда это ничего мне не говорило, хотя позднее и могло бы навести на след.

Я продолжил рассказ и закончил его на том, что у нас появилось, после некоторых вычетов, три тысячи наличных. Ведь Старлок заслужил компенсацию даже больше, чем Бассет, поскольку бросил большую часть сил своего агентства в поиск на целых три дня, а, как ни крути, эти дни стоили ему не менее пяти сотен. На стороне Бассета был, правда, тот факт, что мы нуждались в его помощи в деле учреждения нашего собственного агентства, и тогда Старлок оказывался для нас уже конкурентом.

— А с этими тремя тысячами да с теми деньгами, которые нам удалось накопить, можем мы учредить собственное агентство?

— Разумеется, малыш. Завтра с утра и начнём.

— Не ранее, чем через две недели. Именно столько тебе отводят, чтобы отдохнуть, а я извещу Стралока о таком же сроке моей работы у него и уж отработаю: он вернулся к текущим делам, и негоже мне будет просто взять и бросить его.

— О'кей, малыш. Только назваться нам всё же надо будет «Хантер и Хантер». — Тут сиделка, появившись в дверях, объявила, что моё время вышло.

— Секундочку, — сказал я ей и вновь обратился к дядюшке, озадаченный не на шутку. — Что ты имел в виду, говоря «всё же»? Есть, разве, лучший вариант?

Дядюшка хмыкнул.

— Он бы подошёл, если бы мы собирались специализироваться только на взимании долгов. Мы же не собираемся? Тогда следовало бы использовать лишь одно моё имя, не фамилию. «Коллекторское агентство Амброза».

А, дядюшка Эм почувствовал себя лучше! Я покинул его с лёгким сердцем. По дороге в агентство я вспомнил об Эстелле; когда события завертелись, мне было не до неё. Было всего лишь семь вечера; девушка, вероятно, была дома и готовилась к выходу в «Голубой крокодил». Я позвонил домой; трубку сняла миссис Брэйди. Я спросил её, там ли Эстелла.

— Здесь уж больше Энни не живёт, — ответила миссис Брэйди.

— Чего? Это Эд, миссис Брэйди. Я говорю об Эстелле.

— Это песня такая. Ты, наверно, был ещё ребёнком в эпоху её популярности и не помнишь. «Здесь уж больше Энни не живёт». Должно быть, тебя-то она и ждала.

— Послушайте, миссис Брэйди, о чём вы говорите?

— Съезжает она, Эд. Сейчас её нет. Но вещи ещё здесь, так что вернётся. Желает оставить... постой-ка... Вот и она. Как раз пришла забрать остальное.

Тут в трубке раздался голос Эстеллы.

— Эдди? Как здорово. Ты нашёл Эма и всё такое прочее. Забегу завтра в госпиталь повидать его; сегодня они ведь уже не примут визитёров, а?

— Слушай, Стелла, мне хотелось бы отпраздновать, что ли, — ну, как повидать Старлока. Нет у тебя возможности отпроситься на вечер? Или мне после работы тебя встретить?

Пауза в трубке. Затем Эстелла произнесла:

— Нет, Эдди. Я хотела сказать, не надо. Я... сегодня я не работаю. Я выхожу за Оги. Мы уезжаем в Уокиган.

Несколько секунд я не мог вымолвить ни слова. Значит, про предложение от Оги она не шутила.

— Но, Эстелла, я... я люблю тебя! — Выдавил из себя, в конце концов.

— Возможно, Эдди, — ответила Эстелла. — Немножко. Но недостаточно. Вот я — я давно любила тебя, Эдди. И я рада тому, что между нами было. Возможно, это помогло тебе легче перенести эти три дня. И... в общем, давай больше об этом не говорить. Прощай, Эдди.

В моём ухе мягко раздался щелчок.

Я нашарил в кармане ещё одну монетку и вновь набрал номер. Голос миссис Брэйди произнёс: — Эд? — И когда я отозвался, она продолжила: — Спустится через одну-две минуты. Не вешай трубку.

Я подождал на проводе, и очень скоро услышал Эстеллин голос: — Да, Эд?

— Выйдешь за меня?

— Спасибо, Эдди. Но — нет. Не благодарю, Эдди.

И вновь мягкий щелчок у меня в ухе.

До агентства было неблизко, но мне хотелось поразмыслить, а потому я пошёл пешком. Я был и счастлив и несчастлив разом, — в таком, сложном, состоянии. Но я знал, что Эстелла права; то, что я люблю её, я выяснил слишком поздно, и то любил недостаточно. Будь это не так, жениться на ней я вознамерился бы раньше, намного раньше. Она была чертовски права.

Но от этого понимания мне не было легче.

Затем я вспомнил, что у нас с дядей будет собственное агентство, и почувствовал себя немного лучше. Зажглись звёзды. Я загляделся на них и вспомнил рассказ, прочитанный мной в журнале научной фантастики. Рассказ назывался «Число пи на небосводе», в нём звёзды двигались по небу и создавали слова. Мне подумалось, что сегодня ночью они непременно проделают то же. Если астрология чего-нибудь да стоит, звёздам сейчас же надлежит написать «Хантер и Хантер».

Они, кажется, не собирались...

Но нет — спустя секунду — внутри моих глазных яблок, если не снаружи — они исполнили. Так что стало, как положено.

И даже более того. Я покинул улицы и побрёл верхушками домов, а там и прямо по небу.

Перевод А.Москотельникова

<http://forum.ingenia.ru/viewtopic.php?id=29676>